

МИР СЕВЕРА

№ 1 (83), 2013

Этнополитический и литературно-художественный журнал

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора
Виктор КАШЛЕВ

Редакционный совет:
Еремей АЙПИН (Ханты-Мансийск),
Михаил АНДРЕЕВ (Томск),
Андрей БОРИСОВ (Якутск),
Галина БУТЫРЕВА (Сыктывкар),
Александр ВАЩЕНКО (Москва),
Людмила ЕФРЕМОВА (Надым),
Николай КУРИЛОВ (Якутск),
Татьяна МОЛДАНОВА (Ханты-Мансийск),
Анатолий ОМЕЛЬЧУК (Тюмень)

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА

Вёрстка
Алексей СЕМУШИН

Корректор
Светлана ШИШАГИНА

В оформлении обложки использованы картины
Константина ПАНКОВА

Подписано в печать 21 февраля 2013 года.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1200 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65,
Факс: 8 (495) 694-50-10

E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано в ГУП Академиздатцентр «Наука» РАН,
ОП Производственно-издательский комбинат «ВИНИТИ»-«Наука»,
140014, Московская обл., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 403.
Тел./факс: 554-21-86, 554-25-97, 974-69-76.

Заказ

СОДЕРЖАНИЕ

- 2 Ждём перемен
Вячеслав ОГРЫЗКО
Одна и та же надоевшая колода
- 6 Честь имею
Владимир ХРИСТОФОРОВ
Нераскрытые тайны вяземского котла.
Беседу вела Любовь ГОРДЕЕВА
- 9 Подробности
Юрий РЫТХЭУ – Владимиру ХРИСТОФОРОВУ
Как была продана Аляска: Два письма
- 11 Зона правды
Иван ГОБЗЕВ
Писателей уже больше, чем читателей.
Вопросы задавал Вячеслав ОГРЫЗКО
- 12 **Иван ГОБЗЕВ**
Непрочитанные символы. Мысли об иконологии сюжетов
Константина Панкова
- 15 **Александр ВАЩЕНКО**
Сила автохтонного слова
- 18 Пессимизм этнографа
Наталья ТУЧКОВА
У селькупов уже не родится писатель.
Беседу вёл Дмитрий ЧЁРНЫЙ
- 23 Сквозь века и расстояния
Александр ВАЩЕНКО
Вечное там – вечное здесь
Юрий ВЭЛЛА – Н.Скотт МОМАДЕЙ. Поэтическая переписка
- 30 Где ещё есть такие рыбы
Владимир БОГДАНОВ
Обь – наша кормилица
- 40 Рыбак рыбака видит издалека
Леонид БАБАНИН
Язь
- 43 Эскимосский триптих
Вячеслав ОГРЫЗКО
Подбитый на взлёте: лётчик и поэт Юрий Анко
Реквием Наукану: судьба Зои Ненлюмкиной
Пропавший археолог: Тасян Теин
- 60 Живая этнография
Никита ПАРТАНОВ
Шаман, который не спас себя
- 62 След в жизни
Иван ОМРУВЬЕ
Вспоминая Алика Мифтахутдинова
- 64 Заполярная сцена
Вера МОРОЗОВА
Театр молодости нашей
- 74 Предварительные итоги
Александр ЛАТКИН
После дождя
- 76 Дилетантство
Александр РАШКОВСКИЙ
Наглое воровство
- 80 Поэзия
Варвара ДАНИЛОВА
И в круговороте лун и солнца. Стихи

ОДНА И ТА ЖЕ НАДОБЕВШАЯ КОЛОДА

**Почему у Кремля отсутствует
запасная кадровая скамейка,
или К чему привела странная
этика всеильного депутата
Госдумы Пехтина**

Не так давно сменилась власть на Колыме. Ушёл в отставку губернатор Магаданской области Николай Дудов. Почему – толком никто не знает. Официально было сообщено о том, что у Дудова закончился срок полномочий. Но у нас много кому власть продляла сроки полномочий. А почему тут Кремль не захотел пойти по проторённому пути? Может, появились более эффективные управленцы? Давайте разберёмся.

Напомню: губернатором Дудов стал в общем-то случайно. В 2002 году мафия рас-

стреляла прямо в центре Москвы тогдашнего «хозяина» Колымы – Валентина Цветкова. У этого высокопоставленного чиновника была неоднозначная репутация. В окружении бывшего премьер-министра России Виктора Черномырдина Цветкова за глаза сравнивали не иначе как с бульдозером. «У него ведь хватка была бульдожья», – говорили опытные аппаратчики. Правительственные служащие не раз признавались в том, что устоять перед мощным нахрапом магаданского губернатора могли лишь единицы. Но вот быв-

ший редактор газеты «Вечерний Магадан» Антонина Лукина ещё в 1996 году ясно в одной из своих публикаций дала понять, что Цветков – это не пахарь, а пахан. И убили его спустя шесть лет, как выяснилось, не за правду и не за заботу о северянах, а за обман своих же поделщиков (не отдал бандитам обещанные и главное – проплаченные ворюгами квоты на вылов краба якобы в научных целях).

То, что Цветков рано или поздно кончит очень плохо, понимали многие. Не случайно борьба за губернатор-

ское кресло подспудно началась ещё при его жизни. Серьёзных претендентов на место «хозяина» Колымы было двое: Николай Карпенко (он тогда ходил в мэрах Магадана) и Илья Розенблюм, который в постсоветское время из геологов переквалифицировался в золотопромышленники. В пользу Карпенко говорили его колоссальный опыт как строителя и доскональное знание проблем ЖКХ. У Розенблюма было другое преимущество: он умел находить большие деньги. Так, во многом именно благодаря ему Колыма получила в середине лихих 90-х годов значительные американские инвестиции, вложенные в обустройство крупного месторождения золота «Кубака».

Цветков долго не знал, как нейтрализовать своих конкурентов. Но потом он придумал хитрый ход: одному пообещал резкое продвижение по линии законодательной власти, другому – самостоятельность в распоряжении огромными финансами. Самым доверчивым оказался, как это ни странно, прошедший, что называется, огонь и воду, Розенблюм. Но кончилось всё тем, что уже в 2001 году удачливый золотопромышленник с Колымы был полностью выдавлен. Так что после показательного расстрела Цветкова в центре Москвы главным кандидатом на губернаторское место оказался Карпенко.

Однако на выборах случилось чудо. Карпенко неожиданно для многих в первом туре убедительной победы не одержал, а во втором туре и вовсе проиграл. И кому? Николаю Дудову, которого всерьёз мало кто воспринимал.

Да, Дудов был при Цветкове первым заместителем губернатора. Но все знали, что сам он ничего не решал. Любые сделки стоимостью свыше одной тысячи долларов в обязательном

порядке согласовывались с губернатором. Дудова всегда считали слепым исполнителем воли Цветкова. И не более того.

Что же произошло на выборах? В экспертных кругах до сих пор нет единого мнения. Кто-то и сейчас убеждён в том, что за поражением Карпенко якобы стоял некий деятель по фамилии Пехтин. Будто бы на словах тот везде и всюду ратовал за магаданского градоначальника, а в реальности вёл свою игру.

Кто же этот Пехтин? Когда-то его считали неплохим хозяйственником. В начале 1990-х годов он руководил строительством на Колыме второй гидроэлектростанции. Ситуация тогда в экономике была аховая. Никто никому месяцами не платил. Тысячи людей оказались без средств существования. Что сделал Пехтин? Он ввёл в посёлке гидростроителей суррогатные деньги, которые в народе прозвали пехтинками. На них люди могли купить необходимые продукты и расплатиться за услуги коммунальщиков.

Выдумка Пехтина понаравилась некоронованному «пахану» Колымы Цветкову. Став в конце 1996 года губернатором, Цветков пригласил колымского гидростроителя в свою команду. Сначала он предложил избрать создателя «пехниток» председателем областной думы и членом Совета Федерации. Потом губернатор инициировал рокировку.

С подачи Цветкова Пехтин в 1999 году формально пошёл на понижение, уступив председательское кресло в областной думе и место в Совете Федерации золотопромышленнику Розенблюму. Отказавшись от прежних постов, бывший гидростроитель, судя по всему, под напором Цветкова подался в Госдуму. Для чего – это стало ясно чуть позже. Дело в том, что Цветков хотел обеспечить себе под-

держку во всех ветвях и на всех этажах власти. Как говорили, во многом именно он пролоббировал сначала назначение Пехтина на одну из ключевых должностей председателя Комитета Госдумы по собственности, а после ухода Грызлова в МВД добился избрания своего товарища руководителем проправительственной фракции «Единая Россия».

Я не исключаю, что Цветков в перспективе надеялся получить хорошее место или в правительстве, или даже в Кремле (он ведь не случайно купил шикарную квартиру в центре Москвы и перевёз в столицу жену) и исподволь начал готовить в свои преемники Пехтина.

Кстати, Пехтин, когда стал депутатом Госдумы, судя по всему, очень внимательно отслеживал все процессы на Колыме и интересовался тем, что о нём писала магаданская пресса. Я знаю, что когда в 2002 году газета «Вечерний Магадан» опубликовала нелестную о нём статью с рассказом о непонятной недвижимости избранника народа в колымской столице, сразу засуетилось всё местное начальство. И кончился скандал тем, что мэр города попросил редактора газеты Свистунова потихому уволиться. Я потом прямо задал Карпенко вопрос о том, почему он так некрасиво поступил с журналистом. Карпенко не стал ничего скрывать, признался, что ему не с руки было в тот момент ссориться с Пехтиным. Мэр прекрасно понимал, что выступление против Пехтина означало бы объявление войны всесильному Цветкову.

Однако к концу 2002 года, когда убили Цветкова, Пехтин толком ещё не раскрутился. Замеры социологов свидетельствовали о том, что он много голосов ни при какой погоде не собрал бы. Но победа Карпенко его тоже вряд ли бы устроила.

Уходящая натура: Николай ДУДОВ

Если Карпенко получил бы в свои руки полную власть на Колыме, Пехтину, как мне представлялось, больше на Колыме ловить было бы нечего. Другое дело – Дудов. Тот производил впечатление договороспособного человека.

В общем, была затеяна большая игра, в которую оказались вовлечены московские политтехнологи, перебежчики из лагеря Карпенко, а также вдова Цветкова. При этом почти никто никаких правил не соблюдал.

Вскоре после провала на выборах Карпенко, видимо, от отчаяния совершил глупость: написал заявление об отставке и вернулся на свою историческую родину – на Дон, став с подачи одного из своих бывших приятелей начальником контрольного управления в аппарате представителя Президента России по Южному федеральному округу Яковлева. Возможно, бывший мэр надеялся на то, что в администрации Президента оценят его опыт как хозяйственника и что со временем ему доверят более высокую, а главное – относительно самостоятельную должность. Но на Дону уже имелись свои волки, которые тоже хотели заполучить хорошие денежные посты. Поэтому неудивительно, что после перевода Яковлева в Москву Карпенко оказался на Дону не у дел. Тогда бывший магаданский градоначальник попросился к Яковлеву в столицу. А что тот мог ему предложить?! Всего лишь место руководителя отдела в одном из департаментов нового Министерства регионального развития. Но Карпенко это

воспринял как некое унижение. В итоге он вернулся в Магадан, но уже в качестве первого заместителя Дудова – того самого Дудова, которому он после расстрела Цветкова проиграл выборы.

Впрочем, есть и другие версии. Некоторые эксперты до сих пор уверены в том, что сразу после расстрела Цветкова Пехтин как видный функционер правящей партии, бесповоротно принял сторону Карпенко. По мнению этих экспертов, Карпенко проиграл выборы по собственной глупости. Во-первых, зачем он очень долго держал в своих заместителях некоего Константина Чалого, который фактически работал против него. И, во-вторых, не стоило ему просить публичной поддержки у вдовы Цветкова. Дудов, тот сразу сообразил, что любое доброе слово в его адрес, высказанное вдовой расстрелянного губернатора, могло обратиться против него. Больше того, эти эксперты полагают, что именно Пехтин приложил неимоверные усилия для того, чтобы Карпенко в конце концов после неудачного вояжа на Дон вернулся в Магадан, и не просто на какую-то маловлиятельную управленческую должность, а на ключевую позицию первого заместителя губернатора, ведающего вопросами экономики. Якобы сам Пехтин претендовал на серьёзный пост в Москве, а Карпенко он надеялся со временем всё-таки «продать» в губернаторы и через него контролировать весь регион. Но Дудов вопреки распространённому о нём мнению оказался не таким уж безвольным человеком. Он

вроде бы повёл в области не зависимую от Пехтина политику и даже нашёл в Кремле других покровителей.

Вообще-то Дудов «рулил» Колымой ни шатко ни валко. Ничего выдающегося для области он так и не сделал. Но при нём и откровенных провалов не было. Неудивительно, что какое-то время новый губернатор многих устраивал.

Первым попробовал сковырнуть Дудова с насиженного места представитель президента России по Дальневосточному федеральному округу Шамиль Исхаков. В году этак 2007-м он предложил «хозяину» Колымы стать его первым заместителем. Но Дудов увидел в этом ловушку и ответил отказом. Помог ему тогда удержаться на плаву, кстати, Кремль, ибо кадровые инициативы Исхакова успели всех достать (до этого Исхаков протолкнул своего человека в губернаторы Амурской области, после чего Приморье надолго погрузилось в пучину коррупционных скандалов). Потом к Дудову придирались и другие чиновники. Но и у них ничего не вышло.

Тут мнения экспертов опять разнятся. По одной из версий, все эти годы более других Дудова отстаивал Пехтин. Но так ли это? Ведь у самого Пехтина карьера всё это время развивалась неровно. То он шёл в гору, то как бы вбок. Помнится, на очередных выборах в Госдуму правящая партия двинула его в качестве «паровоза» во Владивостоке. Но в Приморье бывший гидростроитель много голосов не собрал. Потом его бросили на европейский Север. Однако он и там показал весьма скромные результаты. Что, впрочем, не мешало ему в Госдуме этого созыва возглавить Комитет по этике.

Одно время участились разговоры о том, будто Пехтин наконец-то за былые

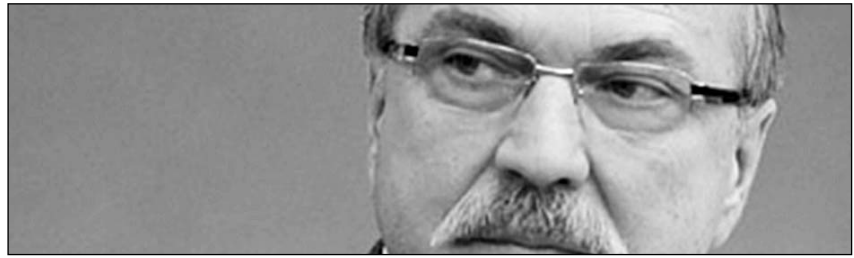
заслуги должен получить или губернаторское кресло, или одну из госкорпораций. По слухам, его прочили то в губернаторы Приморья, то чуть ли не в Ростех. Магадан рассматривался всего лишь как запасной вариант.

Дудов, как говорили, до последнего рассчитывал, что Пехтин возглавит одну из госкорпораций в ранге министра, а лично ему дадут возможность «порулить» Колымой третий срок.

Чиновники не учли одного – роста оппозиционных настроений. Первый звонок для Пехтина прозвенел летом – после появления в прессе материалов вокруг якобы его родового гнезда в Питере. Общественность, борющаяся с коррупцией, увидела в тяге бывшего гидростроителя к корням желание обогатиться на десятки миллионов долларов. Пресса потребовала объяснений. Но Пехтин от диалога уклонился. Вместо него отдувались пресс-секретари, помощники и, кажется, представители риэлторов.

Пока в верхах рассматривали возникшие проблемы, вскрылись другие нехорошие подробности. И ситуация, похоже, вышла из-под контроля. Получилось «ни вашим, ни нашим».

Да, Дудову губернаторские полномочия не продлили. Но его будущее меня сейчас не интересует. Что, мы не знаем, как Москва устраивает лояльных им начальников?! Вспомним о том, куда делся после отставки, к примеру, скандальный губернатор Приморья Сергей Дарькин. Он теперь заместитель министра регионального развития. Другим заместителем в этом министерстве стал бывший крайне непопулярный губернатор Ярославской области Вахруков. А экс-глава Республики Карелия Нелидов недавно возглавил заповедник Кижи, хотя до этого он к музейным делам никакого интереса вроде бы не проявлял. Хлебных мест у нас ещё

Владимир ПЕХТИН: вот кто, кажется, остался с носом

много. Так что Дудов без должности не останется.

Посмотрим теперь на то, как будет развиваться ситуация с Пехтиным, и на то, кто заменит Дудова в Магадане.

Похоже, Кремль продвигать Пехтина по карьерной лестнице пока не рискнул. Тут ещё вокруг него вспыхнул новый скандал. Вездесущий блогер Навальный обнародовал сведения о дорожке недвижимости семьи председателя думского Комитета по этике в Америке. Пехтин, правда, от всего отбивается, ссылается на то, что покупок за океаном делал ещё до своего депутатства в Госдуме, в 1998 году, а потом вроде всё передал сыну. Но ведь и в 1998 году он был не рядовым гражданином, а депутатом областной думы, а потом и членом Совета Федерации. В общем, губернатором Пехтин не стал и, похоже, всё идёт к тому, что очень скоро власть от Пехтина окончательно откредитится, и не исключено, что даже заставит его отказаться от мандата члена Госдумы.

Но пока вокруг Пехтина разгорались все новые коррупционные и прочие скандалы, неожиданно выяснилось, что целый регион оказался без запасных игроков. Власть столкнулась с тем, что продвигать в губернаторы оказалось некого. Карпенко, судя по всему, свой ресурс исчерпал (против него теперь обернулась и возможная многолетняя связка с Пехтиным). Розенблум? Но он связь с Колымой, по сути, уже утратил (контроль за одним мелким месторождением золота – не в счёт).

А где новые политики и хозяйственники? Что –

Колыма за последние годы так уж никого и не сформировала? Или это Москва долго никого, кроме Пехтина, не замечала?

Остался один Печеный, работавший до недавнего времени мэром Магадана. Но ему уже 64 года. Он давно от всего устал. Поэтому неясно, способен ли Печеный вывести экономику области на новый уровень. Я лично настроен скептически. Во всяком случае, за десятилетие своего правления он в Магадане кардинально ничего не изменил.

Мне кажется, что когда Печеного назначали исполняющим обязанности губернатора Магаданской области, то исходили из принципа «хуже не будет». Но, похоже, пора избрать другой принцип выдвижения кадров: будет ли при новом назначенце лучше.

Что выявила нынешняя ситуация на Колыме? Во-первых, отсутствие у Кремля внятной региональной политики. Второе – кадровый голод. Нельзя без конца тасовать одну и ту же колоду (в нашем случае Пехтин – Карпенко – Печеный). В обществе существует огромный запрос на новые лица. Уверен, они, эти лица, есть. Вопрос только в том, почему Кремль плохо их ищет и не продвигает, зато с непонятным упорством насаждает опостылевших чиновников. И третье – отсутствие у местной элиты идей, которые могли бы обеспечить Колыме не прозябание, а мощное развитие.

Вячеслав ОГРЫЗКО

ЖЕРДСКРЫТЫЕ ПЯЙЖЫ

– Почему вы занялись вяземской темой войны и вяземской проблемой?

– Случайно. Я попал в школу № 5 в 1995 году, где есть кружок следопытско-копателей. Они отдали мне содержимое ящика – полкового сейфа, который пролежал на дне воронки под Вязьмой 53 года. Ворох истлевших документов. Я взял всё домой – расшифровать. Целый год расшифровывал. Вонь была дикая – зайти нельзя было в дом, – тлен. Голова болела, резь в глазах, слёзы. Расшифровал и стал писать.

– А как ящик с документами попал в школу?

– Он не такой большой – обыкновенный железный ящик. В Вязьме жили братья – следопыты Акимовы. Не знаю, что искали. Может, оружие. Они нашли сейф и отнесли в вяземскую школу, где есть кружок. А они уже мне его передали.

– Неужели в этих документах была какая-то сенсационная информация?

– Я стал единственным обладателем ценнейшей бытовой информации о добровольцах-ополченцах. Многие добровольцы были босые, потому что у них порвалась обувь. Они шли голодные, разутые, холодные, неподготовленные. У них были учебные винтовки из фанеры. Вооружение (по списку, который у меня есть) – ужасное, затворы на винтовках от другого оружия, на полк два миномёта, один из которых разобранный... Ни в какие бои они не вступали. Танки шли и давили их безоружных.

Что там творилось! Самострелы, суициды, рас-

Владимир Христофоров живёт в Вязьме. На его счету несколько книг прозы. В последние годы он работает специальным корреспондентом «Медицинской газеты».

Владимир ХРИСТОФОРОВ

стрелы. Пацаны, школьники. Матери пишут письма – просят отдать детей, потому что школу нужно заканчивать. Может, и есть в архивах эта информация, но никто вас на километр к ней не подпустит. Если бы я всё это узнал, когда мне было лет сорок, это изменило бы всю мою жизнь – я написал бы книгу посильнее, чем «Прокляты и убиты» Астафьева. Потому что это уникальнейший бытовой материал.

Кто такие добровольцы? Приходит комиссар в десятый класс и спрашивает:

– Любите ли вы Родину?

– Любим! – отвечают школьники.

– Хотите ли защищать её?

– Хотим!

– Выстраивайтесь в очередь.

Писателей просили зайти в «Союз писателей», грозили

отобрать билет, если не запишутся в ополчение. Многие шли добровольно, чтобы повысить свой политический статус. Один пишет: «Я пошёл ради своей сестрёнки Ирки, чтоб ей было легче». Русских немцев из Москвы выселяли – ни за что. Они тоже шли в народное ополчение, чтоб не выселили.

Этот гигантский ворох документов я почти осилил. Очень неплохо сохранились материалы политотдела дивизии, напечатанные на машинке. Там протоколы партсобраний особых отделов – расстрелять, назначить... жалобы печатали. Один пишет: «Ни копейки я не передам в фонд обороны – у меня жена с детьми голодает». Другой: «Плохо стреляют младшие командиры, потому предлагаю прово-

ВЯЗЕЖСКОГО КОЖЛА

дить стрельбу командного состава отдельно от бойцов» – стыдно.

– *Где вы печатали эти материалы?*

– Все публикации начиная с 1996 года были напечатаны в «Вечерней Москве», в «Литературной России» (публикация называлась «Неизвестная сенсация»), в «Домашнем чтении», «Крестынской России», «Ветеране». Получил много откликов в том числе – от очевидцев тех событий и их потомков. В итоге получилась вещь под названием «Атыбаты, шли солдаты», которая целиком пока не опубликована.

В «Литературной России» большей частью я затронул писательскую тему. Я неожиданно узнал, что в 2010 году вышла книга «Записки случайно уцелевшего» писателя Бориса Рунина. Книга вышла посмертно. И он там пишет о тех людях, о писателях, о которых я узнал. Он расширил мои знания, но не довёл исследование до конца. Мне пришлось о каждом писателе (а их несколько десятков) искать информацию – какие произведения написал, когда умер, и так далее. Обо всём этом я писал в вашей газете.

– *Другая крупная тема вашего творчества – флот. Насколько я знаю, Вы работали на Чукотке, лично связаны с флотом. Расскажите об этом.*

– Напасти на меня сыпались с самого рождения. Мать отказалась забирать меня из роддома, забрал отец. Семипалатинский полигон. Я учился в первом классе, когда произошёл взрыв атомной бомбы. Всё разнесло, даже наш класс.

Сестрёнка родная (её тоже отец забирал) утонула. Потом в 1953-м году – взрыв водородной бомбы. Смерть отца – лучевая болезнь косила весь город, кроме (пока) меня. В 16 лет начал печататься в областной газете Семипалатинска, а в 17 начал работать в профессиональной газете. И лет 15 я был во всех газетах самым молодым. И чем я занимался? Я был гонцом – бегал в магазин и пил вместе со старыми журналогами. Но в 19 лет начали выходить в Алма-Ате книжки очерковые. Один очерк – брошюрка. Четыре штуки. Надоела Караганда! Поехал на Чукотку.

В 25 лет у меня была очень редкая награда – «Почётная грамота Карагандинского обкома партии». И в Магаданском обкоме партии, куда я написал, сразу, как увидели эту награду, меня вызвали, деньги прислали. Так я попал на Чукотку, где три с половиной года из пятнадцати работал охотоведом. А это большой риск. Работал пастухом-оленоводом, колхозным рыбаком на ставном неводе, звероловом на острове Врангеля. Если жизнь – это мешок, то в мой мешок напихано столько риска, приключений и пьянства... сколько раз я падал, расширялся, поднимался...

На Чукотке у меня стали выходить книги прозы. За первую я сразу получил премию Магаданского комсомола. Первое предисловие написал Анатолий Ёлкин, писатель, пьяница (все пьяницы), он был первым заместителем главного редактора журнала «Москва». Он меня приобщил к флоту. У него

дома был уникальный музей флотских штук – мин, торпед, трофейных вещей. Он меня заразил любовью к флоту. И, наконец, я познакомился с Виктором Конечким, который всю жизнь писал о флоте. Потом я подружился в Абрамцево с Юрием Казаковым – классик!

В 1979 году вступил в Союз писателей. Был принят единогласно – голосовали Олег Куваев, Юрий Рытхэу, Альберт Мифтахутдинов, Виктор Конечкий.

– *А море-то в вашей жизни было?*

– На Чукотке у меня было своё маломерное судно как у охотоведа, было табельное оружие – я ловил браконьеров. Дружил с подводниками Магадана. Как дружил – пьянствовали вместе. Бывал на всех ледоколах, которые заходили каждую весну на Чукотку, – пробивали лёд, чтобы завезти так называемый «генгруз». А это спирт. Первым везли спирт, потом уже картошку и всё остальное.

На ледоколах я жил и плавал. Атомоход «Ленин», ледокол «Хабаров»... но служить – не служил. Любил флот, со всеми капитанами был знаком.

– *У вас есть повесть «Деньги за путину» – сами были рыбаком?*

– Колхозным рыбаком я был. Это всё лето на ставном неводе. Мы – бригада из десяти человек. Всё лето ловили лосося. Книга «Деньги за путину» издавалась несколько раз – в Москве, в Хабаровске и Магадане. И тиражи были не сравнить с нынешними.

Каждый из десяти членов бригады за путину стащил

домой десять ведер красной икры – закон. Сто ведер ушло налево.

– *Что-то изменилось с тех пор?*

– Был огромный скандал в своё время в «Росрыболовстве». А ставным неводом также ловят. А изменилось вот что. У нас сейчас даже в Москве нет свежей кеты. Она вся уходит в Японию. У нас есть норвежская сёмга, а это искусственная рыба, выращенная на биодобавках. А браконьеры как были, так и остались. В «Мире Севера» я публиковал очень важную статью – о том, что возрождается Главсевморпуть. Он должен дать толчок всей экономике Полярного круга и Арктики.

Об авиабраконьерстве я писал в «Литературной газете», развернулась дискуссия, результатом которой стала статья в Уголовном кодексе РСФСР.

– *Вы часто говорите о пьянстве. Как удалось не спиться?*

– Моя любимая книга – «Квартал Тортилья-флэт» Джона Стейнбека. Я прочитал эту повесть пятьдесят лет назад, помню до сих пор. Книга о пьяницах – такая жизнестойкая, добрая. Один из образов – образ ангел-хранителя. Когда герой пил, ангел летал над ним и рыдал. Я считаю, что ангел-хранитель и меня вытаскивал. Сейчас мой ангел-хранитель – моя жена. Великая русская женщина.

– *Правда ли, что большую роль в вашем творчестве сыграл Юрий Казаков?*

– Огромную роль. Я у него жил подолгу. Когда мы пропьемся (а пил он ужасно), он рассказывал мне, как создавал «Во сне ты горько плакал», «Свечечка», «Арктур – гончий пёс». Он рассказывал предыстории рассказов, как всё было на самом деле. Как он встретил на берегу женщину, как они шли, как ромашки стучали по ведру. Более того, я подружился с его матерью Ульяной Васильевной и

общался с ней даже после его смерти. Она меня жалела как женщина из-за того, что мать меня бросила. Отец его сидел. Он читал все мои произведения, давал мне советы. Я написал о нём воспоминания «Послушай, не идёт ли дождь», опубликованы в журнале «Север». Название у меня содрали и сделали очень плохой фильм о Казакове. А когда вышли воспоминания, мне в три часа ночи позвонил уже известный тогда Виктор Конецкий. Хвалил. Он сказал, что хочет написать книгу о Казакове. И написал. Они очень дружили. Казаков мне советовал учиться у Конецкого – его описаниям, вниманию к деталям.

В гости к Казакову часто приходил Венечка Ерофеев, приносил «Москва – Петушки». И мне Казаков говорил: «Не увлекайся Венечкой, это сортирная литература». Венечка зазывал меня к себе в гости, подружиться. Но Казаков отговаривал. Благодаря Казакову мы не сошлись.

У Казакова была дурная манера всё прятать, когда напьётся, а потом обвинять тех, кто с ним пил, в краже. Венечку обвинил в краже электробритвы, которую он привёз из Парижа. Потом она нашлась. Меня он обвинял в том, что я украл у него издание «Лолиты» Набокова. Потом извинялся – в валенке её спрятал. Я обижался. Но у него хватило сил перед смертью подойти ко мне в ЦДЛ и извиниться за всё.

Виль Липатов, автор «Деревенского детектива» и шеститомного собрания сочинений, был моим учителем. В Переделкино я писал при нём один рассказ, который впоследствии был переведён на бенгальский язык, и мне прислали за него гонорар в три рубля, на которые нельзя было купить даже бенгальский огонь. И Виль Липатов, и Анатолий Ёлкин жутко пили. А Казаков меня очень жалел. Хотел меня положить в лечебницу «от этого дела».

– *Сейчас вообще не пьёте?*

– Бывают срывы. Приехал я пятнадцать дней назад в редакцию. Все меня поздравляли с победой в конкурсе «Честь имею». На планёрке шеф выставил шампанское. А мне – только начать. Потом мой друг поставил бутылку, потом – я сам. Сорвался. А так – нет. Возраст уже – скоро под сто будет.

– *Ваша судьба тесно связана с «Литературной Россией»...*

– Да, судьба нас связывает уже около сорока лет. Я даже четыре года работал в штате при Эрнсте Сафонове. Становился лауреатом года раза четыре или пять. Стоял у истоков журнала «Мир Севера». Читаю всё, что написал Вячеслав Огрызко, – восторгаюсь! Мы с ним одной крови – колымчане, хорошо помню его отца. Благодарен Виктору Кашлеву за многолетнюю дружбу. Слежу за творчеством Романа Сенчина. Его «Елтышевы» во многом выигрывают по сравнению с книгами новых Нобелевских лауреатов.

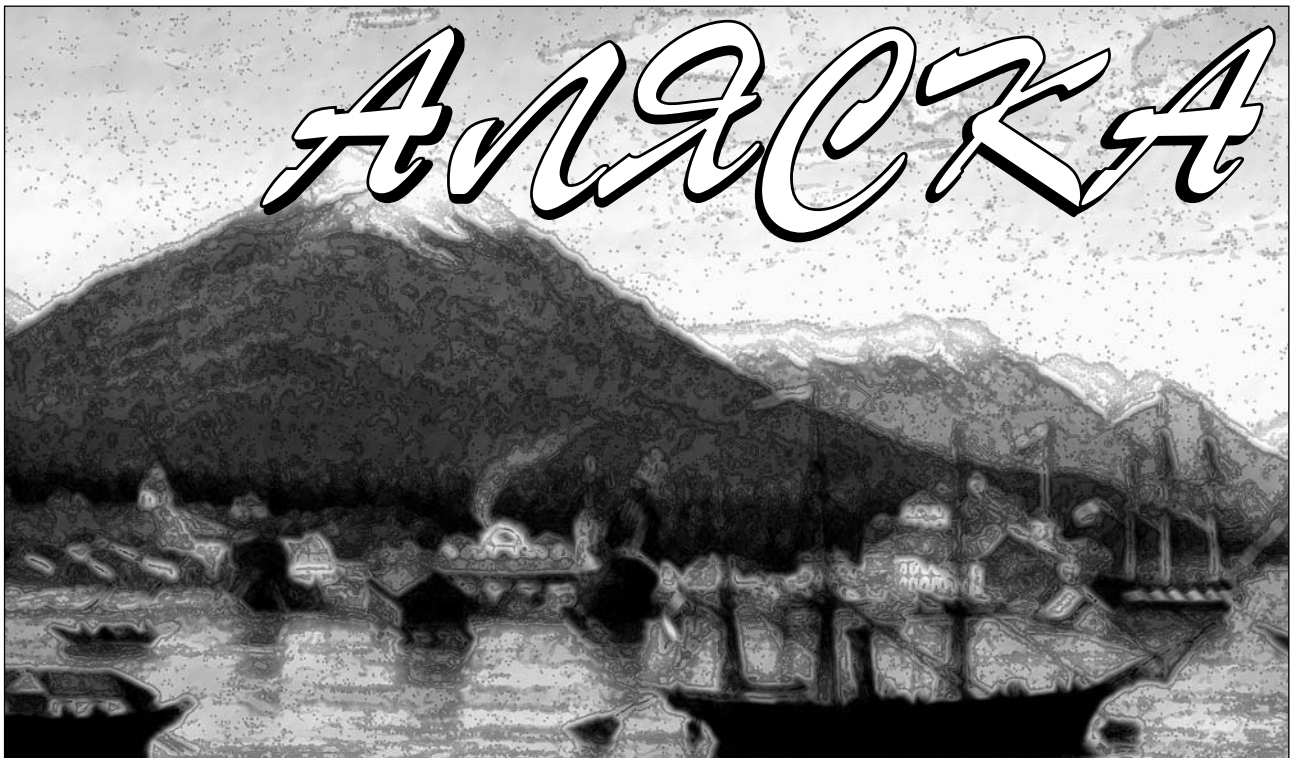
Благодарен редакции за конкурс «Честь имею» – это вообще высший пик удачи! Жена до сих пор считает, что меня разыграли. Как думаете, правда, машину дадут?

– *Приходите на торжественную церемонию чествования лауреатов, сами всё увидите!*

**Беседу вела
Любовь ГОРДЕЕВА**

КАК БЫЛА ПРОДАНА

Владимир Христоворов одно время плотно занимался проблемой продажи Аляски. Этот его интерес всячески поддерживал Юрий Рытхэу. Публикуем письма чукотского писателя нашему герою.

3 августа 1997 г.
Санкт-Петербург

Дорогой Володя!

Завтра, т.е. 4 августа, будет ровно 49 мес., как мы с Верой Анамквасак и Сашей Никитиным на пароходе «Жан Жорес» отплыли из бухты Провидения на материк в Ленинград, куда прибыли 4 ноября того же года, проведя в пути более 3-х месяцев! Сколько времени прошло! Полвека!

Дорогой Володя! Я тебя всегда читаю с удовольстви-

ем, т.к. у тебя настоящий писательский дар, который проявляется во всём, о чём бы ты ни писал.

Чтобы достать акт о продаже даже Аляски – это надо мне весь архив, который плотными папками лежит в основании книжных полок, поднять. Легче найти этот акт в книге «Alaska Native Land Claims», изданной в 1976 году в Anchorage Alaska, Alaska Native Foundation.

В конце октября еду в Германию и Швейцарию на презентацию нового издания

романа «Унна», когда-то печатавшегося в «Неве». Сейчас, после завершения «Зеркала», полностью «вошёл» в новый роман, а мой издатель в «промежутке», пока переводится новый роман, хочет издать сборник рассказов и, возможно, повесть «Вэкэт и Агнес». У этого капиталиста заботы об авторе (во всяком случае обо мне) больше, чем у всех существующих Союзов писателей.

А вообще-то – приезжай!

**Сердечно
Ю.Рытхэу**

16 мая 1997 года
Санкт-Петербург

Дорогой Володя!

Хотел тебе написать с дороги, но, боюсь, письмо затеряется и поэтому отвечаю на твоё последнее письмо буквально сидя на чемоданах. Прежде всего о твоём намерении написать обо мне и моих изданиях за рубежом. Дорогой мой! Не делай этого! У меня совсем

представлять дело так, будто Аляска задёшево была куплена хитрыми американцами, когда дело обстояло совсем не так. Аляска не была признана тогда по международному праву частью России. Это одно. Другое – по Акту 1861 года об отмене крепостного права в России запрещались сделки по про-

го управления». Ведь и сами американцы почти столетие после этого не считали Аляску собственно территорией США и объявили её штатом только в 50-х годах. Однако миф о дешёвой продаже Аляски американцам живуч у нас и даже время от времени раздаются голоса: а не потребовать ли нам обратно эту «исконно русскую» землю! Я тут придумал такую шутку: якобы

нет намерения привлекать к себе внимание налоговой инспекции и других завистников. Всё равно ведь это ничего не даст. Никто не ринется ко мне с предложениями немедленно издать новые произведения и переиздать старые. Так что оставим всё как есть и будем надеяться на лучшие времена.

Твоё намерение написать об Аляске весьма похвально. В своё время я вплотную занимался этим вопросом и даже в Госдепартаменте США получил копию Акта об уступке права на административное управление территорией Аляска. Именно так называется пресловутый документ о продаже. Где-то эта копия хранится в недрах моего архива. Кстати, МИД СССР в своё время отказался выдать мне копию этого документа. Им выгодно

даже земли с людьми. А Аляска была населённой территорией. Третье – несмотря на официальные заверения о том, что завладение Аляской русскими казаками было мирным, на самом деле такого не было, и несчастных алеутов, эскимосов и тлинкитов убивали тысячами. По свидетельству русского историка Шашкова, трупов было столько, что их течением прибивало аж к берегам Камчатки. Многие племена Аляски, в частности, тлинкиты, всё ещё находятся в состоянии войны с Россией, о чём мне заявили вожди этого народа в городе Джуно, официальной столице Аляски. Так что Америка довольно дорого заплатила за «право административно-

американцы обратились с просьбой к властям России уступить им Чукотку в связи с неспособностью её содержать и развивать в надлежащем состоянии... Но без русских... В Кремле крепко задумались.

**Крепко обнимаю.
Юрий Рытхэу**

ПИСАТЕЛЕЙ УЖЕ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ

Иван ГОБЗЕВ

— Иван, ты по образованию философ. Почему ты выбрал эту профессию? Сказались гены отца?

— Дело в том, что меня уже в раннем возрасте интересовала только литература и больше ничего. Поэтому, поразмыслив, я понял, что мне подойдёт философия — предельно широкое гуманитарное образование, которое, в общем-то, не даёт никакой специальности, но расширяет кругозор. Ну и то, что отец мой имел отношение к философии, тоже сыграло свою роль, хотя у него совсем другая история. Правда, помню, у меня ещё были поползновения в сторону журналистики.

— В 2003 году ты защитил в МГУ кандидатскую диссертацию «Теория и практика формальных переводов». Ты сам выбрал такую тему? Чем именно твоя диссертация обогатила нашу философию?

— Эту тему я выбрал совместно с моим научным руководителем, удивительным человеком и прекрасным учёным, Владимиром Поповым. Не могу сказать, что моя диссертация сильно обогатила философию, потому что она по математической логике и написана языком формул. И вообще, я подозреваю, что существует только два человека, которые в полной мере в состоянии понять, о чём там идёт речь: это мой научный руководитель и я.

— Как я понял, сочинительством ты увлёкся чуть ли не в раннем детстве. А тут чьи гены сказались?

— Да, всё верно. Лет в семь, а может, и раньше, я решил, что буду писателем. И стал писать. Боюсь, тут дело, опять

же, не в генах, а во влиянии мировой литературы. Наверно, на мысль о том, что литература — это самое прекрасное, что может быть, меня натолкнуло сильнейшее эмоциональное влияние книг, которые я читал. В первую очередь, это, конечно, были «книжки для детей», а потом и более взрослая литература. В детстве и отрочестве неизгладимый след оставили Линдгрэн, Кэрролл, Носов, Толкин, Диккенс, Дюма, Дефо, Сервантес, Маркес, Оруэлл, ну и многие другие.

— Много лет ты как литератор выступал в основном в Интернете. Твои первые печатные публикации относятся, если не ошибаюсь, к 2006 году. Так, в нашу газету ты поступался по совету Вл. Кантора, хотя Кантор никогда нашим автором не был. Кантор тебе не говорил, почему он считал, что тебе нужно идти именно в «ЛР»?

— Давайте-ка этот вопрос исключим...

— Чем из написанного ты более всего дорожишь?

— Ммм... Ничем. Я, честно говоря, дорожу книгами других авторов, которые произвели на меня большое впечатление, а на свои произведения я не умею взглянуть со стороны. Но мне всегда кажется (некоторое время), что последнее написанное мной — самое удачное.

— Тебе интересно, помимо всего, заниматься литературной критикой и литературоведением, писать, в частности, о Розанове, или это просто необходимость, своего рода тренировка?

— Мне интересно высказывать свои мысли по разным поводам, поэтому это не просто необходимость. Во-

Иван Гобзев — многостаночник. Он выступает сразу в нескольких ипостасях: как философ, прозаик, литературный критик и кинообозреватель.

вторых, для меня это своего рода весёлое времяпровождение, потому что моя литературная критика — наполовину шутка, розыгрыш, провокация образованного читателя.

— Сам ты как оцениваешь современный литературный процесс в России?

— Честно говоря, я не понимаю, что происходит. Но мне кажется, что подавляющее большинство «известных» современных писателей неинтересны обычному читателю, но только таким же, как и они, писателям. Благо писателей много. Может, уже и больше, чем читателей?

— Кто из современных писателей вызывает у тебя изжогу?

— Это коварный вопрос. Можно я не буду отвечать?

Не уверен, что я достаточно хорошо знаком с современной литературой...

— Немало читателей ценят тебя как кинокритика. Тебе самому нравится писать о современном кино? Кстати, какое кино тебе нравится, а какое вызывает раздражение?

— Да, мне нравится писать о кино. Для меня это, как и с литературной критикой, в первую очередь развлечение и веселье. То есть я смеюсь сам и надеюсь, что читателю тоже становится весело. И кино я люблю больше всего то, которое развлекает. Но понятно, что критерии «раз-

влекательного» у людей очень разные. Мне может понравиться и драма, и блокбастер, и комедия — всё зависит от того, насколько качественно сделан фильм и как он импонирует моим вкусам.

Вопросы задавал
Вячеслав ОГРЫЗКО

Константин Панков представляет особый случай среди людей искусства Севера в том смысле, что он должен был, по идее, впитать культуры двух народов, поскольку отец его был ненцем, а мать — манси. Конечно, речь не идёт обо всей полноте культуры каждого из этих народов: мифологии, фольклоре, быте, но какие-то нюансы специфического мировоззрения могли сформироваться в его сознании. И если так, то они нашли отражение в его картинах. К сожалению, выявить следы характерных ненецких и мансийских сюжетов в художественных образах Панкова крайне сложно, это задача не только искусствоведа, культуролога и этнографа (а надо без сомнения владеть всеми этими разделами знаний, чтобы взяться за интерпретацию его работ), но и хорошего психоаналитика. Потому что мифологические темы в искусстве во многом лежат в области бессознательного, и надо уметь переводить иконические знаки, рождённые фантазией художника, на язык его исконной культуры. Понятно, что в данной статье я не могу проделать такой, безусловно, интереснейший анализ (да мне одному это и не под силу). Зато вполне возможно (и полезно) изучить работы Панкова с точки зрения сюжета и характерных мотивов. И на этом пути, анализируя некоторые символы, всё-таки удастся установить кое-что (к сожалению, немалое), связующее его картины с этническими корнями.

НЕПРОЧИТАННЫЕ СИМВОЛЫ

МЫСЛИ ОБ ИКОНОЛОГИИ СЮЖЕТОВ Константина Панкова

Чтобы понять специфику его изобразительного искусства, важно учитывать его биографию. Константин Панков родился в 1910 году на Крайнем Севере (сейчас Березовский район Ханты-Мансийского автономного округа) в семье охотника. Он с детства странствовал по тайге и в юности сам уже был опытным охотником. Этот опыт охотничьей жизни, наблюдения северной природы легли в основу его художественного творчества. Впоследствии он сам говорил, что в живописи ему интересно предаваться воспоминаниям о тех местах, где он бывал, занимаясь охотой. В двадцать четыре года он попал в художественную мастерскую Института народов Севера, где смог целиком посвятить себя живописи, формированию своего стиля. Надо иметь в виду, что он не был знаком с мировым

наследием изобразительного искусства, он не был последователем никаких художественных школ и вообще не видел никаких полотен, признанных в истории культуры шедеврами. Естественно, техникам живописи он не обучался, то есть был в полной мере самоучкой. По его собственным словам, когда он только прибыл в художественную мастерскую, поначалу он пытался измерять линейкой пропорции объектов, чтобы в точности переносить их на бумагу (наверно, излишне будет пояснять, что ничего хорошего из этого не получалось). По совету одного из коллег по мастерской он отказался от такого способа творчества, но при этом, судя по всему, не обучался специально и правильным приёмам. Фактически он был умышленно предоставлен сам себе не только в форми-

ровании своего художественного стиля, но и освоении различных техник живописи. Запомним этот важный момент, чтобы впоследствии вернуться к нему. Заниматься в мастерской Панков смог всего лишь несколько лет, потому что вскоре началась война, и он ушёл на фронт снайпером и разведчиком (как и многие другие северные охотники). В 1942 году он погиб, прожив всего тридцать два года.

В основном сохранившиеся картины Панкова выполнены акварелью и гуашью на бумаге, но встречаются и работы маслом на холсте. Преобладающий сюжет – сцены из охотничьей жизни в соответствующей обстановке – в дикой природе. На рисунках, как правило, присутствует фигура охотника (возможно, автопортрет) или рыбака, изображены деревья, сопки, река, иногда озёра и обязательно животные. Небо разных цветов или оттенков, что призвано, вероятно, обозначить различные времена года и время суток, а также подчеркнуть восприятие неба художником.

Почти на каждой картине центральное место занимает река, причём, что интересно, один и тот же её участок. Это излучина реки с развилкой, как можно видеть на картинах «Рыболовецкий посёлок», «Пейзаж», «Синее озеро», «Ненцы» и, возможно, «Ловля птиц» – но в последнем случае с другого ракурса. Возникает подозрение, что Панков изображает один и тот же участок реки. Особое внимание художник уделяет прорисовке деревьев. Несмотря на тщательность, с которой изображены ветви и растительность на них, сложно однозначно сказать, какое именно дерево он рисует (едва ли это «идея» дерева, дерево вообще, дерево как символ). Можно лишь предположить, что это лиственница, поскольку лиственница считается у

ненцев священным деревом, связанным с множеством важнейших ритуалов, или кедр – аналогично священное дерево у манси. В ряде случаев дерево является у Панкова центральным (почти) элементом композиции как, например, на картинах «Синее озеро», «Весна» или «Оленья упряжка». Очевидно, что такое размещение дерева (в центре и чуть сверху, уходящим в небо, как бы во главе всего) указывает на его символическую природу, что подтверждает мысль об изображении священного дерева (лиственница или кедр).

Предположение о том, что Панков в ряде случаев рисует один и тот же участок тайги, находит подтверждение при сравнении картин «Охотники» и «Оленья упряжка». Очевидно, совпадает расположение сопки и русло реки, различается только количество и размер деревьев. Но это обстоятельство (деревья) вряд ли имеет ключевое значение. Дело в том, что Панков не претендует на фотографическую точность: то, что он изображает, часто условно и имеет символическую природу. Например, на картине «Ловля птиц» изображены сразу несколько сюжетов и явно в значительно уменьшенном масштабе. Пропорции лодки и рыбака в ней явно слишком велики для микроскопического озера, в котором он ловит рыбу, заводь с сетью кажется вообще игрушечной. Охотник с сетью между двух стволов также, надо полагать, находится не среди трёх деревьев, а в настоящем таёжном лесу. Аналогичная ситуация наблюдается на картине «Синее озеро»: такое же маленькое озеро с гигантской для его размеров лодкой и рыбаком, крошечный островок у развилки реки с лесом, оленем и охотником. Эти и другие элементы не вызывают сомнений в намерениях Панкова – он изображал реальность, не

соизмеряя её с точными пропорциями. Хотя вначале, напомним, было иначе – он вымерял линейкой, чтобы перенести потом на полотно. Он явно не владел линейной перспективой и не умел сопрягать пространственные плоскости (в полной мере он так этому и не научился – этим обусловлены противоестественные фигуры людей и животных). Та же проблема мешала в своё время великопному Анри Руссо. Чтобы преодолеть её, он в ряде случаев использовал пантограф – для механического увеличения контуров картинок, которые впоследствии он разукрашивал, таким образом решая трудности с перспективой. Это был хитрый ход, своего рода обман (сравните картины «Нападение в джунглях» (пантограф) с драматическим (но технически неумелым) «Рёбёнком на скалах»). Трудности Панкова с перспективой становятся хорошо заметны при изучении холста «Волны». Видно, что избушка, которая стоит как бы на заднем плане, нарисована так, что кажется, будто она висит сверху, тоже касается леса и оленей. Никаких волн, разумеется, разглядеть не удастся, их изображение требует большого технического мастерства. Как и Руссо, Панкову особенно хорошо удавалась растительность, но плохо – фигуры и строения. За одним удивительным исключением: на картинах «Пейзаж» и «Оленья упряжка» художник прекрасно рисует оленей вплоть до отростков на их рогах (хотя на картинах «Волны» и «Синее озеро» они не удались). Что, в общем, не странно: деревья, олени, снаряжение охотника, птицы, сети – это всё то, с чем Панков лично имел дело, и если он не мог изобразить их реалистично, то, во всяком случае, мог точно в плане деталей.

Однако неправильно объяснять композиции Панкова

Константин ПАНКОВ. Пейзаж

неумением. Надо учитывать, что традиционные этнические рисунки ненцев и манси – это орнаменты, которые могли украшать одежду, вырезались на предметах, на деревьях, вычерчивались на бубнах. И орнаменты имели не только и не столько эстетическую ценность (это даже в последнюю очередь), но и символически-информационную, прикладную, заклинательную (магическую), т.е. имели прямое отношение к миру духов. Орнаментальные черты живописи характерны для Панкова – в изображениях предметов, растительности, в компоновке предметов, сочетании элементов пейзажа и т.п. (см., например, символический лес справа на картине «Волны»). Этим же объясняется разнообразие сюжетов в рамках одной картины: в «Синем озере» мы видим сразу несколько историй, которые происходят, возможно, в разных местах, в разное время. А может быть, это одна история, рассказанная об одном человеке. При этом в сложно-сюжетное повествование картины вплетаются важные магические символы (см. для сравнения рисунки на бубне селькупского шамана).

Говоря о мифологических символах на картинах Панкова, одним из самых очевидных на них (помимо дерева) является изображение белого оленя. Белый олень появляется дважды: на картинах «Волны» и «Оленья упряжка». Особый интерес представляет «Оленья упряжка», потому что белый олень изображён на ней дважды – слева и справа, и оба движутся навстречу друг другу к центру, где, уходя в небо, растёт священное дерево. Кроме того, по некоторым признакам можно предположить, что Панков изобразил здесь историческое прошлое, – об этом свидетельствует отсутствие какого-либо современного оборудования, например, нет привычных ружей (та же ситуация на картине «Пейзаж»).

Как у манси, так и у ненцев белый олень – фигура символическая. У первых существует легенда о том, что северное сияние – это определённая трансформация белого оленя. У ненцев белый олень более важен. Весной и осенью его приносили в жертву духу неба Нуму. Иногда Нуму посвящали и живых белых оленей – не ходивших ранее в упряжке. Посвящённого оленя в хозяйственных целях

не использовали и даже избегали прикасаться к нему. Затруднительно сказать, какую смысловую нагрузку в полном объёме несёт сюжет «Оленьей упряжки», можно только догадываться о её мифологическом значении. Вероятно, одним из самых очевидных (и поверхностных) толкований будет то, что картина является как бы обращением к Нуму, молитвой, возможно, своеобразной жертвой. Более сложный вариант (но, может, и более вероятный) заключается в том, что рисунок является метафорой мироздания в его восприятии северным народом. Трудность толкования вызвана, конечно, не тем, что малообразованный Панков осознанно заложил в картину какие-то сложные символы, превратив её в ребус для интеллектуалов-этнологов: он сделать этого не мог. Сложность обусловлена мифологическим образом его сознания (и бессознательно), образы которого он воплощал в своих картинах скорее интуитивно, таким образом передавая свой, традиционный, древний способ видения мира.

К сожалению, значительная часть работ Панкова погибла во время второй мировой войны. Та же судьба постигала и произведения многих других северных художников, о которых мы почти ничего не знаем. Вполне вероятно, что были среди них и не менее яркие, чем Панков. Но дело не только в сохранившемся и дошедшем до будущих поколений наследии художника; история искусства показывает, что очень часто художник в большей степени обязан своим признанием популяризаторам – тем, кто раскрыл их для публики. Таким человеком был для Панкова писатель Геннадий Гор, знавший его лично, написавший о нём книгу и выпустивший первый альбом его картин.

Иван ГОБЗЕВ

СИЛА АВТОХТОННОГО СЛОВА

За последние десятилетия критика, посвящённая литературе коренных народов Сибири и Дальнего Востока, успешно развивается, набирая темпы и на академическом, и на литературном уровне. Книга Ивана Гобзева «Цветы во льдах», объединившая эссе многих лет, посвящённые этой теме, является несомненной вехой на этом пути и примечательна по ряду причин.

Во-первых, она пытается объединить оба эти подхода. Академическая критика не располагает к торопливости, краткости и голословности. Эссеистика более «вольнлюбива» по форме изложения, позволяет сконцентрироваться лишь на том, что представляется главным автору, возможна даже откровенная доля субъективизма в авторских оценках. Автор «Цветов во льдах» пробует решать свою критическую задачу нестандартными методами. Да и поле, которое предстоит вспахать, отнюдь не упрощает задачу. И передо мной как читателем Гобзева возникает вопрос (поскольку я тоже много лет занимался литературами коренных народов Сибири) – что нового я получу, как говорится, «в сухом остатке»?

Надо сказать, что сам автор, причём неоднократно, отчего-то старается убедить читателя, что книги, вообще говоря, можно и не читать. Прямо скажем, несколько лукавое суждение, вполне в духе эпохи постмодерна. Что же нам, в целях просвещения смотреть телевизор? Но уж сам автор-то, чтобы написать свою книгу, внимательно прочёл все произведения всех тех литераторов, которые рассматривает, тогда как

подобные его декларации – часть авторской игры с читателем. Но игра игрой, а ныне автор «Цветов во льдах» – Свидетель на Суде Истории от лица Культуры и Литературы, и, надо сказать, ему не свойственно прятаться за кафедрой, он выносит свои суждения весьма недвусмысленно. Задача писателя – писать, руководствуясь неисповедимой логикой свыше, даже если он и не знает ответов на вечные вопросы бытия. Задача читателя –

пытаться пережить эту писательскую логику, потому что он не знает, как и какие вопросы поставить... А задача критика – помочь читателю верно поставить вопросы, читая произведение, а там пусть, если ему не по душе версия критика, ищет свою...

Но продолжим перечень достоинств книги. Для начала я выделил бы здесь несколько общих позиций. Обратим особое внимание: фактически, освоенный критиком материал огромен! Перед нами 15 литератур, рассматриваемых в 24 эссе, 26 персоналии писателей и поэтов, и

более сорока произведений, им принадлежащих.

Это очень много. Особенно если вспомнить, что для формулировки критического мнения надо знать в каждом случае этнокультурную среду, из которой писатель происходит; надо учитывать вехи его жизненного и творческого пути; помнить перипетии сюжетов, типологию характеров, методологию автора и, вообще говоря, самому сформулировать для себя позиции, с которых оцениваются произведения автохтонных авторов, тем более, что подходы приходится слегка варьировать в зависимости от конкретной персоналии и свойственного ей отражения мира. Фактически, хотя автор, к сожалению, и не упоминает своих многочисленных предшественников (например, одной только мысли о том, что каждый хороший писатель – шаман, уже по меньшей мере четверть века), зато от исследования к исследованию, словно подготавливая «Цветы во льдах», возрастали масштабность и глубина анализа. В рамках монографии здесь как будто впервые осуществлён замах на ВСЮ автохтонную литературу Сибири и Дальнего Востока. То есть, как бы ни варьировались авторские мнения о конкретных литераторах, при чтении возникает масштабная общая картина. Это автохтонный мир Сибири, звучащий отражёнными голосами его представителей.

Второе достоинство книги видится мне в живом анализе тех или иных произведений, которые автор отчего-то упорно именует «текстами» на манер постмодернизма. Конкретика интерпретации

сюжета, интенций автора, метафорических и стилевых особенностей создают сложную мозаику, вводя читателя в серьёзнейшую проблему: автохтонному литератору, если он хочет стать писателем, предстоит пройти нелёгкий путь: не просто выбрать, чему именно следует учиться, какими средствами передать (а то и нужно ли?) своеобразие собственной культуры, наконец, для какой аудитории писать? И ещё многое-многое другое...

И хотя многие будущие писатели из числа коренных народов Сибири постигали своё мастерство кто в Литературном институте в Москве, кто в Институте народов Севера в Питере, у нашего автора встречается немало инвектив и сетований по поводу советской власти, душившей самобытность местных культур, перекраивавшей на свой лад сознание, преследовавшей шаманов, бесчинствовавшего КГБ; сюда же относится и вывод о том, что не надо было учить автохтонов грамотности и прочее в том же духе. Не отрицая необходимости разговора об этом, считаю необходимым внести следующие поправки. Дело не столько в демонизме советской власти, которая при таком подходе предстаёт явлением исключительным, сколько в конфликте традиционной культуры и цивилизации, как он проявился в XX веке, в особенности в первой его половине. Как американисту мне хочется сопоставить это с материалом США. Конечно, на личностном уровне об этом пронзительно пишет шаман Чёрный Лось, переживший смену миров от традиционной культуры к цивилизации и видевший всё своими глазами. Но следует напомнить о большой разнице: американцы сначала попытались полностью уничтожить индейцев военным путём. Как ни странно (несмотря на разницу в вооружении, на уничтожение заведомо мирных

деревень и др.), этого у них не получилось. Тогда они перешли к тактике уничтожения экономической базы. И если для Сибири культуuroобразующими были олени, то для кочевников США – бизон и лошадь. В течение примерно 30 лет бизонов перебили, а лошадей отобрали, распродали или истребили.

Средство оказалось эффективным. Отнятие традиционных территорий и заключение индейцев в гетто резерваций – ещё один акт урегулирования «индейской проблемы» в США. О бактериологической войне (продажа заражённых оспой одеял) или о планомерном спаивании индейцев «индейским виски» я уже не говорю. Достаточно прочитать, что входило в рецепт такого виски, чтобы понять, что Демьян у Айпина, отведая одного, сначала перестрелял бы всю свою семью, а потом уж повесился. А насильственные переселения племён? У нас много говорят о переселениях на Кавказе военных лет, а ведь в США этот процесс начал ещё в 1830-х годах президент Эндрю Джексон, отец нового курса Американской демократии, и совсем по другой причине: нужны были земли под поселения...

У нас в отношении коренного населения Сибири в советскую эпоху ничего такого не происходило, хотя были и насаждение колхозов, и избиения шаманов, и интернаты... Кстати, как и у американцев. Таким образом, в разговоре об отношениях власти и коренных культур Сибири необходимо учитывать более широкий международный контекст.

Третью яркую особенность книги составляет дерзость сопоставлений: автору мало анализа произведений самих по себе и в контексте своей среды, он постоянно стремится поместить их в мировой литературный и фольклорный, а подчас даже изобразительный контекст. Это – очень насущная задача,

потому что литераторы-автохтоны, как правило, привязаны к своему родовому окружению и не имеют никакого представления о том, какие проблемы встают перед их родичами в других странах и какое место занимают они под общим солнцем. Литературная классика тоже словно бы написана не про них. Но так ли это?

Мне трудно судить о природе собственно «философских» наблюдений автора – я их не нашёл на страницах книги и, кстати, не вижу в том беда – а вот попытки литературоведческой компаративистики можно встретить на каждом шагу. Если бы мне было дано право присуждать премию за дерзость литературоведческих сопоставлений, я бы подумал о книге «Цветы во льдах». Правда, методология применения самих сопоставлений порой кажется мне неясной. Может, объяснение кроется здесь? «Чтобы понять Ятыргина, достаточно найти в мировой культуре достойный аналог его творчеству, и его место и значение будет установлено». То есть установлено не из феномена Ятыргина, а из похожего на него аналога. Аналог автор в данном случае находит в живописи у примитивиста-француза Анри Руссо, где он видит «те же магические приёмы восприятия мира» (почему «те же»?) Комментария нет, мысль стремительно увлекает автора вперёд.

Идём дальше. В самом деле, как может олень в романе Айпина «Ханты» быть уподоблен единорогу, если у него пара пантов? Для этого придётся проделывать сложные интеллектуальные построения, и не факт, что после них интерпретация финала станет очевидней.

Как известно, имя Кастанеды вызывает аллергическую реакцию у этнографов; его книги, как было не раз показано, – чисто эзотерическая литература. Почему я должен верить, что в книге «У

гаснущего очага» мы находим вариацию мифа об Осирисе и Изиде? Откуда это следует и, главное, что это даёт для понимания текста Айпина?

Кецай Кеккетын, как то прежде было с Ятыргиним, понимается автором не прямо, а через уподобление нидерландскому трикстеру Уленшпигелю. Персонаж этот, конечно, народен, но вошёл в мировую литературу не через фольклор, а через роман Шарля де Костера, и поэтому в данном случае сопоставление обогащает обсуждаемую проблематику.

Мне трудно понять логику сопоставления «Старшей Эдды» и килпалинских авторских легенд. В одном случае – народный эпос, метрический стих, сильно закрытая форма. В другом – авторская проза. Совсем непросто получается и с так называемой «волшебной сказкой», потому что, с одной стороны, имеется в виду вроде бы народный жанр, а затем речь идёт явно о литературной (авторской) волшебной сказке. Для народной, как и для авторской волшебной сказки, будут характерны, очевидно, разные художественные особенности. В разговоре о Суздалевой почему-то возникает ассоциация с Лавкрафтом... Яркость и неожиданность сопоставительного ряда Губзева не отменяет его спорности, тем более, что на уточняющий комментарий места не всегда хватает. Другими словами, типологически сопоставления трудно сводимы вместе, при близости внешнего сходства. Если бы авторский комментарий был пространнее, быть может, со многим читателю согласиться было бы легче.

Что касается самих эссе – все они разные, построены оригинально, в соответствии с рассматриваемыми проблемами отличаются друг от друга структурно и читаются с интересом. Всё-таки у автора получилось и ещё одно

важное достижение: за каждым эссе стоит характер человека – с его неудачами и победами, борьбой и поражениями, и оттого сделанное ими особенно дорого читателю. Мне кажется, что та внутренняя, естественная компаративистика, которая возникает от соседства разных судеб и исканий отражённых в эссе автохтонных авторов, является куда более серьёзным достижением книги, нежели ряд эффектных уподоблений.

Символично, что книга открывается тремя эссе, посвящёнными различным книгам Еремея Айпина, основоположника и мастера хантыйской литературы.

Правда, что об эпосе «Ханты» сказано много слов, но будет сказано куда больше, потому что этому произведению никогда не суждено умереть – настолько оно новаторское, проблемное, пронзительно-общечеловеческое. Здесь впервые на российской почве был найден типологически новый герой – герой-этнос, собирательный портрет которого и исторический путь через испытания подробно представлены в эпосе, но если даже Демьян погибнет, его народ будет жить всегда и не предаст жизненной философии родства, потому что она выношена народным сознанием исторически.

Конечно, каждый из эссе важен по-своему, но мне показался особенно нестандартным эссе о сказках Райшева. Сказочный жанр нелёгок для литератора, он требует мудрости, выдумки и простоты. В лице хантыйского художника и философа (здесь это наименование весьма уместно) жанр явно обрёл своего выразителя.

Постоянно, как впервые, переживаешь, читая поэзию и краткие бывальщины Юрия Вэллы – они всегда оригинальны, органично связаны с устным началом, глубоко приближены к природе, способны дарить человеку его лучшие чувства.

Право, в подобном ключе можно говорить практически обо всех эссе сборника.

Чем хотелось бы завершить разговор об этой оригинальной книге? Развитие литератур коренных народов Сибири и Дальнего Востока – это процесс, протекавший и протекающий посреди всё новых вызовов выживанию их культур. Для каждой эпохи характерны свои испытания. Вот, например, на рубеже XX–XXI веков в литературе коренных малочисленных народов Сибири распространился мотив конца света. Его не было при Советской власти, он возник именно сейчас и отражает альтернативу наших дней. Судя по мотивам стихов Юрия Вэллы, прозе Александра Латкина, Анны Неркаги («Молчащий») и некоторых других, распространённым образом и темой ныне становится тема и образ Апокалипсиса. Но процесс возрождения традиционных культур, начавшийся по всему миру после Второй мировой войны, ширится и углубляется. Он находит своё самобытное выражение в сфере автохтонной художественности – литературе, изобразительном искусстве, новых жанрах фольклора. Поэтому книга «Цветы во льдах» особенно полезна – она несёт в себе немало обобщающего, как и немало конкретного материала. Пусть кто-то из представителей коренных народов Сибири пока ещё не смог подняться до высоких обобщений. Что же, пусть его писания останутся маргиналиями на полях представляемой им культуры. Зато в следующем, молодом поколении непременно совершится чудо: во льдах зажгутся невиданные цветы и удивят нас своим разноцветьем и ароматами.

Александр ВАЩЕНКО,
доктор филологических наук, заведующий кафедрой
сравнительного изучения
национальных литератур
и культур МГУ
им. М.В. Ломоносова

У СЕЛЬКУПОВ УЖЕ НЕ РОДИТСЯ ПИСАТЕЛЬ

В тридцатисемиградусный мороз шагая по Комсомольскому проспекту к зданию Томского педагогического университета, я ещё не знал, как выглядят типичные селькупы – невысокие, юркие, худые и выносливые, гибкие охотники, которым и нынешний мороз не враг, они лишь щурятся на него весело, очевидно монголоидными для великоросского взгляда глазами... Как тут не сощуриться, когда дунет в лицо, да ещё с колкой мукой снега, сибирский Дед Мороз? Я лишь дружелюбнее, чем в Москве, глядел на встречных прохожих с точно так же бисерно обледеневшими шарфами, закрывающими дыхание – иначе тут ходить невозможно. Думал: вот же как теперь продвинулась цивилизация, понастроила ТЭЦ, домов с внутренней температурой, как летом!.. А ведь были времена, когда тут и посвернее реки Томи, в точно такие же морозы, жили, не тужили, любили и слагали свои странные сказки прозванные самоедами охотники, коренные сибиряки и родственники скандинавов по финно-угорской линии. Их национальный, сказочный герой Иття – подросток, физически и поведением воплощающий охотничий дух тайги, – вот до каких первоисточников проводила меня Наталья Тучкова.

Наталья ТУЧКОВА

– Наталья Анатольевна, я, конечно, стремился найти в Томске, как бы второй раз выходя на охоту, пишущего селькупов, в идеале – поэта. Ещё лучше – пишущего на селькупском языке. Однако кого ни спрошу, в университете у филологов например, все разводят руками: целые селькупские семьи знают, но в них ни одного литератора... К вам направили как к селькуповеду первой величины – неужели и вы огорчите?

– Что поделаешь... У селькупов не родилось писателя. Тут ещё тяжелее добавить специалисту, в эмоциональном плане: ещё не родилось или уже не родится. Боюсь, что именно последний вариант. Язык живёт только там, где он передаётся из поколения в поколение. На своём языке не заговорило даже поколение, которому сейчас 50–60 лет. Межселькупские браки – вот что могло бы стать средой сохранности языка. Но за двадцатый век установка на русские браки отразилась на селькупках так сильно, что в научном плане тут надеяться не на что. Для этноса решают, быть ему или не быть, не правительства, не национальная политика, а парень и девушка, пожелавшие создать семью...

Однако тут стоит разделять направления и формы творчества: селькупский фольклор, конечно, существует (хотя и в переводных вариантах), а вот если оригинальных поэтов-селькупов, пишущих на селькупском языке, вы не нашли, это не значит, что нет произведений селькупов на русском языке, которые могли бы попасть в раздел художественных. Например, в архиве ТОКМ хранятся «Воспоминания селькупки» – Марии Фёдоровны Тобольжиной.

Это вполне связный текст (хотя для тиражного издания его надо было бы редактировать, там есть повторы: Мария Фёдоровна была уже в преклонном возрасте, когда

писала его). Несмотря на некоторые корявости, в целом этот текст производит впечатление именно литературного произведения. В нём есть драматическая линия – отнятой в годы репрессий любви, верность которой она пронесла через всю свою жизнь. Автор девочкой с Тыма пришла в интернат на Оби, чтобы учиться, затем вернулась на Тым учительницей, потом была отправлена в Ленинград в Институт народов Севера и там встретила свою любовь, которую почти сразу забрали в лагерь. После института девушка была распределена на Таз к северным селькупам, и здесь идут очень яркие страницы о простом и будничном подвиге учителей 1930-х годов, когда школа-чум – это и лазарет, и детский сад, и клуб, и центр политинформации. А сотрудник школы – она одна. После первого года преподавания, в июне, получив первые свои отпускные, молодая женщина решает их потратить, съездив в Ленинград.

– Неожиданная, для автора уж точно (хотя, кто знает?), ассоциация – художественный фильм «Два воскресенья», только в нём благодаря скоростям гражданской авиации, крыльям Советов, так сказать, сибирская героиня проводит выходные в Москве и влюбляется...

– Но здесь-то не благополучные шестидесятые, а начало Великой Отечественной. На дворе июнь 1941 года. Далее она переживает и блокаду, и эвакуацию, и вообще все судьбоносные события нашей страны. Самое интересное, что и утерянную любовь она встречает. И на этом стержне держится весь текст.

– Кто знает, кто знает – может, и этот селькупский, а по сути-то советский эпос ждёт срока своего издания, и здесь нет ничего невозможного. Удалось же издать благодаря публикациям в ЛР

книгу покойной уже Евгении Фёдоровой «На островах ГУЛАГа», спустя полвека с начала её написания...

– Существует в том же краеведческом музее Томской области ещё уникальный, безусловно аутентичный, но невоспроизводимый текст М.П. Талаевой, который вписывался ею в книгу – да ещё какую: между строк биографии Сталина, а когда она кончилась, Талаева подклеивала чистые тетрадные листы к книге и продолжала записывать всё, что видит в своём окне (1960–1980 гг.). По принципу Абая Кунанбаева. Но текст этот бессвязный. Он ценен будет историкам, социологам, однако как литературное произведение точно не может восприниматься...

– В наши дни именно такими «литературными памятниками» интересуются, уверен, теоретики-постмодернисты. Они увидят здесь свой хлеб, переключку даже с коллажами Вагрича Бахчаняна... Но вернёмся к коренным сибирякам. В отсутствие новых произведений действительно становится интересным самое древнее – эпос селькупов. А тут, насколько мне известно, никто кроме финна Кая Доннера не набрал для фольклорного полотна материала больше – за весь двадцатый век. Мог ли Доннер своими собранными текстами повлиять на формирование селькупской литературы ещё до Октября?

– Кай Доннер, пребывая в десятых годах двадцатого века в Томской области (в 1911–1912 гг. он был на Тыму и Кети; в 1913 г. он посетил северных селькупов на Тазу; в 1914 г. он снова приехал в Сибирь, был и в Томске, и в Нарыме проездом, но вынужден был прервать свою поездку: шла Первая мировая война, и он столкнулся с тем, что к нему стали относиться как к шпиону), в основном просто

слушал и записывал селькупскую речь, поскольку диссертация его была посвящена фонетике селькупского языка. Фольклор его интересовал не в первую очередь. Однако именно как собиратель селькупской этнографии и фольклора Кай Доннер оставил важнейший след. Мы сегодня не имеем каких-либо аутентичных письменных оригиналов того эпоса, который был услышан самим Доннером. К сожалению, финский учёный опубликовал лишь пересказ сюжета. В своём варианте Кай Доннер собрал данные разных информантов. Тем не менее, благодаря подробному описанию сюжета, сделанного этим выдающимся финским исследователем, мы можем достаточно отчётливо представить всю сложность и многогранность этого художественного произведения. Пересказ эпоса об Итте появился сначала на шведском и финском языках, затем по-английски. Публикация русского перевода эпоса с английского варианта появилась в 1915 году. Автор перевода — В.М. Крутовский. Опубликован перевод был в Томске в интереснейшем издании — «Труды Томского общества изучения Сибири», ставшем библиографической редкостью практически в год своего выпуска. Тем не менее, в течение всего двадцатого века этот текст на русском языке был первоисточником для дальнейших исследований по селькупскому фольклору и получил известность у специалистов.

В каком-то смысле мы можем сказать сегодня о том, что Доннеру очень хотелось

повторить подвиг Элиаса Лённрота, породившего «Калевалу» из различных фрагментов карельских поэтических текстов.

Конечно, если бы мы имели возможность услышать тех информантов, с которыми общался Доннер, то всё могло бы для селькупского языка быть лучше. Язык этот начал активно уходить в 1960-е годы. Парадокс, но именно в те годы культуру селькупов очень интенсивно стали наконец изучать специалисты. Так, в Томском педагогическом институте бывший ссыльный из Саратова немецкий профессор-германист Андрей Петрович Дульзон развернул невероятную по масштабам и удивительную по результатам деятельность: под его руководством началось целенаправленное изучение аборигенных языков всей Западной Сибири. В этом институте десятки специалистов вникали в особенности кетского, чулымско-тюркского, шорского, хантыйского, нганасанского и селькупского языков. Все исследования велись с прагматической целью (ведь финансирование чистой науки было не в чести), весь собранный материал преподаватели института надеялись использовать в том числе и для формирования у народов Севера своей письменности.

— *Можно ли утверждать, что традиционные культуры аборигенных сибирских малых народностей со временем уступали место унифицированной советской культуре, связанной с индустриализацией СССР?*

— Всё намного сложнее. Мироззренческие уста-

новки народов Севера стали меняться ещё во времена прихода в Сибирь миссионеров. Помните: церковь в своё время поставила задачу «деликатной христианизации» Сибири, не настаивая на строгом соблюдении православных традиций и на истовой воцерковлённости. Это имело высокую степень результативности и одновременно поспособствовало обрусению коренного населения Среднего Приобья, сделав принципиально допустимыми русско-селькупские браки (русские не считали остяков иноверцами, в отличие, например, от татар). Запущенный в XVIII веке процесс культурной ассимиляции шёл в постоянно набирающем скорость темпе, и в начале двадцатого века это и стало основой русско-селькупских браков. Кстати, в упомянутых вами 1930-х и начале сороковых, с началом войны, когда в Нарымский край как традиционное место ссылки в Томскую область прибыло обширное пополнение. Браки с селькупками для многих русских, украинцев и других раскулаченных, «каэров», «фольксдойче» и прочих были единственной возможностью выжить в безжалостной в климатическом плане Сибири. С другой стороны, у селькупов, остяков, как их тогда называли чаще, не было никаких предрассудков, мешавших заключать браки с немцами, например. Это в центральной России немцев чётко ассоциировали с фашизмом, что и стало поводом спешного переселения. А тут, например в Каргасокском районе, сразу появилось столько потомков

селькупов с немецкими фамилиями (такими, например, как Майбах, Гембух, Лимбах, Геббель, Мауль и др.), что диву даёшься!

Вообще включённость судьбы селькупов в историю Советского Союза велика. Те же интернаты, если вы говорите о русификации-унификации, о всеобуче, – сыграли огромную роль, оцениваемую чаще как позитивную. Но не только как ступень начального, среднего образования. Из интернатов многие селькупы отправлялись в Ленинград, в Институт народов Севера. И любопытно, что в тридцатых и сороковых, как того требовало вузовское распределение, они ещё возвращались в родные края, а потом – уже нет. Это сыграло для этноса и негативную роль, конечно (образованные селькупы так и оседали в городах, в этом смысле проходя урбанизацию уже не принудительно, а делая личный выбор и не поднимая соплеменников на достигнутый ими уровень национального развития не в пользу своего народа). Увы, но из среды этноса таким образом вымывался слой потенциальной национальной интеллигенции, а бесценные крупинки этого «слоя» растворялись где-то «там», в общесоветском пространстве, становясь частью образованного населения, как правило, Ленинграда и Москвы. Посмотрите по телефонным справочникам этих городов, наверняка найдёте Иженбиных, Мальковых, Истеевых, Киргеевых и т.п. Это сейчас, если вы вдруг обретёте роскошь общения с селькупам, они при определённом повороте разговора могут пожаловаться: мол, в интернатах запрещали говорить на родном языке... Но ведь потом для лучших учеников раскрывались возможности уже высшего образования, при желании и на родном языке: в Санкт-Петербурге в Герценовском пединституте (поя-

вившемся на базе Института народов Севера) можно было раньше изучать селькупский язык и селькупскую этнографию, чтобы его потом преподавать в школах Томской и Тюменской областей или же стать исследователями-лингвистами, дабы продолжить исследования в области самодистики (селькупский язык относится к самодийской ветви уральской языковой семьи). Вот так – сразу из охотников в академики...

В этом плане возрождение, а точнее активное сохранение селькупской культуры, началось только в 1980-х, и держалось, да и держится, на активистах-селькупах. Ирина Анатольевна Коробейникова, например, в сельском доме детского творчества вел кружок селькупского языка, его посещали дети любой национальности. Но даже потомки селькупов учили в этом кружке селькупский язык как иностранный. Потом она же предприняла попытку перевести на селькупский язык, а именно – на свой родной диалект эпос Доннера об Итте, то есть сделать то, что называется «обратным переводом» (с русского варианта записи перевела обратно на селькупский). Ирина Анатольевна помогла и другому томичу, уж точно неселькупского происхождения, Сергею Всеволодовичу Столярову подготовить сценарий и поставить кукольный спектакль «Герой», в основу которого легли фрагменты фольклорных произведений о селькупском герое Итте. Она помогла артистам Томского театра кукол скорректировать удара в селькупских именах персонажей, подсказала специфические селькупские междометия, которые были приняты режиссёром и артистами в стихотворном тексте на русском языке. Спектакль на основе авторского стихотворного текста Столярова на русском языке получился красочным. Можно сказать,

Столяров вновь, как Доннер, повторил в двадцать первом веке «подвиг Лённрота», создавшего в начале девятнадцатого столетия «Калевалу» из различных фрагментов карельского фольклора.

– *А в какой литературе двадцатого века отразилась жизнь и быт селькупов?*

– Каких-то специальных произведений об этом нет. Но есть роман Владимира Колыхалова «Дикие побеги». В нём быт селькупов представлен достаточно детально. Его герой Максим Сараев, в чертах которого угадывается автор, жил в селькупском посёлке Пыжино, затем учился в интернате на Васюгане в Усть-Чижапке и во многом сам прошёл путь сирот-селькупов послевоенного поколения... Также стоит почитать очерки московского журналиста Владимира Матова, посетившего тымские посёлки перед началом Великой Отечественной. Относительно художественной ценности очерков Матова судить не мне, но историко-этнографическую ценность они, безусловно, имеют. Если уж снова вернуться к вопросу о творчестве активных селькупов, то вновь назову Ирину Коробейникову (до замужества Малькову). К ней сейчас едут в основном лингвисты, как к практически единственному живому носителю селькупского языка. Но она и сама много пишет. Ещё к пишущим селькупкам и активисткам возрождения языка надо отнести Тамару Константиновну Кудряшову, написавшую немало статей о быте своего народа (она ещё пыталась издавать фольклорные материалы в своих пересказах). Её дочь живёт в Москве и продолжает традиции своей матери.

– *В своих письмах из Томска поэт Клюев в доказательство того, что окажется где-то в Азии, упоминает помимо найденных в реке осколков «индийской кера-*

мики» какие-то странные металлические украшения на груди у остячек – «какая-то Бирма»... В Томске, в воссозданной казачьей крепости на Воскресенской горе, я видел женскую одежду – кожаную-лоскутную такую, тончайшей сборки, закрывающую всё, кроме лица, со «встроенными» рукавицами... Заглядывая в быт сибирского охотничьего этноса, что можно выделить в этом плане?

– Своих украшений у селькупов нет. Возможно, Ключева удивила просто женская страсть к украшениям как таковым – в довольно холодном регионе, а они тело не греют... А вот то, что касается одежды, это реконструкция, как раз и созданная «возрожденцами» в восьмидесятых годах. К сожалению (опять «к сожалению»), толковых описаний селькупских нарядов нет. Однако тут у самоедов действительно есть нечто уникальное – это техника шитья сборного меха. В Сибири такая техника встречается ещё лишь у кетов и васюганских хантов. Сверху – дерюга, невзрачная ткань, зато подклад – меховой – из беличьих или соболиных лапок. Представить себе тонкость такой ручной работы крайне сложно, если знать, из чего шилась такая одежда. Охотники-селькупы раньше сдавали расправленные, обработанные беличьи шкурки, это был их заработок, а вот беличьи лапки оставляли себе в качестве трофея, так повелось. И вот из этих-то мелких лапок (по размеру сопоставимых с лапками котёнка) селькупские женщины составляли меховое полотно, сшивая кусочки тончайшими швами из сухожильных нитей. Меховые лоскутки стыковались по размеру, по направлению ворса и обязательно по цветовой гамме. Любимым был так называемый исследователями «шахматный порядок» – чередование тёмных и светлых

кусочков. В итоге мех получался эластичным и нежным на ощупь и эстетически очень изысканным. Одежда из такого меха уникально долго хранила тепло.

– Кто знает, возможно, и тут кроется ключ родства селькупов с нынешними скандинавами? Ведь о мантиях мы знаем в основном из сказок Андерсена: прохладно там было тоже, во дворцах с высокими сводами... Тогда и спрощу напоследок о сказках. Герой селькупского эпоса Иття в одном из ключевых эпизодов своих приключений побеждает великана-людоеда Пёёнеге, причём побеждает коварно и кроваво, заставляя сварить вместо себя людоедовых дочерей (сюжет варьируется, но эпизод остаётся). Не скрыто ли здесь и неформальное прозвание народа «самоеды», и одновременно стремление перебороть этот первобытный порок, убить людоеда в себе?

– Нет. Не скрыто. Если Баба Яга из русских сказок пытается засунуть Ванечку в печку, мы же не делаем вывод, что русские жарят (или запекают в духовке) своих детей.

Самоеды – это русская интерпретация (и русская огласовка) самодийского древнего этнонима. У энцев до настоящего времени есть род Сомату. Есть народ на Кольском и Скандинавском полуострове – саамы.

Исследователи считают, что в русский язык этот термин проник от ненцев – родственников селькупов по языку. Первое упоминание самоеди встречается в русской летописи 1096 года в рассказе новгородца о народе, живущем далее на север от Югры. Этот термин совпал с образом мифических людоедов окраин ойкумены (такие мифы известны у многих народов).

Сами себя селькупы в Приобье ни самоедами, ни самодийцами, ни даже селькупам не называли. На

своём языке они имели локальные этнонимы – чумылькуп, сюсюкум, шёшкуп. Людоед в селькупских сказках встречается, но такие образы есть во многих сказках разных народов Сибири и мира. В основном сказками и формируется с раннего детства табу на поедание себе подобных (у многих видов животных такое табу на уровне инстинктивного запрета, записанного где-то глубоко в подкорке, а вот у человека его на генетическом уровне, похоже, нет). Мы знаем, что в экстремальных ситуациях люди, увы, могут переступить через это табу: ели люди людей в блокадном Ленинграде, ели своих соотечественников отступавшие в 1812 году французы в смоленских лесах, есть масса других исторических примеров. Войны во многих традиционных культурах едят некоторые важные органы своих врагов – чаще всего сердце (был, кстати, такой обычай и у ненцев; у селькупов не отмечен). Однако нигде эти отступления от табу не сформировали этноним. Скорее всего, в данном случае мы имеем наложение оригинального самодийского термина на индоевропейскую мифологию, а также фонетическую адаптацию его под звуковые особенности русского языка и последующую русскую интерпретацию.

**Беседу вёл
Дмитрий ЧЁРНЫЙ**

Александр
ВАЩЕНКО

ВЕЧНОЕ ТАМ – ВЕЧНОЕ ЗДЕСЬ

За всю историю мировой литературы немного найдётся поэтических диалогов как таковых – это, прямо скажем, редкий и особый жанр, условия для возникновения которого не всегда складываются благоприятно. Но тот поэтический диалог, который предлагается сейчас вниманию читателя, – во многом беспрецедентный, ему просто нет аналогов... Дело в том, что диалог этот завязался на почве родства традиционных культур, сильно удалённых друг от друга географическими полушариями и средами обитания, цивилизациями и укладами. Но их представители – индеец из Северной Америки и ненец из Западной Сибири – однажды встретившись, пожелали продолжить душевный разговор в стихах. И вот перед нами два созвучных голоса, нашедшие друг друга для того, чтобы высказать самые насущные, самые глубинные мысли и чувства.

Как же случилось, что они вообще нашли друг друга?

Н.Скотт Момадэй, поэт, прозаик, эссеист, драматург и художник-график, происходит из кочевого индейского племени кайова, воинов и охотников на бизонов, когда-то храбро отстаивавших свои земли от натиска американской армии и бесконечных волн белых поселенцев.

Первым среди своих братьев Момадэй получил известность именно как индейский писатель. В США какое-то время никто не мог понять, что это значит: индейцев вообще ведь списали в небытие. А тут опять «Последний из могикан»... Но Скотт Момадэй оказался первым – он стал основоположником современной литературы индейцев США. В романе «Дом, из рассвета сотворённый» (1968), неожиданно для американской общественности получившем престижную премию Пулитцера, Момадэй раскрыл глубинные проблемы современных индейцев, показал коренные различия в системе ценностей индейской культуры и американской цивилизации и выразил гордость своим наследием, как и уверенность в его будущем.

А дальше? Способность к обострённому переживанию красоты и таинства бытия, требующая не менее удивительного таинства речи, неизбежно привела Момадэя на стезю поэта.

Лирика Момадэя обнаруживает не меньшую гамму влияний, чем его проза: Здесь не только американские классики Дикинсон, Фрост и Уинтерс, но и индейская устная традиция – песни кочевников степей и земледельческих племён Юго-Запада США, особенно же наследие «вещих» и воинских песен... Образы, навеянные аборигенной магией, в сочетании с особой мелодикой и ритмом поэтической речи, завораживают читателя, вовлекая его в некое сакральное действие в мире одухотворённого слова.

Последующий творческий путь Н.Скотта Момадэя был долгим и плодотворным – он длится уже свыше четырёх десятилетий. На счету писателя – романы «Дом, из рассвета сотворённый», «Древнее дитя» (1989), повесть «Путь к Горе Дождей» (1969), драмы, мемуарные произведения, эссеистика. И, конечно, поэзия.

Вероятно, всё могло бы сложиться как-то по-иному; но случилось так, что с 1974 года судьба автора пересеклась с Россией – Момадэй был направлен в качестве первого Фулбрайтовского лектора преподавать в МГУ сроком на полгода.

После лекций оставалось немало свободного времени, и, постигая незнакомую страну, Момадэй активно ходил по музеям, стал много рисовать. Позднее он категорично признается: «Как художник-график начался в России».

Уже тогда, однако, Момадэй признавался знакомым в давней своей мечте: побывать в Сибири, откуда, согласно древним преданиям, происходят его предки-индейцы. В то время, правда, этого осуществить ещё не удалось. Но в 1994 году вместе с группой индейских студентов по приглашению ненецкого художника Леонида Лара Момадэй уже едет в Сибирь – отсюда и берёт начало в его творчестве сибирская эпопея; отныне Сибирь властно повлекла его за собой.

Не менее важным притягательным стимулом для сибирских странствий индейского поэта стала для Момадэя самоидентификация с Медведем как тотемическим предком его рода. В музее Тобольска он впервые увидел предметы, связанные с культом Медведя и Медвежьим игрищем хантов. Поэтому, не задумываясь, Скотт принял приглашение известного писателя Еремея Айпина приехать на празднование его 50-летнего юбилея в июне 1998 г.

К тому времени в моём переводе в США уже вышла книжечка избранных произведений Айпина, «I listen to the Earth» (1995), и, ознакомившись с главой из романа «Ханты или Звезда Утренней Зари», посвящённой Медвежьему игрищу, Момадэй уже мог почувствовать в себе силы для поэтического диалога. Тогда-то и появились стихи, посвящённые Еремеем Айпину и Юрию Вэлле, вошедшие в книгу «В доме медведя» (1999). Даже само её название – «В доме медведя» – косвенно отсылает нас к Медвежьему игрищу. Непосредственно сибирско-медвежья тема трижды представлена в составе книги.

Можно ещё добавить, что индейское имя Момадэя – Юноша Каменного Древа – тоже связано с мифом о медведе, как и имена ряда вождей из его рода...

Юбилей известного хантыйского писателя и государственного деятеля праздновали широко – гости побывали в г. Радужном, Нижневартовске, конечно – на Торум-Маа, «Земле Богов» в Ханты-Мансийске. Но прежде всего в селе Варьёган, откуда юбиляр родом.

Там же, в селе Варьёган, родился и Юрий Вэлла (Айваседа), оленевод и поэт (р. 1948). Его лирика – лёгкая в полёте, но глубокая и напряжённая мыслью – широко известна и в Приобье, и в Сибири, и за её пределами. Она переведена на ряд европейских и восточных языков. Сам я приложил усилия к тому, чтобы стихи Вэллы на английском появились в США. Среди важнейших сборников лирики Вэллы – «Белые крики» (1996), «Триптихи» (2001); разножанров состав книги «Поговори со мной» (2004), «Земля любви: диалоги» (2009), стихи и проза соседствуют в книге «Нити родства» (2010)...

В Варьёгане оба поэта, индейский и ненецкий, и познакомились. И потом, выехав на Обь, Юрий рассказывал Скотту истории из своего оленеводческого быта, в которых немалое место отводилось медведю. А, надо заметить, Юрий – подлинный мастер устного рассказа. Эта устность ощущается и в

его стихах, и в прозе, а написаны они так, будто автор сам прожил жизни множества своих героев – знакомых, сельчан, попутчиков и многих-многих других...

В книгу Момадэя «В доме медведя» вошло и стихотворение, в котором поэт ассоциирует себя с главным героем Медвежьего игрища. Из текста видно, как глубоко захватила автора тема самопожертвования Медведя и почитания его родичами-людьми. В стихотворении пронзительно звучит крик одиночества и жажда приобщения к человеку.

Вот оно.

ПРИЗЫВАНЬЕ

Юрию Вэлле

Где медвежий доктор? Где же он?
Я пришёл с севера, я возжаждал.
Я пришёл с востока, я взалкал.
Я явился с юга – я изнемог.
Я явился с запада в нужде великой.
Где медвежий доктор? Где же он?
В жизнь свою я изведал зла.
В жизнь свою я изведал добра.
Я явился с рассвета – и пою.
Я явился с заката – и пляшу.
Я с гор спустился, чтоб умереть.
Я дом свой оставил, чтоб в путь
пуститьсь.

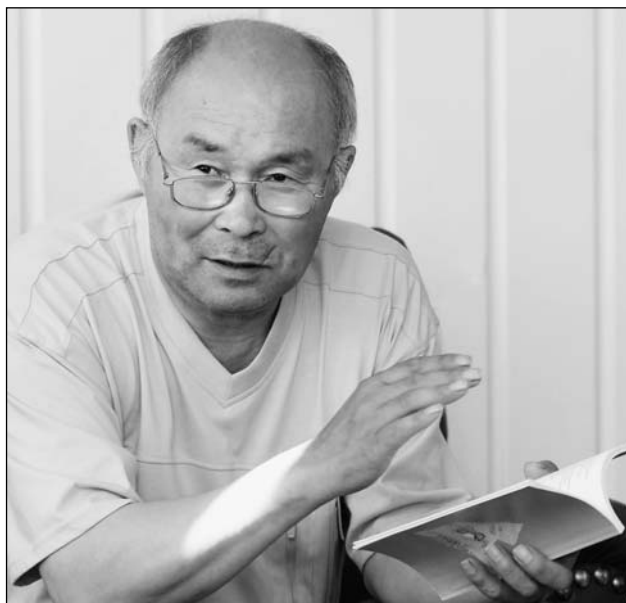
Где медвежий доктор? Где же он?
Кто обрядит меня в дорогу?

Москва, 1997.

«Призыванье», по-видимому, ждало своего часа, когда делегация сибирских литераторов коренного происхождения побывает с визитом в Институте Искусств Американских Индейцев под Санта-Фе. Поэты с разных концов земли читали здесь свои стихи, студенты и гости обсуждали проблемы коренных народов, судьбы их языков и литератур. С российской стороны приехали Еремей Айпин, Марина Айпина, Юрий Вэлла, Мария Вагатова и Александр Ващенко. А Юрий Вэлла, как член делегации не только написал путевые очерки, но по свежим впечатлениям от поездки – всё-таки это тоже был диалог этапного значения – пожелал откликнуться на стихотворение «Призыванье».

Так начался тот самый диалог двух поэтов.

Если Момадэю свойствен медитативный, драматичный поэтический настрой, то Вэлле более близок тон оптимистичный, вызывающий к живому участию в потоке событий. Таков по духу был его ответ Момадэю:

Юрий ВЭЛЛА**И ВОТ Я ЗДЕСЬ!***Н. Скотту Момадэю слова мои*

Вот он я, здесь!
 Возле тропы твоей тебя ожидаю!
 Всю мою жизнь – брата равного не имел.
 Всю мою жизнь – попутчика равного
 не имел.

Мы б с тобой шагами померялись.
 Мы б с тобой рыком поменялись.
 Мы б с тобой взгляды скрестили.
 Наша общая тропа пусть тесной не станет!
 Вот он я, здесь!..
 В круг твоих родственников войдём.
 Меж твоих родственников прошагаем.
 На чьей стороне скверные слова отыщем?
 На чьей стороне добрые слова услышим?
 Детей своих величиной с шишку сосновую
 – созови.

Детей своих величиной с листочек
 берёзовый – созову.
 У играющих детей пусть шаги лёгкими
 будут.

У танцующих детей пусть душа свободной
 станет.

Как и я, от слов страдающего – не встречал.
 Как и я, от песен плачущего – не видывал.
 В жизнь свою, если ругань слышал –
 растеряй!

В жизнь свою душой изведанные боли –
 растеряй!

Это было, чтоб точность слов чувствовал –
 испытание.

И вот я здесь!
 Возле тропы твоей тебя поджидаю!
 Ты думаешь – это я тот, кто должен
 тебя оживить?

На самом деле – это ты меня оживляешь!

Сибирь, 2010.

Примечательно, что по своему поэтическому строю, по стилю – у Вэллы мы находим тонкое продолжение тональности, предложенной Момадэем. По содержанию же – пред нами признание в родстве души, а по сути, в системе ценностей, тогда как на глубоко интимном уровне – стремление подбодрить и разделить те же чувства. Признание и переключка аксиологического родства (семья–животные–общая тропа–круг родичей–дети–слово–песни) – превращается отныне в основную тему диалога, а сам диалог становится осознанным с обеих сторон процессом. Его участники словно бы ощущают, что помимо них есть ещё родственники разных поколений – ради них, их будущего и тянется дальше сам диалог.

Н. СКОТТ МОМАДЭЙ**В ЛЕСУ***Брату моему Юрию Вэлле*

О, брат мой,
 Слышу поступь твою в лесу.
 Шаг твой твёрд и размерен.
 В нём – эхо твоего сердца.
 Ступаешь ли ты среди следов медвежьих –
 Пусть Медведь тебе будет вожатым.
 Придёшь ли на поляну среди деревьев –
 Там начнёшь свою пляску.
 Затянешь ли песни Старейшин –
 Те, которыми они освящали землю.
 О, брат мой,
 Я слышу шаги твои и твои песни.
 Я выйду сегодня плясать с тобою.
 Возликуем же вместе
 Нашей сутью медвежьей!
 Поддержим огонь очагов священных!
 Айии!

США, 2012.

Как можно видеть, разговор продолжается отныне в терминах близкого родства («Брат» у Момадэя, слово, которому Вэлла

пытается подобрать более ёмкий ненецкий синоним Нямэ-э. Поэт также всё больше вводит в стилистику Момадэя ненецкие интонационные и устнопоэтические обороты, стремясь к конкретизации образа, в отличие от обобщённой символики, больше присущей Момадэю.

Юрий ВЭЛЛА

ПУСТЬ ТАК ОНО И БУДЕТ

Для моего Ня –
Н. Скотта Момадэя слова мои*

Айии! – Точно так!
Так оно, оказывается, и было!
Я думал, лес приглушает звуки,
Но ты расслышал мои шаги.
Я старался беззвучно ступать
Средь следов звериных,
Но ты, мой Ня!
Ты почувал колебания моего сердца.
Ты распознал и шаги мои,
Что были вpletены
В звуки древних песен Старцев.
Ты нащупал эхо моего сердца,
Хоть я успешно приглушал его удары
В лабиринтах Медвежьих Плясок.

Пусть в веках поют наши дети -
Что подобны шишкам сосновым!
Пусть в веках танцуют наши внуки -
Что похожи на листья берёз!
Соберутся вокруг очагов священных,
Чтоб возрадовать себя песнями,
Сказками и легендами,
Что мы успеем им передать.

А то, что не сумеют от нас перенять,
Пусть сочиняют сами...

Тот, кто должен петь,
Чтоб ему свободно пелось!
Тот, кто способен танцевать,
Чтоб ему легко плясалось!
Тот, кому суждено лицедействовать,
Чтоб талантливо играл и в фельетонах,
И в божественных сценах!
Так было всегда
И должно быть и в будущие времена!
Пусть возликуют пляской
Нашей общей Медвежьей сути!
Пусть в Священный Бор
Свезут дары жертвенные,
Дары щедрые,
Что равнозначны мольбам-пожеланиям!
Пусть наденут на лица маски
И дружно ударят в бубны!..

А зверь звериной тропой
Пусть вечно спускается с Водораздела.
А потомки мои и твои с заточенными
стрелами

У тропы той пусть всегда настороже.
Айии! Мой Ня!
Пусть так оно и будет!

Сибирь, 2012

«Для кровного старшего брата есть слово Ытя. Но есть более тёплое, широкое и часто используемое слово Ня (Нямэ-э) – это и старший, и младший кровный брат, это и двоюродный и названный брат, это и попутчик в дороге, и соратник-напарник в делах, это и собеседник и единомышленник, это просто близкий человек, с которым хочется общаться и быть вместе. Поэтому Ня, по сравнению с Ытя, более ёмкое, более точное, мне кажется, слово, именно в том значении, в котором употребил слово Брат Н. Скотт Момадэй». – примечание Ю.Вэллы.

Стихотворение Вэллы становится благопожеланием на будущее, которое вырастает из союза двух родственных сердец, способных сквозь время и пространство ощутить общий ритм бытия.

Н. СКОТТ МОМАДЭЙ

СЛЕДЫ

Посвящается Юрию Вэлле

Брат мой родной,
Слышал я странный рассказ:
На обряд ночной пришёл человек.
Был он наряжен в богатое платье,
Добрым был мех
И прекрасна душа его.
Он встал у края общего круга
И был безмолвен.
Ни слова,
Ни песни из уст его,
И никому не был он ведом,
Только чужали все,
Как он могуч,
Как велика его тайная Сила!..
А когда всё кончилось,
Он исчез.
Отправились люди за пределы круга,
Чтоб отыскать его след.
Но не было там
Человечьего следа,
Были только следы Медведя...

О, брат мой,
Не твой ли след это был?
И уж не ты ли принёс на обряд
Всю мощь Хозяина Леса?
Не ты ли эту ночь освятил
И звёзды приблизил с ночных небес?
И как запомнят тебя эти люди –
В добром мехе шубы
Или в могучей красе души?

Жажду пройти с тобой по тайге,
Чтоб глубокий след оставить в снегу.
Мы поведем священные Сказы!
Мы затынем священные Песни!

США, 2012

Как можно видеть, Медведь становится важным межкультурным фактором, рождающим доверие и глубину понимания между участниками диалога. Теперь он – необходимый посредник между родичами, по воле истории удалёнными на тысячи миль друг от друга. Медведь властно снимает это расстояние. В самом деле, Медведь – наш древнейший странный общий родич... Рассказывают, будто во Франции, в пещере Ляско, знаменитой изображениями зверей, оставленными первобытными людьми, посетителя как-то провели в более древнюю пещеру, куда туристов не водят. Там на полу лежали рядом два скелета – человека и медведя. Вот только ноги человека были приложены к ногам медведя, а медведь – к человеческим...

В третьем обмене стихотворениями оба участника почувствовали себя на месте Медведя – примерив на себя по необходимости, каково это – побыть одновременно и духом, и жертвой...

В дальнейшее развитие диалога между двумя поэтами вторглись драматичные жизненные обстоятельства. У Скотта Момадэя это было связано с развитием диабета, так что свои новые стихи на поэтическом вечере в Санта-Фе он вынужден был читать, сидя в кресле на колёсиках. В случае с Юрием Вэллой это означало операции на лёгких, а потом и проблемы на стойбище, когда в засушливое лето 2012 года сгорели жилые постройки вместе с пожитками... Но, несмотря на это, желание продолжить диалог осталось.

Юрий ВЭЛЛА

МОЙ СОН

*Н. Скотту Момадэю
сон мой для предсказания*

Ты, Няме-э, спрашиваешь:
Был ли я
На святилище том?

Прошлой ночью
Видел я сон:
Как в облике Медведя
Со спины Земли я спускался,
Чтоб после берложного сна
Встряхнуться,
Проснуться,
Взбодриться,
Оживиться!
Оказывается, я очень проголодался,

Оказывается, я очень обессилел,
Оказывается, в теле моем иссякла
Сама Жизнь...

В тайге не нашёл ничего съедобного.
Среди оленей
В собственном стаде
Не хватило мне сил
Зарезать самого немощного
Отставшего Оленёнка...
А когда меж людей проходил,
Слышал их голоса со всех сторон:
«На, вот это съешь!
На, вот это съешь!
На, вот это...»

Когда я вгляделся
В их протянутые ладони,
Там не было ничего съестного!
В ладонях у иных –
Для торговли золотые монетки.
В ладонях у иных –
Лоскуты ткани для шитья одежды.
В ладонях у иных –
Для женских голов нарядные шали.
Что же из этого
Я – оголодавший,
Могу съесть?
Для чего мне – Медведю –
Такие богатства?
Неужели
Они приняли меня
За Божество?

Самый старший из них
Сказал мне;
«Когда-то ты был человеком,
Теперь ты принял облик Зверя.
Когда-то ты жил среди нас,
Теперь ты к нам вышел из тайги.
Неужели отдельно жить лучше?»
– Конечно,
Отдельно от вас жить не лучше мне.
Но с Царской казённой протянутой ладони
Вам питаться понравилось.
Собственными усилиями рыбачить,
Собственными усилиями охотиться.
Собственными усилиями пасти оленей
Вы, похоже, совсем перестаёте.
Царские чиновники
В ваши карманы
Дармовые золотые монетки
Обильно ссыпают
За вашу любовь.
Вероятно,
Чтоб вы стали подслеповатыми?
А я не люблю золото,
У меня от него
Изжога...

Самый старший опять сказал:
«Давай, через этот костёрчик прыгнем.
Если через огонь прыгнешь –
Опять человеком станешь».
Я посмотрел на костёр,
Разве это костёрчик? –

Это огромный кострище пылает!
А мы
Вокруг священного огня
Приготовились к жертвоприношению.
Нам бы выпросить у богов
Одного добротного дня,
Когда у добычливого юноши
Под лыжами будет бодрое скольжение!
Нам бы выпросить у богов
Второго добротного дня,
Когда у удачливого юноши
Под пятками будет весёлое поскрипывание!
Нам бы выпросить у богов
Третьего добротного дня,
Когда женщина сможет достичь
Возраста Белого Шва,
А дочь её сможет достичь
Возраста вскармливания Младенца!..

И я, разбежавшись,
Прыгнуть решился через огонь,
Потому что подумал:
«Может быть Я – жертва?
Но кто-то провис на мне.
Помню, я рвался
Через костёр сигануть,
Но кто-то сильный
Плечи сдвинул –
Не пускал,
Тормозил
И кричал мне в ухо:
«Что же ты делаешь!
Посуду больничную ломаешь!
Немедленно просыпайся!
Пока не поранился...»
Я оглянулся кругом
Глазами спросонок:
Оказывается,
Я в больничной палате,
Пытаюсь прыгнуть
Через столик больничный,
А на нём больничная посуда
И больничные инструменты.
А доктор ночной
С медсестрой больничной
Повисли на обоих моих плечах
И пытаются меня приручить,
Присмирить,
Сделать послушным –
Больничным.

А сегодня
Внимательно осмотрел я себя:
Ах, что же это –
Подол моей одежды поджаренный,
Подол моей одежды подпалённый.
Когда же это случилось?
Ведь в больничной палате
Не было открытого огня...
Ты, Няма-э, спрашивал,
Был ли я
Возле того священного костра,
Где наши с тобой родственники
Общались с божествами?

Знаю точно:
Во сне – был!
Но отчего
Огнём подпалён мой подол –
Наяву?

4–5.09.2012.
г. Нижневартовск

Это – самое объёмное стихотворение «диалогов», в котором автор объединяет вместе много наболевших тем. Диалоги в целом пронизывает тема священного прозрения, а в данном стихотворении она становится главной. Больничный бред оборачивается вещим сном, соплеменники отходя всё дальше от уважаемых дедами трудов, тогда как смена ценностей превращается просто в смену цен. От лица Медведя автор спорит с современностью, ставя перед нами вопрос: в чём главное содержание жизни? И ещё: ведь естество поэта – рваться в неизведанное, запредельное, даже вопреки реальности. Поэтому больничный доктор (который, вообще-то выполняет свой долг) выступает одновременно и в роли двойника тех, кто хотел бы «присмирить» поэта, «приручить, сделать послушным».

И наконец, налицо глубинная готовность поэта-пророка к самопожертвованию, если оно понадобится для народного выживания...

Н. СКОТТ МОМАДЭЙ

ПИСЬМО ЮРИЮ ВЭЛЛЕ

В сумерках
Средь духов лесных
Тебя нахожу,
И узнавание былое приходит к нам.
Нашу встречу
Любовь да почтение привечают.
Ты сын мне, а я – тебе.
Мы пируем в рассказах о жизнях наших
И пляшем на тропах медвежьих.
Мы поём о богах и героях,
Завещавших нам мужество и надежду.
Ты брат мне, а я – тебе.

Нам ведомы таёжные чуда.
Болота и реки,
В которых звери – это посланцы,
Что приносят нам сны о других мирах.

И той же мы древней крови,
И из тех же костей
Наших предков священных.

Ты дед мне, а я – тебе.
Мы славу пьём в словах изначальных.
В молитвах Творения и доброславия.
И живо в нас нечто столь же святое
Вечное там – вечное здесь.

США – 2013

Юрий ВЭЛЛА

БАБУШКИНЫ ЦЕННОСТИ

Моему Ня – Н. Скотту Момадэю

Когда-то
Мне Бабушка говорила:
«Уходя в дальнюю дорогу,
Возьми с собой ценности вечные –
не обмани,
не укради,
не навреди,
не убей;
не откажи
в помощи слабому;
не позволяй,
чтоб обижали твоего ближнего;
не нарушай
своих родовых обычаев;
не оскверняй
и чужие святыни!
А возвращаясь из странствий,
Окажи почтение
Отцу и Матери!»

Твои строки, мой Ня,
Мне напомнили бабушкины мудрости.
Может, и иным
Напомнят что-то святое?
Ведь сегодня
В окружающем мире
Так спутались ценности
Ложные с истинными!..

Будь мне – мудрым дедушкой,
Чтоб я стал – разумным внуком.
Будь мне – сильным отцом,
Чтоб я стал – твоим ведомым.
Будь мне – общительным братом,
Чтоб в делах – у меня был напарник.
Будь мне – старшим сыном.
Чтоб в душе я искал – что сказать тебе.
Будь мне – младшим внуком,
Чтоб я просто взял тебя за руку.
Стань мне правнуком,
Чтоб в тебе я искал продолжение себя...

А вокруг нас
Пусть будет благословенный мир –
Солнце, ветер, тундра, олени!
А песни наши,
Что одними концами от Медвежьих игрищ
идут,
Пусть будут легки для звучания!

Стойбище на Туютяхе – 02.2013.

Слова Н. Скотта Момадэя на русском языке
Даны в переводе А.В. Ващенко, Москва, МГУ.

Завершающая диалог пара стихотворений последовала после некой временной паузы; участников диалога сильно сблизили взаимные чувства предыдущих откровений и, быть может, оттого в финальном стихотворении проявились черты итоговости, качество финального обобщения. Хочется верить, что благодаря этому диалогу. Быть может, в дальнейшем обе литературные традиции – индейская и коренных народов Сибири – станут сильнее ощущать свою близость, смогут развиваться чуть с большим «чувством локтя». Воистину, главная мысль в последней строке стихотворения Н. Скотта Момадэя: «Вечное там (то есть в народном прошлом) – вечное здесь» (то есть эти ценности остаются неизменными – и, хочется добавить, неразменными).

Сложившийся диалог примечателен сам по себе – в нём состоялось узнавание родичами друг о друге (и друг друга) через моря и океаны, через столетия взаимной изоляции. Он примечателен также своей глубокой естественностью, искренностью и внутренней свободой.

Однако, как представляется, главной ценностью состоявшейся поэтической перекички является искренняя декларация основополагающих человеческих ценностей. Они ясно и детально развёрнуты здесь, выражая глубинные чаяния авторов как выразителей традиционных культур. Интересно, что в диалогах Момадэя и Вэллы нет предмета для спора – зато есть глубокая тревога за судьбы мира.

Но прежде всего, думается, эта поэтическая перекичка важна как урок нам, живущим не «вечным», а от выборов до выборов, по внешним ранжиром, теряющим смысл, подчиняясь искусственным нормам, всё далее уходящим от изначального естества, от нашего дальнего-дальнего родича, Медведя. А он, похоже, по-прежнему всё надеется объединить всех нас – как мощный дух матери-природы, как могучий символ нашей огромной, всеобъемлющей страны...

Автор комментариев к поэтическому
диалогу Юрия Вэллы
и Н. Скотта Момадэя –
Александр Ващенко

Ханты, манси и ненцы Обского Севера всегда старались селиться ближе к воде. Река и напоит, и накормит, и в путь проводит, и к дому приведёт. Пришлые и осевшие в этих местах люди тоже обустроивались возле водоёмов. А чья душа здешней рыбой околдована, тому в другие земли ходу-возврата нет. Разве что злая судьба погонит. Потому как на Оби рыбу не просто любят. Ею живут.

Рыба для коренных народов Севера давно перестала быть просто средством пропитания. Ею и торговали, обеспечивая себя полезными промышленными товарами. На промысле рыбы взрастали мальчики, на обработке и заготовках — девочки. Так они не только получали необходимые для северян жизненные навыки. Так они оттачивали свои характеры, природные задатки. Это была незаменимая школа вос-

питания северного человека. Рыба плотно вплетена в ткань мировоззрения, культуры, религиозных представлений малочисленных народов Севера. Мифы, загадки, притчи, сказки, ритуалы — практически везде рыба — обязательный персонаж.

Пристрастие коренных жителей Обского Севера к рыбе может (да и то — отчасти) понять только тот, кто хоть раз был ею угощён, а пуще — до отвала обкормлен. Солёный в колодочку муксун, сырок-пятиминуточка, строганина из нельмы, свежеподсолённая сосвинская селёdochка, пироги из щокура... Не нужно быть знатоком и гурманом, чтобы определить: обская рыба — вся и каждый вид в отдельности — уникальное явление природы. Она необыкновенно вкусна и разнообразна по вкусу. Распробовав, вы навсегда поселите в себе желание то и дело лакомиться лучшей речной рыбой.

Ценность сиговых рыб общеизвестна. Они — наиболее типичные представители северных экосистем и даже могут служить своеобразными тест-объектами экологического мониторинга.

К слову сказать, состояние популяций ценных пород рыб, на наш взгляд, — один из нагляднейших показателей отношения общества к экологическим проблемам. С этой точки зрения достаточно беглого взгляда на

динамику цифр последних двух десятилетий, чтобы прийти в ужас от катастрофического снижения численности ценных рыб во многих российских реках, в том числе и на Оби. Причины просты и банальны — сиговые, лососевые и осетровые рыбы пользуются повышенным спросом на потребительском рынке. Баснословные барышни приносят им поставщикам, которые, не считаясь ни с доводами здра-

вого смысла, ни с природной целесообразностью, стремятся только к наращиванию объёмов добычи. А государство, в лице соответствующих органов и должностных лиц, не хочет или не может остановить хищнический, я бы даже сказал — разбойный промысел, уничтожающий эти популяции, разрушающий уникальную северную экосистему.

Сиговые рыбы образуют самостоятельное семейство,

включающее три рода: *Prosopium* – вальки, *Coregonus* – сига, *Stenodus* – нельмы. В семействе насчитывается 28 видов рыб, 12 из которых обитают в водоёмах России (9 – в Енисее, 8 – в Оби).

Сиговые рыбы обладают высокой экологической пластичностью (степень выносливости организмов к воздействию среды). В пределах бассейнов рек они часто образуют экологические типы: озёрный, озёрно-речной, речной. Друг от друга типы отличаются сроками созревания, временем нереста и многими другими параметрами. Но что примечательно: типы не имеют генетически закреплённых различий и могут переходить один в другой.

В Обском бассейне встречаются три экологических типа у пеляди, пыжьяна, ряпушки (озёрный, озёрно-речной, речной), два типа у чира (озёрно-речной и речной), один тип у нельмы и муксуна (речной). У всех видов наиболее многочисленны речные типы. Озёрно-речной тип возникает в результате временной изоляции группировок рыб при нарушении связи «река–озеро» (это зависит от колебаний уровня воды). Если есть подходящие условия для воспроизводства, в отдельных озёрах возникают устойчивые группировки пеляди, ряпушки и пыжьяна.

Кстати, у пеляди, нельмы и ряпушки, по нашим представлениям, имеются стада, «привязанные», если так можно выразиться, к местам размножения. Например, выделяют два стада пеляди. Одно размножается в уральских притоках, другое – в Средней Оби. У этих стад различаются и места нагула. Первое кормится в сорах поймы Малой Оби и поймы уральских притоков, второе уходит «харчиться» – в сора Большой Оби.

Сиговым рыбам милее реки и озера с чистой, про-

зрачной водой, омывающие каменистые, галечные или песчаные берега. Таковы, например, могучие реки Сибири – Енисей, Лена, несущиеся к океану практически одним большим руслом. Столь же комфортные условия этой рыбе предоставляют и многие озёра. Обь же, величаво, не спеша, пересекает всю болотистую Западно-Сибирскую равнину. Оттого и вода у неё мутная и коричневая, а берега пологие, илистые. Ландшафт поймы Оби однообразен. Проток и соров так много, что, не зная местности или не имея карты, легко заблудиться.

Подавляющее большинство протоков Нижней Оби поименованы коренными жителями. Выл-посл, Васьрем-посл, Яныг-посл («посл» на языке ханты – «протока»). «Сор» же по-хантыйски «лор». Отсюда и названия соров: Лор-лох, Пом-лор, Ев-лор... В нижнем течении Обь не имеет единого русла, поэтому, если в разговоре с местными жителями вы услышите: «Поехал по Малой Оби» или – по Большой, Игорской, Горной, Хаманельской, Индейской и т.п., знайте, что речь идёт об одной и той же великой сибирской реке.

Не только качество, но и количество воды серьёзно влияет на численность и продуктивность бассейна. Т.е. большое влияние на объём рыбных запасов оказывает ход паводковых вод, длительность затопления и высота подъёма воды в пойме. При маловодных паводках резко ухудшаются условия обитания обских рыб, нарушаются их воспроизводственные циклы, что, естественно, приводит к снижению запасов. Поэтому долгосрочное прогнозирование численности рыб возможно только при наличии столь же долгосрочного прогноза по объёмам воды в реке.

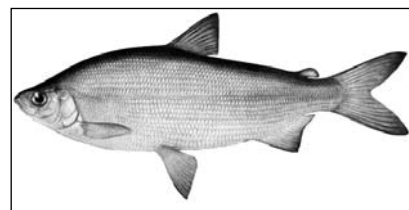
Не будем забывать и о значительном влиянии, ко-

торое оказывает на распределение рыб в Обском бассейне замор. Он происходит из-за отсутствия кислорода в воде, скованной толщей льда. Дело в том, что в Оби содержится много органических веществ (до 42 мг/л), которые, разлагаясь, «съедают» много кислорода. Кроме того, кислород участвует в окислении закисных солей железа, попадающих в реки из болот. Замор в Оби чаще всего начинается в декабре. Первый удар он наносит всему живому в устье реки Кеть. И оттуда неумолимо и беспощадно, со скоростью 15 км в сутки, устремляется вниз по течению, добираясь аж до середины Обской губы. Под его губительной властью оказывается более 1080 тыс. квадратных километров водных просторов.

И всё-таки, несмотря на множество негативных факторов, мы пока ещё можем утверждать, что среди рек, впадающих в Северный Ледовитый океан, нет равных Оби по объёмам (треть мировых запасов) и улову сиговых рыб. Учитывая разнообразие видов и высокую численность популяций, есть основания полагать, что именно здесь находится их «экологический» оптимум.

Пелядь

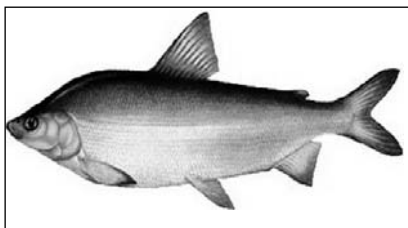
Здесь её называют сырком. Обская пелядь большей частью – речная рыба, которая совершает большие миграции на нерест в среднюю Обь и в уральские притоки нижней Оби. Озерная пелядь есть на Ямале, Гыдане, в среднем Приобье и в верховьях рек Полуй, Надым, Пур. В верховых озёрах пелядь обычно мелкая, тогда

как на Ямале, Гыдане и в Приобье попадают очень крупные особи, весом 2–3 кг, длиной 40–60 см. Наиболее многочисленные популяции озёрной пеляди в Западной Сибири обитают в пойменных озёрах Оби (о. Ендырь, ХМАО). Именно ендырская пелядь стала родоначальницей рыболовной пеляди.

Муксун

Самая почитаемая рыба у обских рыбаков и едаков. На нерест стадо обычно поднималось в устье Томи. Однако в наши дни оно до этих мест не может добраться, его практически полностью вылавливают. Поэтому муксун чрезвычайно редко теперь идёт на повторный

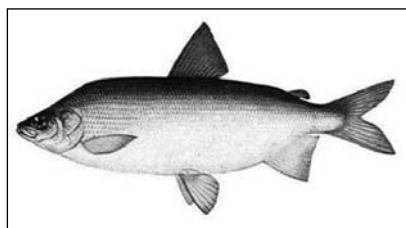
нерест. Разве что иногда сходит за этим делом на Иртыш. Популяция муксуна на Оби резко сокращается. В последние пять лет на нерестилищах он не появляется. В Томской области его планируют занести в региональную Красную книгу.

Чир (щокур)

Он обосновался в низовьях Оби и Таза, в Обской и Тазовской губах. В отличие от других сибирских рек, в Оби наиболее многочисленны чирьи полупроходной формы. По Оби чир не поднимается выше устья Северной Сосьвы. На Ямале и Гыдане он обитает только в таких озёрах, которые имеют связь с речной системой. Ведь чир не размножается в стоячей воде, для созревания его икры нужно течение. Икру чир чаще вымётывает среди торосов льда и шуги. Численность его в Оби, увы, также устойчиво снижается.

Сиг-пыжьян

Ведёт в основном полупроходной образ жизни. Совершает миграции в пределах опреснённых участков Обской губы, поймы Оби и уральских левобережных притоков. Выше устья Северной Сосьвы поднимается редко. Основные места его нереста – реки Войкар и Сыня. Встречается в озёрах тундры. Половозрелый пыжьян весит 300–500 г, но,

если повезёт, сети могут принести вам рыбины и двухтрёх килограммовые. Такие крупные сиги-пыжьяны образуют в отдельных участках ареала заметные скопления. Например, в озере Ворчато (бассейн реки Войкар). В этом озере ежегодно формируется уникальная группировка повторно созревающих сегов.

Пыжьян – наиболее прожорливый среди сегов: практически в любое время года его кишечник наполнен пищей, состоящей из мелких донных животных. Зимняя стужа ничуть не охлаждает его бурного характера, и если обычной пищи ему становится недостаточно, он, с поистине человеческим удовольствием, поедает икру своих собратьев на нерестилищах. Места и сроки размножения пыжьяна и пеляди совпадают в большей мере, чем у других сегов, поэтому наиболее часто встречаются гибриды именно этих видов.

Тугун

(сосвинская сельдь)

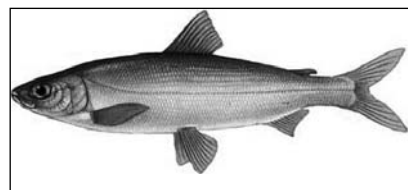
В отличие от других сеговых, не очень-то любит длительные миграционные прогулки. Этаким домоседом. Вот уж про кого с уверенностью можно сказать: «мал золот-

ник, да дорог». Казалось бы, всего и рыбёшка-то – 10–20 см. Но она, правда, очень вкусная. Знатоков и любителей этой рыбы не останавливают даже очень высокие цены на неё. Была бы вообще возможность купить.

Цикл жизни тугуна короткий, он созревает уже на втором году жизни. Размножается и нагуливается во всех уральских притоках Нижней Оби. Водится тугун в бассейне Таза, в некоторых ямальных реках и озёрах Полярного Урала. В Байдарацкой тундре в оз. Нгосавэйто тугун (эндемик Сибири) обитает совместно с европейским хариусом. И всё-таки больше всего сосвинской сельдьки именно в реке Северная Сосьва. Здесь ей хорошо, вольготно и даже алчный промысел не способен нанести урона её численности, которая в течение многих лет остаётся относительно стабильной.

Омуль

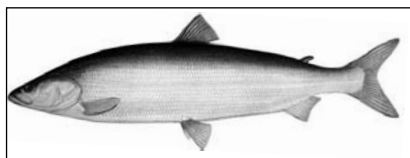
В Обь омуль не заходит, предпочитает Обскую, Гыданскую и Байдарацкую губы. Самая «северная» рыба из сеговых. Спокойно переносит высокую солёность воды. В губах преобладают молодые особи (четырёх- и

пятигодовалые), которые «тянут» на 300–400 граммов. Считается, что они являются частью печорского и обьенисейского стад омуля. На зимовку неполовозрелый омуль заходит в устья ямальных рек и распределяется в приливно-отливной зоне.

Нельма

Это типичный хищник. Рыбаки рады достать из сетки любую нельму, но чаще всего попадают рыбины 4–10 кг. Кому повезёт, тот и в

несколько десятков килограммов трофей извлечёт. Особенно фартовых и 60-килограммовая добыча может осчастливить. В отличие от тугуна, нельма любит долгие водные «прогулки». Она нерестится в Верхней Оби, ниже Новосибирской ГЭС, и в Северной Сосьве. Было время, нельма поднималась до Катуня, размножалась во многих притоках Туры, Тавды. Зиму нельма встречается чаще в Иртыше, где спасается от обского замора. В верховьях Северной Сосьвы нельма может обитать в течение всего года. Однако шибко разгуляться здесь ей не дают, совсем малочисленное стадо оставили фартовые рыбаки.

Весной тысячи мелководных соров и проток принимают в себя рыбу, которая сразу после ледохода устремляется из Обской губы в Обь, из Оби – в сору её поймы. Такой ход рыбы называется «вонзь».

Чистая прозрачная вода и небольшая глубина открывают великолепную жизнеутверждающую картину хода сиговых на нерест. Неделью, а то и полторы сплошная живая лента, вплетённая в стильную обскую воду, упрямо лезет вверх по течению. Рыба идёт вверх ритмично, скапливаясь днём на ямах и усиливая ход вечером. Рыбачьи сети, невзирая ни на какие запреты, брали свою долю «живого серебра» бездонной мерой. Вековые любители свежанинки – медведи, выдры, орланы-белохвосты, беркуты – в эту пору тоже выходили к реке лакомиться, отъедаться после зимнего поста. Впрочем, в наше время о сей восхитительной рыбной ярмарке можно узнать только из

красноречивых баек старожилов. И даже не старых ещё старожилов. Ведь это было совсем ещё недавно – в 80-х годах минувшего века! Было, да не стало.

Вонзь начинается с подъёма пеляди, за ней тянутся и остальные сиговые. В арьергарде идёт налиим. Летом в Обской губе из сиговых (кроме ряпушки) остаются в основном молодёжь и неполовозрелые рыбы. Сиги, готовые к размножению, распределяются по пойме Оби более широко.

В низовьях Оби, севернее Салехарда, нагуливаются чир, муксун, сиг-пыжьян, а в междуречье Малой и Большой Оби – пелядь. Нельма для нагула использует больше протоки, чем сору, и особенно любит правобережье Оби с многочисленными там каменистыми косами. Такое распределение по местам нагула связано с «гастрономическими» пристрастиями рыб. Например, пелядь, типичный планктофаг, поднимается выше по Оби, так как сора, что поужнее, богаче зоопланктоном.

После обсыхания поймы сиги разделяются на стада, состоящие из неполовозрелых и половозрелых рыб. Неполовозрелые большей частью скатываются в губу, а половозрелые поднимаются к местам нереста. Сроки выхода сигов из соров определяются продолжительностью половодья и температурой воды. Для сиговых рыб, питающихся бентосом, то есть донным кормом (чир, муксун, сиг-пыжьян), огромное значение имеет также нагул в протоках и в самой Оби, тогда как питающиеся планктоном пелядь и ряпушка нагуливаются в сорах.

Для нормального нагула сигам нужно кормиться не меньше двух месяцев. Если сору долго не обсыхают, рыбы лучше отъедаются. Хороший нагул обеспечивает высокий темп роста, скорое созревание одного поколения, повышение

жирности тела, плодовитости, среднего веса и жизнеспособности икринок. Всё это сказывается на росте численности нерестового стада и численности отложенной на нерестилищах икры. В многоводные годы повышается жирность рыб, а поскольку жир – это энергия, за счёт которой сиги совершают длительную миграцию к местам размножения, то рыбы получают возможность подняться на самые отдалённые нерестилища и выбрать лучшие. Если говорить об уральских притоках, то это их горные участки. Именно здесь у икры больше всего шансов выжить.

Температуру воды можно считать дирижёром нереста – она указывает, когда и какому виду занимать нерестилище. Нерест начинается в южных районах. Во второй половине сентября на нерестилищах Северной Сосьвы появляется тугун. Севернее, в притоках Войкар, Сось, Харбей, нерест сигов происходит в период ледостава и подо льдом.

В уральских притоках сиги облюбовывают себе под нерестилища галечные или песчано-галечные перекаты, на Ямале их тянут к себе реки с песчаным либо плиточным грунтом. Нерест протекает бурно, в сумеречное время, на зорях.

Самка мечет икру, делая бросок вперёд по течению на 1–2 метра. Её в это время плотно обступают два самца. Самцов на нерестилищах всегда больше. Они приходят сюда раньше самок и задерживаются на нерестилищах дольше. Контакт рыб способствуют специальные кожные бугорки, образующиеся перед нерестом у самцов. Самый шершавый (герой-любовник) – сиг-пыжьян.

Течение подхватывает икринки, несёт их вниз, будто брошенную гигантской горстью крупу. Уносимые водным потоком,

икринки одна за другой постепенно оседают на дно. Нехитрая процедура брачных игр, как ни странно, даёт удивительно высокий процент оплодотворения – более 95. Индивидуальная плодовитость тугуна обычно 3–5 тыс. икринок, чира – 40–60 тыс., пеляди – 20–30 тыс., нельмы – 150–300 тысяч. Для поддержания численности популяции необходимо, чтобы из каждого икромета в свое время пришло на нерест хотя бы две рыбы.

Развитие икры продолжается в течение всей зимы. Личинки начинают вылупляться с первым весенним подъёмом воды и сразу же скатываются вниз по течению. Массовый скат с нерестилищ происходит за день-два до освобождения реки ото льда или в период ледохода. Покатная миграция продолжается до тех пор, пока личинки не попадут в соры. В период ската личинки не питаются, им достаточно собственного жира. Превращение в малька происходит в течение месяца.

Самый ответственный период в жизни сиговых рыб – когда они начинают самостоятельно питаться (в сорах). Если корма мало или он недоступен для личинок, они быстро погибают. Гибнут они и от штормовых ветров, и от хищников. За десять дней нагула в среднем гибнет около 90% личинок.

Сиги, дожившие до конца лета, имеют вид взрослой рыбы в миниатюре. Эти уже более живучи. Ближе к зиме сиговые всех возрастов собираются вблизи мест, удобных для зимовки. Там, где они, у них есть шанс спастись от зимнего замора.

Справка

Ихтиолог Ю.С. Решетников разработал специальный индекс неблагополучного состояния (ИНС), который системно анализирует анатомические, морфологические, экологические и физиологические показатели рыб.

ИНС позволяет определить как состояние рыб на большой площади их обитания, так и экологическое состояние водоёмов.

Так вот, для обских сиговых рыб величина ИНС колеблется от 0 до 3, что соответствует зонам относительного экологического благополучия. Аномалии встречаются редко – одна на двести – триста особей. Чаще всего отмечаются изгибы и изломы лучей в плавниках, реже – искривления позвоночника, асимметрия гонад, а у бентофагов также нарушения в печени.

Наиболее загрязнённый участок реки – район нефтепромыслов на средней Оби. Несмотря на то, что в её русле отмечены нефтепродукты, фенолы, тяжёлые металлы в концентрациях, выше предельно допустимых для рыбохозяйственных водоёмов, современное состояние пойменных водоёмов (по гидробиологическим параметрам) нижнего течения Оби оценивается как удовлетворительное. Вода устья Оби и губы сохраняет свои природные качества и по эколого-санитарным показателям относится к классу слабо загрязнённых и умеренно-загрязнённых вод.

Институт экологии растений и животных УрО РАН тридцать лет проводит исследования воспроизводства сиговых рыб Нижней Оби в уральских нерестовых реках, стекающих с Приполярного и Полярного Урала (Северная Сосьва, Сыня, Войкар и Собь). Получены уникальные сведения о численности генераций, выявлены основные закономерности воспроизводства сиговых рыб в уральских притоках Нижней Оби. В обобщённом виде была установлена следующая цепь событий, приводящих к появлению много-

численных генераций пеляди и чира: высокое и длительное стояние воды за год до нереста и в год нереста – повышение темпа весового роста – повышение популяционной плодовитости – размножение на верхних нерестилищах – повышенное выживание икры – вылупление многочисленного потомства.

В уральских притоках нерестилища сиговых рыб занимают площадь около 16 квадратных километров. Все они находятся вне зоны проникновения заморных вод из Оби. Места хорошие, места много, однако обычное состояние здешних нерестилищ – «недонаселённость». То есть ёмкость нерестовых угодий в уральских притоках позволяет принимать гораздо, гораздо больше икры. На тысяче квадратных метров может нормально выметать икру около 500 производителей сиговых рыб. А на всех нерестилищах на Нижней Оби – 8–10 млн. особей. Возможно, эта величина соответствует максимальной экологической ёмкости речных нерестилищ. Вся беда, повторяю, в том, что рыбе просто не дают дойти до «родильного дома», вылавливают.

Кроме сиговых, в Обском бассейне встречаются и другие рыбы, также относящиеся к ценным лососеобразным.

Таймень

Спасёт ли его включение в Красную книгу – вопрос, на который мало кто отважится дать положительный ответ. Пока же всё идёт к тому, что о таймене уральских популяций мы будем знать только из научной литературы и размашистых рассказов любителей горной рыбалки.

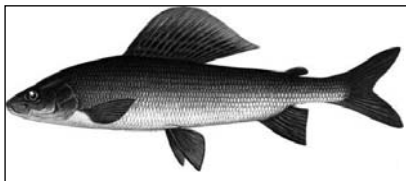

В Обском бассейне существуют несколько устойчивых очаговых ареалов тайменя: приполярно и полярно-уральские, североуральский, тазовский, горноалтайский. Таймень обитает в уральских притоках Оби – Сыня, Войкар, Собь, в верховьях р. Таз и её притоках: Худосей, Ратта, Ширта, Каралька, Покалька, Ватылька. В ХМАО таймень встречается лишь в верховьях Северной Сосьвы и в бассейне р. Ляпин. Повсеместно на Урале численность тайменя крайне низкая.

Таймень обитает в чистых реках с быстрым течением. Взрослые особи держатся на ямах, предпочитают участки с завихрениями течения. Наиболее активен таймень весной и осенью. Отдельные особи могут дожить и до 25 лет, но это уж чрезвычайно редко. Возраст старожилов обычно не превышает 18 лет. Созревает таймень к шести-семи годам, достигая длины 65–70 см. Нерестится весной, в конце мая – начале июня. Основной корм в летний период – речной голец, ёрш, елец; осенью и зимой – сиговые рыбы. В пределах рек совершает небольшие сезонные миграции. Таймень подвергается интенсивному браконьерскому лову, а также случайно попадает в сети при промысле разрешённых видов рыб. Численность ограничивается рыболовным прессом. Естественный лимитирующий фактор – относительно невысокая плодовитость, позднее созревание, ограниченное количество нерестилищ и ям, пригодных для зимовки. Какие-либо точные данные о численности тайменя отсутствуют. В будущем следует ожидать продолжения сокращения ареала вида. Необходима охрана мест обитания и размножения тайменя в целях восстановления его численности и сохранения ареала.

Хариус

Распространён в горных реках Урала, в притоках Таза, на Ямале и Гыдане. В ЯНАО обитают два вида

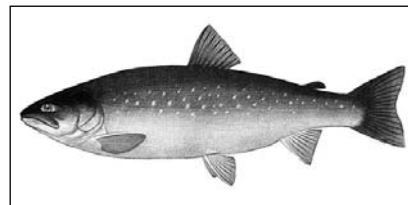

хариусов: европейский (в бассейнах рр. Кары и Нгосовэяхи) и сибирский (на остальной территории ЯНАО). В ХМАО обитает только западно-сибирский хариус, который встречается повсеместно на Приполярном Урале, в верховьях рек Вогулки, Малой Сосьвы, Сысконсынги, Конды, Большого Атлыма. На Полярном Урале и Ямале хариус зимует только в глубоких озёрах, так как большая часть рек перемерзает. В труднодоступных, редко посещаемых человеком реках хариус достигает крупных размеров – до 1,5–2 кг, но в реках, где его много ловят (например, в Соби), преобладают мелкие рыбы. Половой зрелости достигает в 4–5 лет. Нерестится весной, причём крупные особи обычно поднимаются выше по течению. В устьевых районах Соби и Харбея хариусы, особенно неполовозрелые, весной часто встречаются в сорах. Личинки хариуса вылупляются лишь в июле и держатся на мелководьях вблизи нерестилищ. В местах интенсивного лова хариусы становятся пугливыми и перестают жадно набрасываться на мушки рыболовов.

Арктический голец

На Ямале, Гыдане, в верховьях рек Кары, Нярмахи, Щучей, в озёрах Малое Щучье и Большое Щучье и в ряде других озёр северного и восточного склона Полярного Урала встречается озёрная форма арктического голца. В уральские реки, впадающие в Байдарацкую

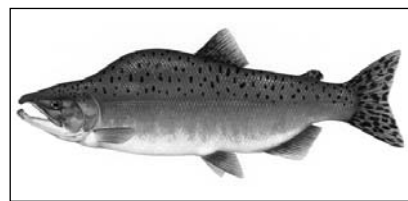
губу, в реки Гыдана для размножения заходит проходной голец. Главным образом в р. Кару. Проходной голец в реках Ямала редок. А вот в озёрах он – жилец осёдлый, постоянный. Крупного гольца в улове не часто можно встретить (на пару кило если попадётся – удача). Хотя, говорят, и

пудовые рыбины в чьи-то сети забредали. Численность гольца повсеместно снижается.

Горбуша

Горбуша стала встречаться у нас спустя несколько лет после её акклиматизации на Кольском полуострове. Туда икру сахалинской горбуши завезли в 1956 году. Отсутствие у неё чёткого хоминга (способность животных после миграций возвращаться на свой участок обитания), свойственного остальным тихоокеанским лососям, привела к широкому распространению горбуши на восток, вдоль побережья Северного

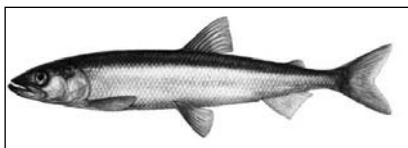
Ледовитого океана. Горбуша постоянно встречается у берегов Норвегии, Швеции, Исландии, Шпицбергена.

Наиболее успешными считаются попытки (тридцать лет назад) акклиматизации горбуши, принадлежащей к магаданскому стаду. Именно эта горбуша образовала самовоспроизводящиеся группировки на Кольском полуострове. Несмотря на акклиматизацию и рост численности горбуши в реках

Кольского полуострова в Обском, Тазовском и Байдацком бассейнах, горбуша остаётся редким видом, встречающимся единично только осенью, до ледостава. Натурализация горбуши на Ямале и Полярном Урале маловероятна, так как подлёдный период жизни рыб длится здесь более 200 суток, реки перемерзают на перекатах до дна и формируются заморы. А это препятствует благополучному развитию личинок в нерестовых буграх.

Корюшка

В пресные воды побе-режья Карского моря из губ заходит корюшка. Большую часть жизни она проводит в солёной или слабосолёной воде, а нерестится в реках Ямала и Гыдана. Обычно высоко по течению не под-

нимается. Нерест происходит на каменистых грунтах или на траве. Её промышленляют. Если принюхаться к улову, с удивлением обнару-живаешь, что корюшка невозможно аппетитно пах-нет свежими огурцами.

Осетр

Большой удачей рыбака-промысловика всегда счита-лась добыча осетра. На Оби их ловили плавными сетями и неводом. Пойманных осет-ров держали в воде, привя-занными на кулан. А забива-ли, уже только притащив на

рыбозавод. Совсем недавно, несколько десятилетий на-зад, была даже такая специ-альность в рыболовной про-мышленности – «забойщик осетра». И поверьте на слово – без работы этот мастер не

сидел. Сейчас осётр в Оби вымирает, и спасти его – мало надежды.

Половозрелыми самцы осетра становятся в 9–14 лет, самки – в 11–20 лет. Перерыв в размножении у самок составляет 3–4 года. Растёт осётр в Оби медленно, но может достигать длины до 3 м и веса – до 100 кг. Хотя средний вес промышляемых осетров 10–13 кг.

В осетровом хозяйстве Сибири Обь-Иртышский бассейн занимал ведущее место (70% от общего выло-ва). Осётр – проходная рыба, совершающая длительные миграции. В Средней Оби можно встретить половозре-лых осетров, поднимающих-ся на нерест, и 3–4-годова-лую молодь. Основу стада всё же составляют 30–45-летние особи.

Осетры бывают озимой и яровой форм. Впрочем, яро-вой, кажется, уже нет, не бывает. Единичные произво-дители яровой формы в преднерестовом состоянии в 70-е годы вылавливались возле Салехарда. Ход озимо-го осетра на нерест от Обской губы до нерестилищ занимает год. То есть осетры перед нерестом обязательно должны перезимовать в Оби. Рыбы озимой формы мигри-руют на нерест вверх по Иртышу и Оби на 1,5–3 тыс. км, останавливаясь на зимов-ку в глубоких ямах. Зимовальные ямы осетра отмечены в низовьях Иртыша (в Уватском и Тобольском районах), на Оби – выше устья р. Чулым. Нерестилища расположены в Иртыше – от Тобольска до Тары и от Семипалатинска до Усть-Каменогорска; в Оби – от устья р. Томи до плоти-ны Новосибирской ГЭС.

После перекрытия реки плотиной Новосибирской ГЭС, которая отрезала около 40% нерестовых угодий в Верхней Оби, воспроизвод-ство осетра резко сократи-лось. В уловах увеличилась доля возрастных рыб, что свидетельствовало о плохом

пополнении запаса. Сейчас размножаются в основном рыбы, родившиеся после зарегулирования стока Оби плотиной.

Обь-иртышская популя-ция осетра включена в Красную книгу Российской Федерации (2001), а вид целиком внесён в «Красную книгу МСОП». Однако, несмотря на это, числен-ность популяции продолжа-ет снижаться. Спасти её можно только экстраорди-нарными мерами, к осмыс-лению и реализации кото-рых пока никто не присту-пает.

В середине прошлого века каждый год на Оби добывали 500–750 т осетра. В начале 90-х – 10 тонн. В 2003 г. для рыбоводных целей вылови-ли 2 т, в 2007 – 1,1 т, в 2008 г. всего добыли 39 «хвостов» осетра общей массой 1,08 т. Численность молоди на местах нагула по мере её роста резко снижается, что многократно превышает темпы её естественной смертности. Одна из причин – браконьерский вылов молоди крупнее 40 см. Дефицит ежегодного попол-нения популяции обского осетра составляет 10 млн. экземпляров.

Столь катастрофическое снижение запаса связано с нарушением условий вос-производства и браконьер-ским промыслом на местах нагула, нереста и путей миг-раций, а также – загрязнени-ем нерестилищ.

На Абалакском рыбозаво-дном заводе занимаются искусственным воспроиз-водством осетра. Но им не хватает производителей. Видимо, специалистам имеет смысл озаботиться созданием крупного маточ-ного стада.

Стерлядь

В отличие от осетра, счита-ется туводной рыбой. Большая часть обской стер-ляди обитает в Средней и Верхней Оби, в Иртыше. Молодь стерляди встречает-

ся и в Нижней Оби, включая южную часть Обской губы. Весной концентрация стерляди отмечалась в крупных протоках Средней Оби – Большесалымской и Малом Салыме. Ежегодно в период нереста и нагула большое количество стерляди сосредотачивается в низовьях Конды и Согома. Современное состояние популяции стерляди относительно благополучное, но требуются особые охранные меры в местах её массового размножения. Особого внимания заслуживает проблема прилова молоди стерляди при проведении зимнего лова стационарными орудиями.

Половая зрелость у самцов стерляди наступает в 3–7 лет, у самок – в 5–12 лет. Длина тела их в это время 28–34 см. Вес самых крупных экземпляров не превышает 6 кг. Одноразмерных осетров и стерлядок можно отличить по боковым «жучкам». У стерляди их обычно больше 50, у осетра – 42–47. Кроме того, усики у стерляди бахромчатые.

Налим

Как говорится, лучше иметь налима в сетке, чем осетра – в мечтах. Обской налим, в отличие от иноречных собратьев (1–2 кг), телом дороден, максой (печенью) знаменит и желанен. 3–4-килограммовые рыбины – обычное дело, случается, и на десять кило улов вытягивает. В Нижней Оби

налим, спасаясь от заморов, ведёт полупроходной образ жизни. Из Обской губы он идёт весной вместе с сиговыми рыбами. К началу июля подъём налима заканчивается. Молодь до трёх лет обитает в Обской губе и в вонзевом ходе не участвует. В сорах поймы налим заходит

только в ранний период их разлива. С прогревом воды выше 12 градусов С° он становится малоактивным и до осени отстаивается в русле Оби и проток. С осенним охлаждением воды половозрелые налимы поднимаются в верховья уральских притоков Оби и в Верхнюю Обь, где нерестятся в январе-феврале. Плодовитость очень высокая – 1–5 млн. икринок.

Икра у налима мелкая, обладает высокой плавучестью. С увеличением уровня и скорости течения воды весной начинается снос икры с нерестилищ и вылупление личинок, длина которых составляет всего 3–4 мм. Молодь скатывается вместе с личинками сиговых и распространяется для нагула в сорах поймы Оби. Мальки начинают выходить из соров задолго до их обсыхания, уже в начале июля, и скатываются в низовья Оби. В августе наблюдается заход сеголеток в Сось и Лонготъеган на зимовку, но основные места зимовки молоди находятся в Обской губе.

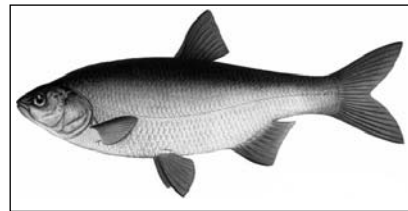
Берут налима «на ходу» – весной, осенью и зимой, когда он совершает миграции. У местных жителей налим в почёте и предпочтении. Уху из свежего налима с максой даже без размышлений предпочтут любой другой. Тут даже сиговые «отдыхают».

Среди карповых рыб наибольший интерес для промысловиков представляют язь, елец (чебак) и плотва, окрещённая на Средней Оби «мохтиком». Особенно многочисленны они в водоемах Ханты-Мансийского округа.

Язь

Самый крупный представитель карповых в Обском бассейне. Встречаются четырёхкилограммовые особи 60-сантиметровой длины. Экстаза у рыбаков не вызывают, но хорошей радостью радуют. Объём вылова язя в Средней Оби составляет около 15 процентов от общего объёма рыбодобычи.

По характеру размножения различают две экологические группы язя и ельца. Одни нерестятся в небольших речках на песчаногалечном грунте, другие – в сорах, на затопленной тра-

вянистой и кустарниковой растительности. Общая численность язя, плотвы и ельца определяется прежде всего водностью поймы Оби. Поскольку особей, размножающихся в сорах поймы, гораздо больше, чем размножающихся в реках. В многоводные годы увеличивается площадь, пригодная для размножения, и у икры становится больше шансов выжить. Язь, елец и плотва совершают большие миграции, связанные с размножением, нагулом и зимовками. Во многом срок и направление миграций определяются влиянием заморных явлений.

В отличие от сиговых, у личинок карповых в бассейне Оби нет ясно выраженной покатной миграции – пассивного ската по течению. Как только сора обсохнут, подросшая молодь сама «разбредается» по Оби и её протокам. Зимой карповые спасаются от замора в верховьях таежных притоков Оби. Весной скатываются в пойменные водоёмы для нагула и нереста. Нужно знать и помнить, что в Обском бассейне язь, елец и плотва – носители описторхоза.

Карась

К озёрам Западно-Сибирской низменности давным-давно протоптаны тропки-дорожки рыбаков-гурманов. В них жирует шикарный несравненный жарёха – золотой и серебряный караси. Они облюбовывают себе мелководные заморные

озёра, в которые из-за дефицита кислорода другие виды рыб заходят только на период нереста и летнего нагула. Продуктивность популяций карасей довольно высока и может достигать 40 кг/га. Замечено, что караси севера Западной Сибири значительно крупнее карасей южных районов. Видно, и рыба умеет находить – где лучше.

Нерестятся караси в июне при температуре воды около 14 градусов С°. Самцы серебряного карася к своим супружеским обязанностям относятся индифферентно: их или вовсе нет на процедуре, или же для отвода глаз там дежурит несмелая стайка карликовых особей. Зато самцы золотого карася – уже тут как тут. Ну и другие карповые тоже не прочь огулять бесхозную икру. При этом получается гиногенетическое потомство, то есть, практически – одни самки.

Гольян и пескарь

Из карповых рыб на севере Западной Сибири обитают ещё озёрный и речной гольяны, пескари. Гольяны – мелкие (до 10 см) рыбёшки. Речной гольян встречается в притоках Оби, Таза и Пура, особенно много его в верховьях уральских рек. Озёрный гольян распространён как в таёжных, так и в тундровых озёрах. В некоторых озёрах кроме него вообще никакой другой рыбы нет. Пескарь встречается во многих реках и озёрах, но в Ямало-Ненецком округе редок, промыслового значения не имеет. Не удивляйтесь 15–17 сантиметровым особям – бывает.

Завершая разговор о карповых, стоит упомянуть и об акклиматизированном в Обском бассейне **сазане** – редко, но радующего любителей рыбного ассорти.

Судак и лещ

Сравнительно недавно в низовьях Оби появились судак и лещ, акклиматизиро-

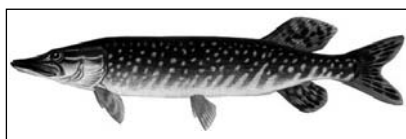
ванные в обских верховьях в середине прошлого века. Судак здесь так и не удалось овладеть искусством человеческих мигрантов – осев, мгновенно размножиться в неимоверных количествах. Появление судака в улове обязательно потащит вверх брови удивлённого редким гостем рыбака.

Лещ же не только освоился, но и стремительно идёт обживать северные широты. А в последние годы часто встречается в пойме Малой и Большой Оби, даже в Обской губе. В 2004 году лещ впервые был изловлен в реке Таз. Северная граница размножения леща в нижней Оби проходит на широте устья реки Сыни.

Сиговые рыбы, составляющие основу промысла в округе, водятся в основном в речных системах. А вот щука, окунь и ёрш обитают практически повсеместно, исключая бессточные заморные озёра и водоёмы севера тундровой зоны.

Щука

Типичный засадный хищник. Особое строение тела, сдвинутые к хвосту плавники помогают ей стремительно атаковать добычу. Полосато-пятнистый окрас хорошо скрывает щуку в подводных зарослях. Максимальный вес хищника

достигает 65 кг, а возраст – 30 лет. Однако в обыденности старше 10 лет щуку не часто встретишь. В озёрах щуки мельче, чем в реках. Половозрелыми они становятся в возрасте 2–4 лет. Нерест происходит весной при температуре воды 3–4 градуса С°. Как только вода начинает заполнять соры, в них сразу же заходит щука. На реках в это время ещё стоит лёд. Достигнув длины тела 20–25 мм, щурята начи-

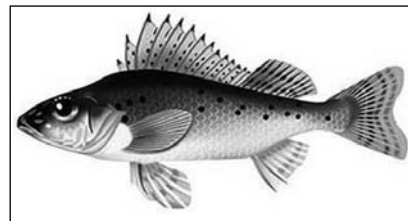
нают хищничать, питаясь не только зоопланктоном, но и личинками карповых и сиговых рыб. От зимнего замора в Оби щуки спасаются в притоках и на «живунах». Основные объекты питания – ёрш, окунь, плотва, елец, сиговые рыбы. Но и съест друг друга у щук – обычное дело.

Окунь

Образует две формы – медленнорастущую и быстрорастущую. Кроме того, у окуней выделяются два экотипа – озёрный и озёрно-речной. Окунь обладает очень высокой экологической пластичностью и способен жить в самых разных водоёмах. До 3–4 лет, а в некоторых озёрах – до 5–8 лет окунь питается беспозвоночными, но в более старшем возрасте переходит на хищничество, питаясь только рыбой – ершом, молодью плотвы. При случае и своего брата-окуня заглотит, не поморщится. Нерестится в водоёмах со стоячей водой, икру откладывает на растения. В озёрах с кислой реакцией среды (рН=4,0) окунь – единственный представитель ихтиофауны.

Ёрш

В любом северном водоёме можно обнаружить сей символ дерзости и колючести. А уж в Оби ерша – пруд пруди. Половой зрелости он достигает в возрасте 2–3 лет при весе тела 40–60 г. Вообще ёрш – мелкая рыба, как гово-

рят, «голова, хвост и колючки». Но в Оби нередки экземпляры весом 200 г и более. К численности ерша отношение противоречивое. Если его много, он объедает ценных рыб. Губа у колючего не дура,

зимой он с удовольствием лакомится икрой сиговых на нерестилищах. И в отличие от таможенника Верецагина, ёрш готов пихать в себя лакомые пузырьки в бесчисленном множестве. С другой стороны, и сам ёрш – излюбленное блюдо налима и щуки. А уж эти хищники своего не упустят.

Колюшка

В озёрах и реках Ямала и Гыданского полуострова водится девятииглая колюшка – рыбка, примечательная тем, что в период размножения самцы строят гнездо и охраняют развивающуюся икру. Длина тела колюшки составляет не более 5–6 см.

Название «девятииглая» дано ей за то, что перед спинным плавником находится чаще всего девять (от 7 до 12) небольших шипов. Брюшные плавники тоже превращены в шипы. Живёт колюшка преимущественно в пресных озёрах, в том числе и в мелких тундровых, но может встречаться и в солоноватых водах Обской губы. В последние годы колюшка проникла в притоки нижней Оби, например в Сосьву.

Усатый голец

Единственный представитель семейства выюновых в северных реках Западной Сибири. Форма тела – типичная для обитателя быстротекучих вод – вальковатая. На теле очень мелкая чешуя и много слизи, поэтому гольца трудно удержать в руке. Отличительная особенность строения усатого гольца – высокий хвостовой стебель, хвостовой плавник со

слабой выемкой. Усатый голец держится под камнями, корягами, ведет малоподвижный образ жизни.

В 90-х годах прошлого века ихтиофауна Обского бассейна претерпела заметные структурные изменения. Осетровых и сиговых существенно поубавилось, зато поднялась популяция карповых. Из сиговых наиболее быстрыми темпами снижают численность крупные виды – муксун и чир. Влияет на эти процессы в первую очередь, конечно, перепромысел, а также – загрязнения (нефть, технические и бытовые стоки), разрушение среды обитания.

Наступил «сиговый» кризис – однако вместо разработки адекватных мер по охране нерестовых стад, мест нереста и зимовок и ограничению промысла поддерживались и поддерживаются программы по искусственному выращиванию молоди без какого либо механизма контроля результата.

Для сохранения популяций сиговых рыб в промысловых количествах необходимо увеличивать масштабы искусственного воспроизводства и усиливать охрану нерестовых рек. К сожалению, на территории ЯНАО так и не заработал завод по производству икры сиговых с целью развития рыбного хозяйства. Но на воспроизводство сиговых Оби идёт только четверть собранной икры. А остальное? Часть используют для разведения рыбы в заводских питомниках. Часть – продаётся. Китайцы закупают икру сиговых с большой охотой и в столь же больших количествах. Необходимо сократить или даже полностью исключить использование икры речных сигов для рыбовод-

ства, так как прежде всего следует сосредоточить усилия на восстановлении нормальной численности сиговых рыб в Оби.

С большой долей вероятности можно прогнозировать, что структура ихтиофауны на Полярном и Приполярном Урале в ближайшее десятилетие существенно изменится. Поймать нельму и чира будет большим сюрпризом даже для опытных рыбаков. А пелядь (всенародно любимый сырок!) вообще останется в приятно-горьких воспоминаниях. Сиг-пыжьян да ряпушка – вот и все рыбацкие радости сиговых уловов. Если будет достаточно много воды, у тугуна есть шанс сохранить свой статус в Северной Сосьве. Тайменю, увы, тоже нет оснований ждать праздника на своей улице. Ну а уж карповые и окунёвые рыбы наверняка прочно войдут и в статистику уловов, и в рацион питания местных жителей.

Для предотвращения конфликтных ситуаций, связанных со снижением численности ценных видов рыб, необходима корректная оценка состояния рыбных ресурсов, адекватная оценка угроз, обоснованная дифференциация территорий по типам природопользования, организация мониторинга состояния и динамики водных экосистем.

В кратком очерке трудно описать всех рыб, обитающих в водоёмах Обского бассейна. Более подробно мы остановились на образе жизни тех видов, которые составляют рыбное богатство Западной Сибири. Пока ещё – богатство. Сможем ли мы его сохранить?!

Автор – директор Института экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук.

г. ЕКАТЕРИНБУРГ

Однажды в приветившем меня уютном пивном мальчишнике всяковозрастные дяди одухотворились до отчаянного спора – какая рыба лучше. Дело было в Ханты-Мансийске. За столом собрались и солидные, с положением люди, и мужики попроще, не очарованные собственным должностным статусом. Были и местные, и приезжие. И не удивляйтесь, если кому-то покажется странным, что в столице нефтегазового края России любимая тема разговора – вовсе не о сырьевых закромах родины – о рыбе.

Обская рыба привязывает к себе пуще любовной страсти, пуще материального манка, пуще карьерных и социальных синекур. Здесь в рыбе разбираются почти все, так же, как в футболе, медицине и воспитании детей.

– Муксун! – лучшей рыбы в Оби нет! – громогласно заявил самый горячий участник застолья и сделал затяжной глоток из фирменной пивной кружки, одновременно «стреляя» по сторонам глазами в ожидании возражений.

Возражений не было. Вообще спор об обской рыбе обычно отличается от других, в которых выясняются приоритеты. Никто не хает никакую рыбу. Ни у кого язык не повернётся сказать,

Я
З
В

Леонид БАБАНИН

например, что муксун хуже стерлядки или осетра. А щука – хуже налима. Нет. Говорят о любимой рыбе в превосходных степенях, ничуть не умаляя достоинств других пород.

– Как сказать... – с усилием доглотнув набранное в рот пиво, тут же вступил в разговор другой знаток. – Нельма! Вот изюминка нашего северного края, – и, усилив густоту голоса, добавил: – Чем нельма крупнее, тем она вкуснее.

Пива было много. Тема разговора способствовала обильному слюновыделению. Оттого и вспыхивал, разгорался он, будто всполохи северного сияния – ярко, красочно, внезапно.

– Да ладно вам, – сплёвывая с верхней губы чешуйку от рыбы, заявился в обсуждение мой приятель Витёк, – да была бы у меня на столе каждый день стерлядка, я про другую рыбу и не вспомнил бы! – Глаза его приняли мечтательное выражение, дальше он излагал уже не реплику, а будто бы пересказывал сюжет любимой живописной картины:

– На тарелочке – мороженная стерлядочка, нарезанная аккуратными пяточками, чёрным перчиком посыпанная, кинзой и петрушкой переложенная. Наливаешь стопарик, хлоп! – и тут же

этот пятачок – в рот. И так она, стерлядочка, во рту тает, что как только на языке ничего не остаётся, ты уже ничего не можешь с собой поделать – умри, но второй пятачок вслед первому положи. А водочка, та уже без спросу в свой черёд летит, она порядок знает...

– Да вы, братцы, что, с ума посходили? – это Михаил, не привыкший долго копить в себе эмоции, решил, что козырный туз в этом споре – у него на руках. – Вся эта рыба хороша, спору нет. Но ведь так может рассуждать только человек, который сроду не пробовал сосьвинской селёдки! Говорят, ещё Пётр Первый, когда ему её поднесли, изрёк: «Сия рыба истинно царское яство». А уж про то, что и Сталин её обожал, да и Черчилля к ней пристрастил – в наших краях любой школьник знает. Наши государи-генсекретари тоже требовали, чтоб на столе сосьвинская селёдочка лежала. У этих-то людей губа – не дура. Они ведь что угодно заказать могут. Значит, выбирают лучшее. Вот и выходит, что лучше нет рыбы. Но вкус её очень легко испортить. Специями разными, консервантами. В заводской жестяной банке – совсем другая рыба. А истинный вкус селёдки пробовали, поди, это когда она два-три часа пересыпанная солью полежит (глаз побелел – верный знак, что готова), ополоснуть её холодной водицей и – ешь. Однажды, не поверите, за присест целое ведёрко умял. Живот полный, ничего не лезет, а оторваться не могу – ел бы и ел.

– Мужики, мужики, погодите, – требовательной скороговоркой осадил гурманов Колька-рыбинспектор, – вы, прежде чем дифирамбы петь, сначала прикиньте, вспомните – какая вообще в Оби рыба водится, а потом уже говорите. Вы про осетра-то, что, только в книжках читали?! Вот царь-рыба, так

уж царь-рыба! Из него и строганина лучшая, и малосол – наивкуснейший, а уха из башки? А вязига? А икра? Мужики, это ж с хорошей рыбины ведро чёрной икры собрать можно.

Кстати, совсем не простая ведь рыба, осётр-то. Она и в сказках местных, и в легендах обязательно появляется. Вы, например, знаете, что возле головы, там, где передний плавник, у неё есть мясо, ну – чисто лосятина. По преданию, в старину осётр и лось очень сильно дружили. Так сильно, что однажды решили подарить друг другу по кусочку своего тела. Кто пробовал лосиные ноздри, чувствовал, думаю, чувствовал какой-то необычный вкус. Вот-вот, это осетрина там. Предлагаю выпить за осетра – обского царя.

Сразу вступать в спор с Колькой никто не решился. То ли аргументов уже не осталось, то ли понимали – переспорить рыбинспектора – себе дороже. Пивные кружки на мели не сидели, рыбные гурманы вдумчиво пропитывались янтарным напитком. Мысли в голове возникали со щадящей скоростью, не обременяя unnecessarily спешного рассуждения. Спор не канул, лишь слегка унялся, подспудно набираясь весомыми аргументами и неоспоримыми доказательствами.

Как и все в нашей компании, я любил и нельму, и муксуна, и осетра, и сосьвинскую селёдочку, конечно. Однако томила меня смутная догадка, что последнее слово в этой гастрономической полемике ещё висит где-то

под потолком, готовое вот-вот сорваться на наши хмельные головы неожиданным озарением.

– Ё-моё! – хлопнул я себя ладонью по лбу. – У меня же в багажнике родной «семёрочки» призаныкан громаднейший язь, солёный в колодочку.

– Мужики, как насчёт язя солёного? К пивку-то?

– Ты что, Лёха, с ума сошёл чо ли? – попытался остудить меня Колян, – пада-лю-то уж не питаемся, слава богу, благородной рыбы хватает.

– Ага, описторхоза нам тут ещё не хватало до кучи, – пьяно фыркнул Михаил.

– Да вы что?! Какие описторхозы? Я их сам ловлю перед рекоставом и солю по своему рецепту. Так что никаких описторхозов, вкусная жирная рыба. Ещё заказывать мне будете.

Мужики-то, кто меня знал, на всякий случай промолчали. Им не нужно было доказывать мой рыбацкий статус. Пробовали и ушницу мою, и малосол, и «колодочку». А самое главное, в отличие от всех спорщиков, я не слова-

ми собирался убеждать – рыбой. Поэтому, сопровождаемый тишиной ожидания, я спешно выскочил за дверь и пошagal к припаркованной во дворе машине.

Язь я солю поздней осенью, когда река, тужась, тащит на себе тяжёлые льдины, уже как бы примеряя ледяное одеяние. Язь в это время нагулянный, жирный, с чистыми потрошками. Хотя, справедливости ради, нужно сказать, что язь, в отличие от остальных обских рыб, не теряет жира практически весь год. Но вот этот, добытый поздней осенью, можно принять за эталон язя. Солю я свой улов в огромном эмалированном баке. В него входит что-то около пяти десятков полутора-двухкилограммовых язей.

Укладываю их, не потроша, присыпая каждого столовой ложкой соли. Ряд рыбы, рядок соли. Сверху прикладываю дощечку, на которую кладу груз килограмма на два, не больше. Это чтобы рыба в тузлуке не всплывала. Дней через пять язи дают сок. И так до конца ноября они у меня солятся. В декабре достаю их, обмываю от соли и раскладываю в сарайке. Одного беру сразу с собой в дом и тут же нарезаю ломтями. Он очень жирный. Пока режу, на доске набегают приличная янтарная лужица жира. Соль едва чувствуется. Ну будто только что пойманную рыбу пробуешь. А через

месяц она уже будет солонватее. Хотя, казалось бы, от соли мы язя промыли, от чего ему ещё присаливаться? Больше того, к концу января, скажем, соль уже очень сильно будет чувствоваться. Ну а если язёк до марта долежит, соли в нём будет, что в солонке. Вот такая особенная рыба – язь.

Ещё в детстве я заметил, что язь на домашнем столе оказывался чаще остальных рыб. Наверное, потому, что в реке он ловится практически круглый год. Ну и не только поэтому, конечно. Язь хорош и в ухе, и солёный в «колодку», а жареный язь – невозможно вкусен и сытен, как, впрочем, и запечённый в духовке.

Однажды мы с моим приятелем готовили какое-то блюдо из язя, и он, нахваливая его, утверждал, что эту рыбу невозможно испортить: хоть что с ней делай, она всё равно будет вкусная. Я сначала согласился, но потом возразил. Можно испортить. Если, например, при засолке угнетают рыбу слишком тяжёлым грузом. Даже существует такое понятие – «язь давленный». Рыба после такой засолки получается сухая, волокнистая и безвкусная, потому что от тяжёлого гнёта из неё уходит сок. А привычка сохранить тяжёлым гнётом сохранилась с тех пор, когда холодильников не было и рыба могла в процессе

засолки испортиться и начать вздуваться.

Тот экземпляр, которого я, предвкушая сюрпризный эффект, нёс подмышкой в дом, будто бы специально «заначился» в багажнике для такого случая. Больше двух килограмм весу, блестящая серебристая чешуя – красавец. И я был абсолютно уверен в его превосходных вкусовых достоинствах.

– Во! – Выложил я на стол свой аргумент в прерванном на время моего отсутствия споре. Взял нож. А... резать даже жалко, так он хорошо смотрелся. Однако – не до сантиментов. С усилием врезался в жёсткую спинку и разрезал рыбину на две части. Взоры примолкнувшей публики потянулись к открывшемуся виду. Янтарного цвета мясо, икра, много икры, пятьдесят на пятьдесят с мясом, да ещё много белого жира.

– Ух ты! – восхищённо протянул Михаил, – жирный, как поросёнок!

– А то! – горделиво кивнул я головой, удовлетворённый произведённым впечатлением. И принялся нарезать рыбу тонкими кусками. Укладывал их горкой, придерживая пальцами вываливающуюся из брюшины персикового цвета икру. Резкий дразнящий запах наполнил комнату. Мужики дружно сделали по жадному глотку пива, отставили кружки и начали расхватывать сочащиеся жиром куски. Ели, сопя, молча и сосредоточенно. Подбородки у всех лоснились от жира. В глазах бродило то полубезумное выражение, которое отличает человека, отрешившегося от всех прелестей жизни, поскольку наиглавнейшую из прелестей он уже крепко держал зубами.

Я медленно оглядел компанию рыбных гурманов и понял: «Споры нет!»

пос. БЕРЁЗОВО,
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра

Вячеслав ОГРЫЗКО

ПОДБИТЫЙ НА ВЗЛЁТЕ: ЮРИЙ АНКО

Жизнь Юрия Анко, первого эскимосского поэта и лётчика, прозванного друзьями эскимосским Сент-Экзюпери, – сплошные виражи. Он появился на свет 23 мая 1930 года в крохотном селении Нутепельмен, но почему-то всегда во всех документах указывал местом рождения посёлок Уназик. Его отец Анкак (брат матери знаменитых эскимосских подвижниц – Ухсимы и Айнаны) в молодости занимался морзверобойным промыслом, благо муж сестры – Атата – имел собственный вельбот. Но потом родственники, похоже, что-то не поделили, и часть охотников из бригады Ататы потянулась на малую родину, поближе к Колючинской губе, в Нутепельмен. Чукчи почему-то переводили название этого селения как «земля во мгле». Но зверобой никакой мглы в Нутепельмене не видел. Из чаплинских эскимосов происходила и мать будущего поэта – Екатерина Владимовна Пельмина (в другой транскрипции Пыльмина).

Первоначальное образование Анко получил в Нутэпельменской начальной школе. Но в 1939 году родители решили переехать в Анадырь, где им пообещали работу на рыббазе № 2. Увы, на новом месте семья Анко стала часто испытывать материальные трудности. Поэтому

парнишке очень рано пришлось искать подработку. В тринадцать лет его приняли учеником слесаря на местный рыбзавод.

У родителей Анко в это время, судя по всему, произошёл разлад. Его отец на новом месте не прижился, он потянулся поближе к малой

родине, стал шофёром в экспедиции посёлка «Олово» и крутил баранку вплоть до самой смерти, которая случилась в 1945 году. А мать Анко позже переехала в Провидения, где её взяли в местный промкомбинат.

Сам Анко до слесаря так и не дорос. У власти оказались на него другие виды. Когда ему исполнилось шестнадцать лет, парнишку взяли на работу в Анадырский райком комсомола. Через год он получил повышение, став заведующим пионерским отделом. Параллельно ему разрешили заочно учиться в Анадырском педагогическом училище. А в 1948 году его отправили уже на факультет народов Севера в Ленинградский педагогический институт имени А.И. Герцена.

Позже его однокурсник Григорий Ходжер рассказывал участникам I-й Всероссийской конференции писателей Севера: «Мне сразу вспомнился 1949 год, Ленинград, Институт Герцена, и наше тесное общежитие на берегу Мойки. Пассар ходил по коридору общежития, рифмуя стихи. Я, спрятавшись в пустой аудитории, писал повесть. Мы занимались любимыми делами. У Юрия Анко тоже было любимое дело, он в это время пропадавал в спортзалах, занимался всеми видами спорта. Он где-то раздобыл, кажется, лом, какие-то тяжёлые колё-

са и, связав всё вместе, каждое утро гремел ими в коридоре. Юрий тренировался, закалялся. Он готовился стать лётчиком реактивной авиации».

Юрию Анко действительно в институте было скучно. Куда интереснее ему оказалось заниматься в аэроклубе. В конечном счёте он ушёл из института и в 1950 году поступил в Балашовское военно-лётное училище, которое готовило лётчиков-бомбардировщиков для дальней авиации.

Анадырский журналист Леонид Аноп разыскал документы того времени. В одной из характеристик на курсанта Анко отмечалось: «В полёте спокоен, усталости не наблюдается. В усложнённой обстановке решение принимает правильно и быстро... Вывод: достоин выпуска из училища с присвоением первичного воинского звания лейтенанта».

После училища Анко попал на годичную стажировку в Северное территориальное управление ГВФ. У командиров к технике пилотирования Юрием Анко самолётов никаких претензий не было. Проблема заключалась в другом. Парня всё чаще стало тянуть к выпивке. Тем не менее начальство, закрыв глаза на слабости Анко, летом 1953 года отправило его в Рязанскую военную авиа-

школу на курсы командиров Ли-2, базировавшуюся в Рязске. Но он уже через несколько месяцев сорвался. В итоге в авиашколе прошёл суд чести, и 8 февраля 1954 года Юрия Анко из армии уволили.

К этому времени он уже год как был женат на Прасковье Русиной, которая в Провидения родила ему сына Сергея. Но семья тоже стала уставать от его пьяных дебошей.

Вернувшись на Чукотку, Анко какое-то время работал в бухте Провидения помощником капитана зверобойного судна. А потом – очередной вираж. В 1955 году родные убедили его продолжить учёбу в Анадырском педагогическом училище.

Именно в педучилище Анко впервые задумался о многозвучии и красоте эскимосского слова. Но тут он столкнулся с другой проблемой: нехваткой книг для чтения на родном языке. Как вспоминал его преподаватель Анатолий Каватъе, в ту пору Анко готов был вместе с другими студентами (прежде всего с Владимиром Насаликом, Еленой Аяка и Майей Умканаун) включиться в работу по созданию новых эскимосских учебников. Он не случайно тогда увлёкся поэзией.

Первые свои стихи Анко поместил в студенческом рукописном журнале «Юность». Их заметил поэт Валентин Португалов. Он предложил эскимосскому автору включиться в подготовку к VI Всемирному фестивалю молодёжи и студентов. Как потом сообщал магаданский фольклорист В. Лыткин, Анко в преддверии фестиваля сочинил песню «Чаплинские девушки», «использовав для неё в переработанном виде старую танцевальную мелодию «Весёлые вороны» чаплинского эскимоса Пуима. Со-поставляя мелодию этого танца с мелодией песни «Чаплинские девушки», убеждаешься,

что Юрий Анко внёс в мелодию Пуима существенные изменения (дробление звуков большой длительности на более мелкие, развитие диапазона попевок в шестом, десятом и четырнадцатом тактах). В результате ангемитонный тетрахорд, в котором была построена мелодия танца «Весёлые вороны», трансформировался в гексахорд, с восходящим и нисходящим вводными тонами. Оба вводных тона образовались поступенным движением мелодии вниз на большую секунду от нижнего звука доминантовой ладовой ячейки и на большую секунду вниз от тоники. Полученный таким путём минорный лад имеет пониженную вторую ступень («фригийская секунда»), появление которой вполне естественно и логично. Достаточно сравнить мотив десятого такта с мотивом четырнадцатого, чтобы убедиться, что второй мотив имеет аналогичное первому ритмическое и звуковысотное строение, но начинается на тон ниже первого и претерпевает интервальное сжатие, попадая в нисходящем движении с нового звука второй ступени в звук тоники. В новом ладу стала новой и каденция: вместо хода от третьей ступени на малую терцию вниз, в тонику, — происходит опевание тоники вводными тонами» (В. Лыткин. Новая жизнь — новые песни. Магадан, 1970).

После окончания в 1958 году Анадырского педучилища Анко был направлен учителем начальных классов в посёлок Снежное. Там жили в основном оленные чукчи. Он, потомок морских зверобоев, растерялся. У оленных чукчей были свой язык и своя культура. Анко оказалось сложным вписаться в новый мир. Поэтому он школу очень скоро оставил и решил вернуться в авиацию. Старые друзья помогли ему устроиться на курсы по переучиванию на самолёте Ан-2.

И уже перед самым новым, 1959 годом его наконец зачислили вторым пилотом в Анадырский авиаотряд.

Один из первых рейсов Анко совершил в посёлок Лаврентия. На борту оказалась красивая девушка — студентка Анадырского медицинского училища Нина Амирак. Второй пилот тут же без памяти влюбился. Случайная пассажирка вскоре родила от него дочь, которую в честь покойной Юриной сестры назвали Тоней (Тоня Амирак впоследствии окончила Магаданское музыкальное училище, но комиссия её почему-то распределила не в родное Лаврентия, а к эвенкам в Омолон).

В 1959 году у Анко наконец вышла в переводе Валентина Португалова первая книга стихов «Малыши». Но его жизнь уже катилась под откос. Бывший опекун его гражданской жены — секретарь Чукотского райкома партии Каля — наотрез запретил Нине Амирак переехать с Анко из Лаврентия в посёлок Шахтёрский. Он боялся, что зять уйдёт в запой. Каля поставил условие: пока внучка не подрастёт, Нина вместе с малышкой останутся в Лаврентия. Анко этого ультиматума не ожидал и сорвался.

Первый выговор за прогулы, случившиеся на пьяной почве, ему объявили 16 апреля 1959 года. Окончательно

же терпение начальства лопнуло сразу после празднования нового, 1960 года. Командир авиаэскадрильи Вакуленко вынужден был подписать резко отрицательную характеристику. Он утверждал, будто Анко «лётную работу не любит. Были случаи невыхода на работу из-за употребления спиртных напитков, за что имеет ряд взысканий <...> По характеру вспыльчив. Критику воспринимает болезненно и не всегда устраняет свои недостатки». Кадровики, получив такую аттестацию, начали готовить документы к отчислению Анко из авиаотряда. Но поэт не стал дожидаться приказа. 19 мая 1960 года он по возвращении из Лаврентия в Шахтёрский застрелился.

Организацией похорон Анко занялась его двоюродная сестра Людмила Аймана. Но пока она собирала в конторах различные бумаги, мать поэта от отчаяния решила все бумаги сына сжечь. Аймана успела спасти от огня лишь тетрадь с баснями и несколько отдельных листов. Позже кое-какие рукописи Анко на эскимосском языке отыскивались в Москве у вдовы Валентина Португалова. Из этих материалов уже в 1984 году магаданские издатели составили посмертный сборник поэта «Всегда в полёте».

Вячеслав ОГРЫЗКО

РЕКВИЕМ НАУКАНУ: ЗОЯ НЕНЛЮМКИНА

Зоя Ненлюмкина почему-то всегда нашим властям внушала лишь один страх. Помню, в сентябре 1986 года я прилетел в бухту Провидения и в первый же вечер пришёл к поэтессе за стихами. О, сколько необычных вещей я тогда услышал от Зои. Никто до этого мне столь интересно не рассказывал, например, о драматической истории эскимосского селения Наукан. А на следующее утро меня уже ждали в местном районе партии. Партийные чиновники заранее заготовили для меня свою программу встреч. Беседа с Ненлюмкиной в ней не значилась. Почему? Так она не совсем адекватная, — ответили мне райкомовцы. — Но ведь Ненлюмкина пишет замечательные стихи, — заметил я. — Ну и что? Райкому не нравится, как она себя ведёт. Вот так: какая-то приезжая бабёнка, кем-то посаженная в райкомовское кресло, попыталась мне диктовать, с кем можно встречаться, а кого видеть нельзя.

Спустя два года история отчасти повторилась, но уже не в Провидения, а в Магадане. На моих глазах заведующий сектором печат-

ти обкома КПСС некто Тимаков потребовал от руководителя областной писательской организации Анатолия Пчёлкина срочно куда-нибудь Ненлюмкину на пару недель убрать. В Провидения со дня на день должен был прилететь самолёт с аляскинскими эскимосами. В советских и американских газетах уже сообщили, что вот-вот рухнет один из последних железных занавесов, который почти сорок лет разделял народы Севера двух стран. И магаданские партийные функционеры испугались, что Ненлюмкина, ставшая символом эскимосов всего мира, могла американским гостям рассказать что-то не то. Магаданским писателям очень не хотелось встречать во всю эту историю. Но Тимаков не отступал. И тогда Пчёлкин придумал ход, сказал, что срочно вызовет Ненлюмкину в Магадан для участия в литературном семинаре, а потом задержит её на неделю для лечения зубов. Правда, Ненлюмкина, когда узнала всю правду, на Пчёлкина смертельно обиделась. Ведь она так хотела пообщаться со своими аляскинскими соплеменниками.

Зоя Николаевна Ненлюмкина родилась 17 января 1950 года в эскимосском селении Наукан. Фамилия ей досталась от родственников отца. Их род – Имтүгмит – с давних времён считался хозяином Наукана. Это ещё шаман настоял на том, чтоб Зоин дедушка получил имя Нынлю. В переводе на русский язык оно означало землянку. Видимо, шаман хотел подчеркнуть тесную связь древнего племени морских зверобоев с землёй. Потом, когда у Нынлю появились собственные дети, в их роду решили ещё больше усилить корневое начало. Не случайно Нынлю своему сыну дал имя Ненлюмкин, вероятно, пожелав ему иметь много землянок, а дочь назвал Ненлюмкун.

Внучка же Нынлю получила имя Акая. Как утверждала потом первая исследовательница творчества Ненлюмкиной – Алина Чадаева, «все знали, что это значит «пришедшая с того света» или «рождённая вторично»: новорождённая была слишком похожа на свою двоюродную бабушку, которую звали Акая и которая очень рано ушла к «верхним людям». Теперь следовало защитить ребёнка от злых духов – тунгак, и старая Кымлина приложила к тельцу девочки тонкое лезвие бритвы: так она хотела передать Акае разящую силу стали» (А. Чадаева. К югу от северного сияния. Хабаровск, 1982).

Однако потом удача, видимо, отвернулась от этой семьи. Во всяком случае, первый брак отца Ненлюмкиной оказался неудачным. Когда его дочери Зое исполнился всего год и восемь месяцев, мать малышки неожиданно тяжело заболела. Чтобы спасти молодую женщину, науканцы обратились за помощью на пограничную заставу. Больную срочно на вертолёте доставили в военный госпиталь в Провидения. Этот посёлок после Наукана, где зверобои ещё жили в ярангах, Зоиной матери показался сказочным городом. Поэтому после выписки она возвращаться в старую землянку наотрез отказалась. В общем, вскоре Зоины родители развелись. Отец отправился инструктором окружного комсомола в Анадырь, он потом нашёл себе другую женщину – уже чукчанку. Другие ухажёры появились и у её матери. И все заботы о девочке легли на плечи дедушки Тынэтэгина и бабушки Альпын.

Зоин дедушка по материнской линии в своё время был большим начальником: в войну он возглавлял Науканский сельсовет. Позже старик из-за своей малограмотности с высоким постом

расстался и вернулся к охоте. Но он прекрасно понимал, что никакого будущего у его рода без знаний быть уже не может. Вопрос заключался только в том, как эту простую истину донести до внучки? А тут в Наукан как-то привезли из Ленинграда много-много книг. Директор школы разрешил один мешок с подарками забрать Зоиному дедушке.

Зоя потом вспоминала, что когда бабушка открыла полог яранги, то не сдержалась и ахнула: столько много книг она ещё никогда не видела. Тут же старики позвали в гости Зоину тётю (она была старше их внучки на шесть лет и уже умела бегло читать и переводить). Та сразу из всей кипы схватила «Каштанку» Чехова и быстро пересказала содержание этой книги на эскимосском языке. Зоя сразу вспомнила свою мать. Но мать была где-то далеко. Поэтому именно в книге девочка попыталась найти замену. Она увидела в книге друга.

«Я ещё не научилась читать, – призналась Ненлюмкина мне в одну из наших встреч в 1986 году, – но зато полюбила шелестеть страницами. Перед тем как взять книгу в руки, я просила бабушку сменить мне запачканные нерпичьим жиром страницы. А потом дедушка как-то поинтересовался у меня: кем я хочу стать. Я, не раздумывая ответила: Юрием Рытхэу. Я ещё не знала, что существовало такое слово, как писатель, но очень любила брать в руки книгу «Люди нашего берега». От дедушки я узнала, что человек, который написал эту книгу, вырос в соседнем с Науканом селе Уэлен и звали его Рытхэу. Но если сосед смог на своём родном языке рассказать миру о жизни Севера, то почему мне нельзя было повторить его путь».

В 1958 году Зоя Ненлюмкина собиралась пойти в школу. Её первым учителем должен был стать Василий

Иванович Ёмрон, который пытался обучать своих учеников не на литературном эскимосском языке, а именно на науканском диалекте. Но именно в тот год родное село Ненлюмкиной власть объявила бесперспективным и большую часть зверобоев практически насильственно перевезли в чукотский посёлок Нунямо, где речь науканцев оказалась чуть ли не под запретом.

Уже в Нунямо Ненлюмкиной сказали, что теперь можно выбрать себе танец. Как она потом вспоминала, «девочки, мои одноклассницы, выбрали танец «Разделка кита». Он был прост и легко запомнился, но это мне и не нравилось. Я выбрала «Танец касаток», подаренный мне мудрой эскимосской Кымлиной. Позже её сын Асыколян официально объявил на массовых танцах, что теперь они дарят мне «Танец касаток» и в знак этого – после того, как я станцевала – положил свой бубен (саяк) с палочкой (мумык) на сцену. Танец был сложный, но дедушка одобрил мой выбор: «Касатки – это друзья людей, охотников. Охотники их не убивают. Касатки предупреждают о приближении непогоды, беды...». Так постепенно я входила в прекрасный мир эскимосского искусства» («Магаданский комсомолец», 1981, 21 ноября).

Когда Ненлюмкиной исполнилось одиннадцать лет, бабушка перевезла Зою из Нунямо в бухту Провидения. И там она узнала, что её мама живёт где-то совсем рядом. Зое так захотелось материнской ласки. Она ещё больше затосковала. И однажды эта её печаль вылилась в стихи.

Однако первые поэтические опыты оказались неудачными. Видимо, потому, что девочка думала по-эскимосски, а писать пыталась по-русски.

Свою ошибку Ненлюмкина поняла, когда услышала от бабушки поэтическую легенду про созвездие Млечный Путь, которое эскимосские зверо-

бои раньше называли созвездием «Бегущих молодых девушек». Надумав переложить легенду на русский язык, она обнаружила, что вся красота романтической истории о девушках-звездах вдруг куда-то исчезла и в её стихотворении от древнего эскимосского сказания осталась лишь голая схема.

Окончив в посёлке Провидения школу-интернат, Ненлюмкина в 1966 году поступила в Анадырское педагогическое училище. По времени её учёба в Анадыре совпала с началом возрожденных процессов. Национальная интеллигенция смогла убедить местные власти в необходимости обновления в Чукотском округе радиопередач на эскимосском языке. Но поскольку профессиональных журналистов со знанием языка в Анадыре не оказалось, окружной радиокomitee за помощью обратился к студентам педагогического училища. Так Ненлюмкина стала два раза в неделю вести пятнадцатиминутные радиопередачи.

Почти в каждую передачу Ненлюмкина обязательно включала свои переводы из русской поэзии. Особенно она любила Лермонтова. Оказавшись однажды в селении Ново-Чаплино, Ненлюмкина вдруг испытала необъяснимую тоску по бухте Провидения, где прошли её школьные годы и где жила любимая бабушка Альпын. В памяти возникли силуэты стоявших на рейде парусных яхт, которые в ночной тишине часто воспринимались стеклянными красивыми корабликами. Этому настроению эскимосской студентки лучше всего отвечал лермонтовский «Парус».

Свой перевод Ненлюмкина прочитала бабушке Альпын. Реакция была мгновенной. Изумлённая старушка только и смогла спросить у внучки, откуда ей известно такое красивое заклинание.

Одно время Ненлюмкина пыталась вести передачи на чужом для неё чаплинском диалекте, который учёные в 1930-е годы положили в основу формирования эскимосского литературного языка (сама Ненлюмкина – носительница науканского диалекта). Естественно, она допускала в произношении много ошибок. Но чаплинцы, когда приезжали в Анадырь, её всегда утешали: «Все знают, что ты науканская, поэтому никто к твоей речи не придирается, для нас главное, что эскимосский язык продолжает жить». (Кстати, в 1972 году Ненлюмкиной довелось в посёлке Ново-Чаплино обучать эскимосских ребят русскому языку.)

Но вот свои стихи Ненлюмкина ещё в училище стала писать только на науканском диалекте. Это не понравилось учёным и издателям. От поэтессы потребовали, чтобы она свои произведения перевела на чаплинский диалект. Доводы учёных были такие: все эскимосы ещё в 1958 году из Наукана были вывезены в другие селения, поэтому науканский диалект никто уже на Чукотке не понимал, он мёртв. Но как это можно объявить живым людям, что их язык умер?

Из-за частых споров с начальством Ненлюмкина долго не могла решить свои бытовые проблемы. Она после окончания Анадырского педучилища хотела вернуться в бухту Провидения. Но местные власти не дали ей ни постоянную работу по специальности, ни жильё. В Анадыре тоже бунтари не приветствовались. В общем, первую квартиру она получила лишь в середине 1970-х годов. Разве это было нормально?

Но Ненлюмкина не отчаивалась. Она продолжала жить поэзией. Алина Чадаева позже вспоминала: «Как-то я пришла к Зое в гости в её новую, ещё не обжитую квар-

*Журавли, говорит
 преданье,
тоже люди.
Когда весна отогреет
 Север
в своих тёплых ладонях,
они стремятся достичь
ту землю,
где впервые увидели жизнь.*

К тому времени перед Ненлюмкиной возникли новые проблемы. Первая была связана с переводом на русский язык. Ненлюмкиной долго не везло, ей никак не удавалось найти хорошего переводчика. Удача улыбнулась только в 1976 году. Она познакомилась тогда с Александром Черевченко, который почувствовал в Зоиных подстрочниках свой взгляд на мир. Представляя вскоре свои первые переводы на суд читателей, Черевченко писал: «Красота эскимосского языка в многозначности эмоциональных оттенков каждого слова. Многое зависит от того, кто, при каких обстоятельствах, с какой интонацией произносит это слово». Черевченко это удалось узнать. Не случайно в его переводах столь явно ощущалось дыхание Севера.

Анализируя первую книгу Ненлюмкиной «Птицы Наукана», критики отметили невнимание поэтессы к современности. Замечания носили, в общем-то, справедливый характер. Но почему-то никто не вспомнил о том, что Зое пришлось заполнять едва ли не самые первые страницы эскимосской письменной литературы. Если в русской литературе уже существовала своя классика, то в эскимосской её предстояло создавать. А что может войти в классику се-

Единственное, что вызывает возражение, – отказ переводчика Александра Черевченко от прозаического вступления, которое определяло эмоциональный настрой стихотворения и углубляло личностное начало. Возможно, Черевченко просто не хотел повторять перевод Станислава Дорохова, публиковавшийся впервые на страницах газеты «Советская Чукотка» (1976, 3/XII), и считал вправе предлагать собственное прочтение только поэтической части стихотворения. И действительно, переводы поэтической части, выполненные Черевченко и Дороховым,

сильно разнятся. Перевод Черевченко отличается ритмом, образностью. Дорохов же не всегда свободен от штампов и риторики. Но вот, переводя прозаическое вступление, Дорохов точно понял мысли и чувства эскимосской поэтессы и верно

предан земле, своему народу и если у человека дело и Родина всегда первые в его сердце!»

Для первой книги Ненлюмкиной были характерны традиционные темы и мотивы. Она писала о том, как жили эскимосы до револю-

но в более доступные для человека места. Но для Ненлюмкиной Наукан продолжает жить. «Просторами морей, прибрежных скал величием он в памяти моей и в постоянстве птичьим...» А иначе быть не может. Там прошло её детство. Там исто-

уловил мелодику её речи. Не зря именно эта часть из стихотворения «Человек и земля» публиковалась в «Комсомольской правде» (1977, 13/XI). Ненлюмкина утверждала: «Моя страна, мой край, моя Родина, моя земля, моё село... Для всех этих святых и дорогих нам понятий есть в эскимосском языке ёмкое и выразительное слово – НУНАКА. Для эскимоса в этом слове всё: и необъятный земной простор, и любовь к затерявшемуся в этом просторе крохотному местечку – родному селу. Я произношу сейчас это слово – НУНАКА – и невольно добавляю к нему другое – ЮК-ЧЕЛОВЕК. Два этих слова неразрывны в нашем сознании. И мудрые старики эскимосы из поколения в поколение учили молодых, что человек только тогда правильно живёт, когда он

ции и что изменилось у зверобоев после Октября, знакомила с обычаями земляков, рассказывала о культурных традициях северян. Большое место в её стихах занимали описания северной природы. Темы, что и говорить, не новые. Но Ненлюмкина сумела придать им свой поворот. Скажем, в стихотворении «Старая сказка» поэтесса употребила тайный словарь эскимосов. Оно построено от лица чёрта, однако которого никто не называет по имени. Форма избрана в чём-то игровая, но чётко отражающая безрадостные картины прошлого. А главное – поэтессой точно подмечен высокий дух зверобоев, их оптимизм, вера в жизнь.

Но, пожалуй, самые сильные стихи в сборнике посвящены Наукану. Этого селения нет уже на современных картах. Оно давно перенесе-

ки её характера, поэтической натуры.

– Знаешь, – говорит Зоя в своей уютной провиденской квартире, с грустью глядя из окна на стоящие возле причалов бухты корабли, – там всё дышало поэзией. Повсюду – над морем, скалами – витал дух творчества. В селении трудно было найти человека, который не умел бы танцевать. Но танцы были не самоцелью. Пока шла, скажем, охота, никто и не думал об отдыхе. Но стоило погоде испортиться, по Наукану бежал кто-то из мальчишек и всех приглашал на полъасы – своего рода вечер отдыха, нередко превращавшийся в состязание на лучшего певца и танцора. Вот где проявилась выдумка и сноровка охотников. А главное – каждый танец заключал в себе важные житейские истины. Мне порой так не хватает

Память по Наукану про-
диктовала Зое программные
строки:

Отсюда солнце всякий раз
по всей стране идёт
рассветом.
Я в Наукане родилась.
чтобы идти за солнцем
следом.

Позже Ненлюмкина в письме известному эскимологу Георгию Меновщикову сообщила: «Я хоть и испытала столько бед, но счастлива, что довелось мне постичь тайны, крупницы прелести национального эскимосского всего: быта, культуры. Просто диву даёшься богатству древнего языка: ёмкого, вселенского. Песни, вызывающие больше общечеловеческого, нежели личного, и в то же время самое бережное, тайное отношение к своему личному. Умение удивительно легко жить в суровейших климатических условиях. И что мне нравилось в древности как и у любого другого народа, это крепость родовых уз: любовь и обязанность детей к родственникам, к матери и отцу, к бабушке и дедушке».

Однако в быту Ненлюмкина так и осталась абсолютно беспомощным человеком. Ненецкая поэтесса Любовь Ненянг рассказывала мне, как в 1980 году они оказались в Ялте на Втором семинаре писателей Севера. «Зоя даже на улице продолжала думать о своём. Её как-то чуть не сбила машина. Хорошо, что рядом оказался Николай Шундик, и он успел загородить собой часть дороги. Когда писателя потом спросили, что, ему жизнь надоела, он ответил: «Зоя у эскимосов одна, а таких, как я, в стране полно».

В 1986 году у Ненлюмкиной вышла книга «Где ты?». Философ и критик Иван Гобзев, прочитав её уже в

«нулевые» годы, заявил: «Подлинный шедевр эскимосской литературы – поэзия Зои Ненлюмкиной. В книге «Где ты?» собраны одни из лучших её стихотворений. В основном это стихи о любви, об одиночестве. Я бы осмелился назвать Зою Ненлюмкину эскимосской Анной Ахматовой раннего периода.

Грусть одинока...
Но кто-то стучит,
тихо стучит
и за дверью молчит.
Умница и не звонит,
неужели
Чувствует, что я пишу...
В самом деле
Грусть со смешиной,
Смешинка ли с грустью
Горло сдавили
И движутся к устью,
Вот-вот почувствую
их на губах,
Выражу в грустно-
весёлых словах.

Её поэзия – яркое свидетельство тому, что подлинное искусство может проявиться в любых условиях, времени и месте. Несмотря на кажущиеся однообразие, бедность, ограниченность эскимосского существования, далёкого от достижений мировой культуры, Ненломкина сумела доказать, что талант ничем не обусловлен. И более того, благодаря своему таланту представить жизнь эскимоса полной глубины, значения и смысла, каковой она без сомнения и является:

Мы не из железа,
но верой и силой наделены
и грусти сдаваться,
печалиться,
вторить ей мы не должны.
Когда тебе грустно,
не мудрствуй лукаво,
всегда приходи,
возьму твои руки,
и вот уже торкнулся
птенчик в груди,
и... свет впереди.

Темы любви, одиночества и надежды – ключевые в

поэзии Зои Ненлюмкиной. Судя по всему, многим она обязана своей бабушке Альпын, о которой часто вспоминает в стихах. Бабушка воспитывала внучку на преданиях своего племени, учила мудрости и пониманию жизни и природы собственным примером. Она рассказывала, что когда была ещё маленькой, старый шаман поведал, что «небо наделило меня даром творить чудеса и, если я захочу, то... Но я не захотела». И тогда он сказал девочке: «Ты будешь жить долго, потому что возьмёшь в спутники Доброту и Мудрость». Те же слова можно отнести и к Зое Ненлюмкиной с той разницей, что она, в отличие от бабушки Альпын, захотела творить чудеса, потому что поэтический дар – это подлинное чудо».

Ещё в 1968 году Ненлюмкина завела свой дневник, который потом назвала «Моё детство». Этот дневник впоследствии подсказал ей новые жанры.

Я очень хотел фрагменты из этого дневника включить в книгу лучших писателей Севера, составить которую мне в 1989 году поручило московское издательство «Молодая гвардия». По этому поводу я написал Ненлюмкиной письмо. Ответ пришёл в октябре 1989 года. Ненлюмкина писала: «Здравствуй, Слава! Рада была получить от тебя письмо. Дело в том, что я сейчас по горло завалена всякими делами. В основном готовлю стихи на эскимосском для Магадана. Будет книжка впервые для взрослых на языке полностью. Я его уже составляю два года. Попутно доработала много стихов. В декабре или, если успею, в ноябре смогу только тебе послать их. Если успею прозу отпечатать, но вышлю что-нибудь. Что лучше тебе взять, сам выберешь. Только это будет выглядеть как подстрочник. Это моя попытка самой сделать его на русском. Может,

лучше послать что-то не повесть и не рассказы, а эссе, ранее печатавшиеся? Кстати, эссе «Когда у человека праздник?» было напечатано в альманахе в Гренландии. А у нас только в районной газете.

Можешь, Слава, поподробнее рассказать, что за будущая книжка? Которую ты собирать будешь? Это, наверное, как «Близок Крайний Север» или что-то о «Северном сиянии»? Я имею в виду уже выпущенные книжки поэтов-северян, да и прозу в «Современнике». А в каком издательстве это будет выпущено? Я пошлю новые стихи на двух языках. Оригинал на эскимосском и подстрочник подробный. Постараюсь подробно перевести с прозаическими отступлениями, как я делала для своих переводчиков. У меня в Москве появился ещё один поклонник. Совершенно молодой человек. Он из Института истории СССР Академии наук. Хочет найти мне хорошего переводчика. Присылал стихи атабаски с Аляски. Я их напечатала в «Полярнике». Их переводила Рита Берёзкина, столичная поэтесса. Парня зовут Леонид Чекин. К сожалению, мы с ним так и не увидимся в ближайшее время. Ему дают работу в Пенсильванском университете. Но я ему тоже пошлю свои стихи. Есть возможность перевестись на американский.

У нас теперь интересная жизнь в дружбе с Аляской. Вчера и сегодня удалось посмотреть о сородичах по телевизору из Москвы. Делали фильм анадырские журналисты. Они и меня снимали, но пока не показывали, по-моему. А может, плёнка не получилась.

Много работы сейчас. Всё время мысли на родном языке, и писать и разговаривать по-русски очень трудно. Целое лето говорила и писала в основном на родном языке.

Много интересного рассказал мне Тасян Теин об

Аляске. Привёз мне много интересных вещей, книг, открыток. В ноябре, когда повезу книжку в Магадан, он мне покажет фотографии. Если сроки терпят до ноября или начала декабря, я посылаю тебе стихи и кое-что из прозы. Прозу нужно будет, по-видимому, делать. Оригинал, сразу говорю, что не вышло. Печатать очень трудно на русской машинке. Казалось бы, иногда бросила об пол эту машинку. На латыни всё-таки и апострофы не надо ставить. Да и машинка у меня сейчас в плохом состоянии, ленты совсем в магазине хорошей не добыть. Единственную эту ленту наполовину красную и чёрную достала и печатаю.

Ну, ладно, Слава, пока на этом. Спасибо за то, что и меня пригласил быть одним из авторов книжки. Если, конечно, успею. До свидания!

P.S. Да, когда я была в прошлом году в Переделкино, давала читать писателям-старикам мои стихи из двух сборников. И, к моему удивлению, им не понравились стихи в переводе Черевченко. А понравились стихи в переводе Михаила Эдидовича. Почему, я удивилась. Да потому, что наши писатели в Магадане всегда почему-то больше ценили переводы Черевченко, а настоящей рецензии, глубокой, на книжку в переводе Эдидовича даже не было. Я позже поняла, что Эдидовичу просто некоторые завидовали. И я больше люблю его переводы. Он ко мне прислушивался. За меня он не присочинял без моего согласия. Если это было только непереводимо или сложные обороты речи, где нужно объяснение. Может, прислать его переводы? Да, книжка «Где ты?» должна быть у тебя. По-моему, я тебе автограф писала. Или же ты купил в магазине. В общем, сообщи, и я тогда, может, сборник пришлю.

18 октября 1989 г. Бухта Провидения».

Спустя месяц от Ненлюмкиной пришло ещё одно письмо. Она сообщила: «Наконец-то добилась к сорока годам издания на родном языке полностью стихов в Магадане. Также согласились напечатать, издать и мою прозу. На эскимосском языке. Как могла, постаралась перевести на русский одно произведение «Клик журавлей». «К'алг'их тульх'ат тасильн'ат». Но это дословно. Предлагаю назвать на русском «Закливание о журавлях». Вроде и близко, и нормально? Как ты? Все стихи мне просто некогда перепечатывать. Вот я шлю, сколько напечатала. Первый экземпляр послала Леониду Сергеевичу Чекину, он должен на пробу отдать перевести поэтессе Рите Берёзкиной. Очень талантливо перевела она атабасскую поэтессу Мэри Толл Маунтейн. Я их напечатала у нас в Провидения в районной газете «Полярник». Но они это попросили для пробы. Это ничего, если ты найдёшь переводчика на эти стихи. Смотри сам, что лучше напечатать. Ведь есть у тебя мои стихи? «Где ты?», «Идти за солнцем», «Птицы Наукана». Если нужны тебе какие-то сборники, пиши, я тебе их срочно вышлю. Сегодня-завтра, как отправлю, постараюсь тебе позвонить. Ты единственный москвич, которого можно застать дома. Предисловие, может, великоватое, можешь сам сократить. Но я от души написала его. Правда, забыла, что видела всё-таки приехавшего к нам в Провидения гренландского поэта, видного политического деятеля Ахкалюка Люнге. Весь вечер мы сидели рядом, разговаривали, правда, через переводчика — замечательного Володю Карлсена. Это событие было для меня очень радостным, незабываемым. И самое главное, теперь я знаю, что я не одинока. Особенно после выхода книжки «Голос далёкого ост-

рова» в издательстве «Радуга» произведений гренландских писателей стало легко и свободно.

На этом пока всё. Привет тебе от Владика. Он уже в пятом классе. Любит английский язык и природоведение, делает дома всевозможные опыты. Любит читать книжки. Прочитал отрывок из Короленко «Слепой музыкант» в учебнике русского языка и взял в библиотеке его книжки «Дети подземелья», «Слепой музыкант».

На той неделе вернулась из командировки из Магадана.

До свидания! С уважением Зоя Ненлюмкина. 30 ноября 1989 г., бухта Провидения».

Но вскоре всё рухнуло, и издательство «Молодая гвардия» от выпуска книги северян отказалась. А Ненлюмкина, наоборот, с головой ушла в работу.

15 ноября 1990 года она писала в газете «Полярник»: «Я продолжаю работать. Скоро выйдет сборник лирических стихов, который называется «Весеннее счастье». Вообще сейчас у меня книги выходят одна за другой: «Старейшина племени» (проза), «Закливание о журавлях» и другие. 1 октября я поеду в Ялту. Союз писателей СССР специально выделил мне путёвку, чтобы я там поработала над прозой. Буду готовить к печати книгу,

которую не смогла опубликовать до перестройки. Так что читатель получит скоро интересные, как мне кажется, рассказы и повести. Повесть «Завет матери», например. В годы застоя меня просто преследовали. Зачем, спрашивали, пишешь об алкоголизме? Или: зачем пишешь о пограничниках, который бросил свою дочь? Это же подрывает авторитет наших доблестных офицеров-пограничников» («Полярник», 1990, 15 ноября).

Но, похоже, Ненлюмкина сглазила. После распада Советского Союза власти и издатели перестали интересоваться литературой Чукотки. Все бросили писательницу на произвол судьбы. Выдержать такое не каждому оказалось под силу.

12 марта 1994 года Ненлюмкина прислала мне полное отчаяния письмо. Она сообщила: «Слава, у нас в семье критическая финансовая ситуация. Отключён телефон, за квартиру не уплачено. Телефонный номер отдали другим. Нужна сумма в 90 тысяч рублей, чтобы восстановить. Ты единственный, кто мог бы помочь мне, чтобы получить зарубежные гонорары. Кроме 60 рублей за книжку «Инук нунало», выпущенную в Дании, я никакого гонорара не получала. Тем не менее мой датский друг по пере-

писке сообщает, что меня издавали и публиковали во многих странах. ВААП, защита авторских прав, находился в Хабаровске, но письмо потерялось и адрес на конверте. Прошу тебя, Слава, если не трудно, узнай, пожалуйста, куда мне обратиться по поводу получения гонорара из-за рубежа России. И вообще некому помочь с работой, где можно деньги получать. Дочка со специальностью не имеет работы, хочет учиться, а здесь, в Провидения, у меня нет друзей, которые могли бы помочь подготовиться в университет или институт. Может, я могла бы подобраться ближе к Москве? Но сейчас все в панике, пугают тамошней жизнью. Хорошо было бы связаться с редакцией «Северных просторов». В общем, никто не решает нашу жизнь, чтобы улучшить наше положение.

Попытаюсь сама обратиться в Союз писателей МОМЛ РФ, к Борису Шереметьеву, Юрию Рытхэу и в Анадыре, чтобы помогли. Надо хоть за квартиру заплатить и восстановить телефон, купить одежду детям. Скоро лето, а у меня ни туфель, ни весенних сапог. А есть вообще нечего. Правда, Владик питается в школе, но ужин и завтрак всё равно есть дома. Бесконечно жаль детей. Неужели некому нас пожалеть?! Надо набело работать над произведениями, а в Дом творчества невозможно попасть. Писала в отдел путёвок в Москву, но не было ответа. Или письмо потерялось, или оставили без внимания?»

Впоследствии Ненлюмкина из Провидения переехала в Анадырь, где, увы, власть нашла ей место лишь в приюте одиноких ветеранов и инвалидов. Я был в 1998 году вместе со своим товарищем – писателем Владимиром Христофоровым – в этом приюте. Картина была, конечно, не для слабонервных. Христо-

форов потом постарался смягчить эмоции. Он писал: «В крошечной, но зато отдельной комнате временно проживает и творит непревзойдённая Зоя Ненлюмкина. Душа её не свободна от сезонных депрессий и куда-то стремится, когда на безмолвных камнях Наукана начинает подтаивать снег. В 1989 году мы с ней вместе улетели из Бухты Провидения. Кружились снежинки. Зоя протянула к ним ладони и произнесла:

– Не покидай меня, тающий снег.

– Хорошее начало для стиха, – сказал машинально я.

Теперь, в марте 1998-го, она мне ответила:

– Я написала то стихотворение. Посвятила тебе...

Ничего в этом мире не исчезает бесследно» («Мир Севера», 1998, № 3).

Мы с Христофоровым тогда попросили губернатора Чукотки Александра Назарова помочь Зое хотя бы переиздать старые стихи. Но у Назарова денег не нашлось. Лишь через несколько лет местные власти милостиво разрешили

присудить Зое премию имени Рытхэу. Получилось смешно. Если судить по гамбургскому счёту, ещё неизвестно, кто кому должен был давать премии: Рытхэу – Ненлюмкиной или Ненлюмкина – Юрию Рытхэу. А потом власть имущие вновь про Зою забыли...

В 2002 году к Ненлюмкиной заглянул мой товарищ Владислав Иванов. Она передала ему подстрочники новых стихов. Владислав тут же переправил их во Владимир Анатолию Пчёлкину, который в своё время жил на Чукотке и много переводил чукчей Михаила Вальгиргина и Владимира Тынескина. Но на Пчёлкина подстрочники Ненлюмкиной никакого впечатления не произвели. Он честно признался: «Ничего с Зоей не вышло. То ли я состарился и не верю во многое из того, что в своё время опозитизировал, то ли и в самом деле от этих подстрочников слишком уж тянет прозой. Не совпадает амплитуда колебаний. Вот Вальгиргина и Тынескина я бы и сейчас понял и воспринял в душу свою. И

Любу Ненянг – живую, певучую, полную юмора и непосредственности. А в этих стихах Зои – лишь констатация, название ощущений, а не само чувство, которое само по себе всегда искристо, неожиданно, естественно и прекрасно. Единственно! Ничего подобного в сегодняшних стихах Зои, очень мною когда-то ценимой, к сожалению, нет. Пересказ событий, даже пересказ чревоутоления – есть лишь пересказ. А это чертовски скучно. В.В. Португалов не стал бы переводить «Медвежью охоту» Ювана Шесталова, будь она так же бедна живыми эмоциями и красками. Позвольте и мне не делать этого. Буду рад поработать с другими её стихами, ежели таковые появятся. Не сегодня, так завтра. А при случае передайте ей самый дружеский мой привет. Я о Чукотке помню, да и куда же мне от любви и памяти о ней деться?»

Потом власть на Чукотке сменилась. Но Ненлюмкина и при новом режиме оказалась невостребована.

Живёт поэтесса в Анадыре.

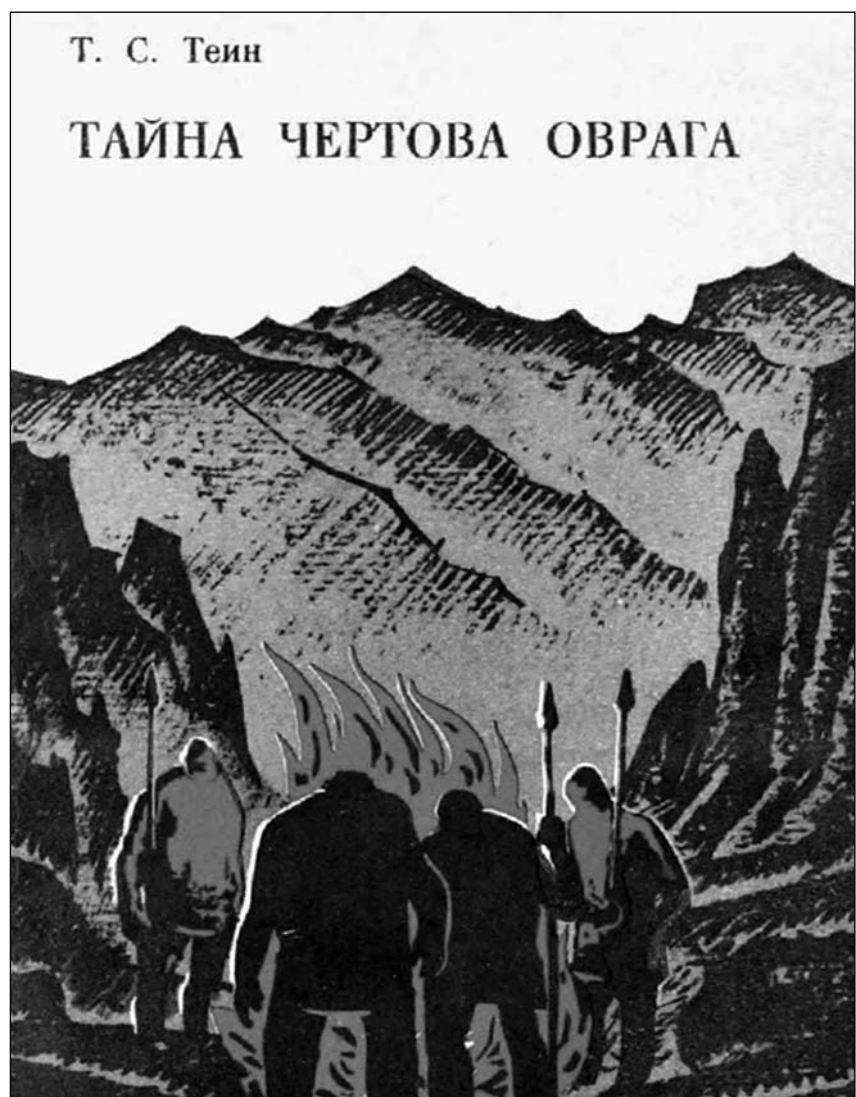
Вячеслав ОГРЫЗКО

ПРОПАВШИЙ АРХЕОЛОГ: ТАСЯН ТЕИН

Тасяна Теина много лет воспринимали прежде всего как первого эскимосского археолога и этнографа. В научном мире очень ценили, к примеру, его книги «Тайна Чёртова оврага» и «И было так...». Он действительно умел без академического занудства очень живо обрисовать традиционную культуру науканских эскимосов. А как он воспел эскимосский праздник кита – Полъя. Ему в этом плане завидовали даже некоторые писатели. Сошлюсь здесь хотя бы на известного романиста Александра Трапезникова. Прочитав книгу Теина «И было так...», он отметил, что Теин собрал «интереснейшие заметки о морской охоте на моржей, тюленей, китов, об охоте на белого медведя (в одиночку, всего лишь с копьём с наконечником из кремнистого сланца или халцедона!), о приготовлении и хранении национальной пищи, о ритуальных обычаях (свадьбах, «личных» праздниках), о семейных обрядах. Как готовится копалген – мясо, зашитое в шкуру моржа с жиром (такой «мешок» с пищей весит 60–80 килограммов); почему морж, по какой-либо причине лишившийся бивней, становится хищником – охотится на нерп и других млекопитающих; отчего во время еды никто из эскимосов не должен разговаривать; как хитрый белый медведь (это воочию видел сам

Теин) подкрадывается к чуткому моржу, а потом бьёт его камнем (!) по затылку (да ещё камень-то выбирает сподручнее)... Много чего необычного, забавного да и просто смешного я обнаружил в этой небольшой книжке «И было так...». Например,

отвергнутый жених может прибегнуть к традиционной форме «запугивания» невесты: он предупреждает, что откусит у неё кончик носа – это чтобы другие мужчины за ней не ухаживали. Угроза, должно быть, действовала неотразимо. Или обряд, свя-

занный с принесением в жертву собаки, если кто-либо серьёзно заболел. Прежде чем обречь животное на смерть, у него спрашивали согласия (как это по-эскимосски!). Отказом собаки считался её зевок. Но если в ответ на вопрос собака не зевала, её вели в ярангу, ставили около больного, клали его руку ей на голову и, обмётая человека пером, передавали ей таким образом болезнь. Затем собаке прорезали ухо, продёргивали в него красную тряпку или красный же ремешок из шкуры нерпёнка, выводили её из яранки и привязывали у входа, где она должна была оставаться до конца болезни. В конце концов, независимо от того, выздоравливал больной или умирал, собаку всё равно убивали. (Вывод: надо чаще зевать, когда тебя о чём-то спрашивают.)».

И мало кто знал, что Теин, когда писал свои историко-этнографические книжки, буквально сдерживал в себе ещё один дар – дар писателя.

Тасян Сергеевич Теин родился в 1938 году на Чукотке, в селении Наукан. Окончив семь классов, он хотел продолжить традицию своего рода и вслед за старшими братьями – Никуляком, Ёмыртагином и Ёмыркаином – занялся морским промыслом. Хотя в какой-то момент не удержался и поддался новым модным

веяниям, устроившись на курсы радиотехников.

Однако в 1958 году судьба всех науканцев круто изменилась. Пришлое начальство решило, будто расположенный на скалах посёлок для жизни зверобоев весьма неудобен и поэтому его надо закрыть. И невдомёк было «благодетелям», что в Наукане за несколько веков сложилась целая община эскимосов со своими обычаями и даже со своим особым языком, сильно отличающимся от так называемого литературного эскимосского языка. Больше того, значительную часть науканцев начальники расселили в посёлки с другим этническим населением, где науканцев испокон веков, мягко говоря, недолюбливали. В общем, уникальное племя зверобоев оказалось разбросанным по всей Чукотке. Но люди с этим смириться не хотели. Кто-то от безысходности надумал покончить с собой, кто-то запил, а кто-то надеялся, что ещё сможет вернуться на землю предков.

После случившейся драмы Теин и практически все его братья перебрались к соседям в Уэлен. Тасян устроился на местный радиоузел. Впервые последствия «науканского синдрома» отразились на нём уже в Анадырском педучилище. Там преподавали только чаплинский диалект эскимос-

ского языка. Науканский диалект был вне закона. Но на втором курсе из-за отсутствия специалистов студенты перестали изучать даже культуру чаплинских эскимосов. В программе училища остались лишь русский да чукотский языки. Как потом Теин писал своему старшему товарищу Георгию Меновщикову: «Конечно, мы расстраивались, что эскимосский язык нигде не проходят», – но изменить ситуацию никто не мог.

Окончив в 1964 году педучилище, Теин получил направление в село Нунямо. На новом месте он встретил много бывших науканцев. Молодой учитель поразился: старшее поколение так и не смогло свыкнуться с мыслью, что язык и культура науканцев уже больше никому не нужны. И совсем по-другому чувствовала себя молодёжь. Позже, вспоминая о своих первых нунямских впечатлениях, Теин писал Меновщикову: «В моём классе были чукотские и эскимосские ребята. Я сначала удивлялся: эскимосские ребята практически не понимали по-эскимосски. Зато они разговаривали на чистейшем чукотском языке. И я подумал, надо как-то взяться за популяризацию изучения эскимосского языка».

Под конец своего первого учебного года Теин организовал в Нунямо собрание самых авторитетных земляков. Речь шла о том, как снова всех науканцев собрать вместе и что надо сделать для сохранения науканской культуры. Однако власти в ответ объявили Теина националистом. Единственный, кто тогда выступил в защиту молодого учителя, был Г.А. Меновщиков.

Нунямская история подсказала, что победить невежд можно только знаниями. Поэтому Теин поступил на историко-филологический факультет Магаданского пединститута. Перейдя на второй курс, он с гордостью сообщал Меновщикову:

«Областное управление культуры поручило мне переводить пьесы, рассказы, сказки, стихи, обычаи, фольклор и многое другое на эскимосский язык (науканский диалект). Конечно, я не отказываюсь. Уже одну пьесу перевёл, но испытываю большие трудности из-за отсутствия словаря. Нужен русско-эскимосский словарь, науканский диалект. Я слышал, что один экземпляр есть у В.И. Ёмрона, но он теперь работает в Уэлене. Может, у вас осталась копия?»

В 1969 году, когда пришло время получать диплом, Теина спросили, куда он хочет поехать: в родной Чукотский район – в посёлок Лаврентия или на остров Врангеля. Теин выбрал остров. От Лаврентия он отказался, чтоб не мучиться и не видеть, как деградировали осевшие в райцентре бывшие науканцы. А остров притягивал своими тайнами. И главная тайна – как смогла адаптироваться к новым условиям переселённая на остров Врангеля в 1926 году группа эскимосов. Вдруг этот опыт будет полезен для науканцев.

26 марта 1970 года Теин писал с острова Врангеля своему наставнику Меновщикову: «Сейчас работаю учителем во Врангелевской начальной школе-интернате. Веду второй и четвёртый классы... Организовал школьный национальный ансамбль «Умкэкэй» («Белый медвежонок»).

К слову сказать, усилия молодого учителя тогда отметила районная газета «Горняк Заполярья». Она сообщала: «Вместе с молоком матери, запахом родной земли, событиями повседневной жизни слово учителя формирует личность человека. Эскимос Тасян Теин... старается не только научить своих питомцев правильно понимать мир, любить знания, но и уважать обычаи своей Родины, свое-

го народа. В школе создан национальный ансамбль песни и пляски. Ребята с увлечением готовят небольшие сценки из жизни чукчей и эскимосов».

Тогда же Теин рискнул признаться Меновщикову, что пробует писать. В своём письме он сообщал, что сочинил песню «Славься, Советская Чукотка» и вальс «Воспоминание о маме», а также подготовил просветительскую работу «Великий поворот» о гражданской войне на Чукотке.

К сожалению Теина, на острове Врангеля язык науканских зверобоев оказался никому не нужен. Зато была потребность в его знаниях чукотской культуры. 11 августа 1970 года Теин сообщил Меновщикову: «Видимо, буду вести уроки чукотского языка, так как большинство моих учеников – чукчи. Им очень интересно бывает, когда мы говорим на чукотском языке. Они прямо преображаются. Но только 20 процентов знают свой язык, а остальные даже не могут выговаривать как следует чукотские слова».

Может, поэтому для своих литературных опытов Теин избрал русский язык. В том же письме он признавался Меновщикову: «Первого мая поставил постановку «Солнце над тундрой». Всем зрителям очень понравилось».

Однако в новой среде Теин прижиться так и не смог, и осенью 1971 года он перебрался в Магадан, где его с радостью приняли в областной краеведческий музей. В музее вчерашнему педагогу предложили заниматься этнографией и археологией азиатских эскимосов. Теину это было интересно. Хотя он предвидел, что будет немало трудностей. В сентябре 1971 года молодой подвижник писал Меновщикову: «...свой родной язык мы уже забываем. Иногда приходится долго думать, чтобы обрисовать

какой-нибудь предмет или вспомнить какое-то забытое слово».

Спустя три года археолог Н.Н. Диков уговорил Теина из музея перейти к нему в Северо-Восточный комплексный НИИ. К сожалению, Дикову нужно было только эскимосское имя Теина. В лучшем случае он расспрашивал о том, что думают эскимосы о происхождении тех или иных предметов. Работы самого Теина учёного мало интересовали. Вот, кстати, объяснение, почему Теин защитил кандидатскую диссертацию «Древняя эскимосская культура Северной Чукотки, включая острова Врангеля и Ратманова» лишь в 1991 году.

Переехав в Магадан, Теин продолжил заниматься литературой. Он писал стихи, рассказы. Однако издатели благосклонно отнеслись только к его работам научно-просветительского плана. Я уверен, что если бы с Теином поработал опытный редактор, то он смог бы книгу «Тайна Чёртова оврага» превратить в увлекательную приключенческую повесть. Сам Теин этого очень хотел. Но издатели поосторожничали. Они воспринимали Теина всего лишь как хорошего пропагандиста истории и культуры своего народа. Но не как писателя.

Уже в 2008 году философ и критик Иван Губзев, прочитав несколько книг Теина, отметил: «Его тексты «И было так...», «Тайна Чёртова оврага...» не представляют особой художественной ценности и, стало быть, литературного интереса, но с этнографической точки зрения – они бесценны. Хотя некоторую параллель с «Дерсу Узала» Владимира Арсеньева можно провести, особенно в книге «Тайна Чёртова оврага», где повествуется об экспедиции к древнему поселению эскимосов. Однако проза Теина фактически лишена драматургии. Тем не менее, читая Теина, мы узнаём много

интересной информации об обычаях, верованиях и традициях эскимосов и – что важно – знакомимся с их повседневным бытом. Чего стоит только описание процесса охоты на китов, моржей и тюленей! Рассказывая о повадках старых белых медведей, Теин пишет: «Старый медведь очень хитёр. Издали заметив человека среди торосистых льдин, он ложится на спину, поднимает вверх лапы и начинает шевелить ими, а голову прячет за льдину». Охотнику в отдалении кажется, что это другие эскимосы добыли какого-то крупного зверя и разделяют его, и спешит им помогать. А медведь поджидает, когда наивный охотник подойдёт совсем близко, затем бросается на него и убивает, получив, таким образом, обед благодаря уму и смекалке. Отдельное место Теин уделяет кухне эскимосов – и удивительно разнообразие блюд, изготавливаемых из вроде бы небольшого числа ингредиентов. А ингредиента, как правило, три – морж, кит, медведь. В книге «И было так...» Теин подробно описывает ритуалы своего народа, делая акцент на их большое воспитательное значение: «Каждый ритуал имел своё магическое предназначение, и, кроме того, он воспитывал трудолюбие, уважение к труду старшего поколения, любовь к природе, воспитывал чувства и мысли о том, что человек и природа – единое целое, где каждый зависит от другого, и поэтому необходимо очень бережно относиться к природе».

Оппозиция «природа – цивилизация» является настойчивым лейтмотивом литературы многих народов, ведущих первобытный образ жизни или сравнительно недавно вышедших на новый уровень. Утрата связи с природой – вот единственный плод современной технократической цивилиза-

ции с их точки зрения. Разрыв с природой приводит к одичанию души, потере смысла жизни. И в этом плане жизнь эскимоса во льдах, но сосуществующего вместе с природой, как одно целое, намного ярче, полнее и насыщеннее, чем жизнь в современном мегаполисе, содержащем «блага цивилизации». И в самом деле, пожалуй, всякое благо цивилизации имеет оборотную сторону, совсем не благую: добыча нефти, разработка месторождений драгоценных металлов, вымирание животных, нарушение экологического баланса – яркое тому свидетельство уничтожения традиционной жизни северных народов».

Был у Теина ещё один шанс заявить о себе в литературе. Дело в том, что в 1979 году издатели наконец согласились выпускать книги не только на чаплинском диалекте, произвольно положенном в 1930-е годы учёными в основу литературного языка эскимосов, но и на науканском. Этого шага от книжников ждали несколько десятилетий. В конце концов, даже именитые учёные не могут решать за народ, на каком диалекте им сочинять и читать свои песни. Это вопрос времени. Надо же понимать, что литературные языки формируются веками.

В общем, магаданские издатели собрались напечатать стихи Зои Ненлюмкиной. И Теина они пригласили как редактора текстов на науканском диалекте.

Теину бы развить этот успех, подготовить для издательства какие-то свои материалы, те же истории о науканцах. На языке науканских эскимосов они бы вышли вне всякой очереди. Но, похоже, к концу 1970-х годов Теин родного языка стал бояться, а на русском языке ему требовался опытный редактор, которого, увы, не оказалось.

Вообще с возрастом Теин сильно помрачнел. На буду-

щее своих сородичей он, когда переехал в Магадан, смотрел уже без какого-либо оптимизма. Может, судьба старшего брата Ёмрыкаина на него так повлияла. Брат после ликвидации Наукана переехал с семьёй в соседний Уэлен, где он, единственный из мужчин, своей профессией избрал не охоту на морского зверя, а резьбу по моржовому клыку. Безусловно, в сравнении с Нунямю в Уэлене бывшие науканцы чувствовали себя относительно уютно. И всё-таки Уэлен не стал для них родным домом. Чего-то тут не хватало. Видимо, не доставало особого науканского простора. Ёмрыкаин, боясь потерять последние нити, которые связывали его семью с Науканом, решил хотя бы на магнитофоне зафиксировать для сына песню своего рода. Но вместо сына звуки древней мелодии пришлось постигать совершенно другим людям. Я, к примеру, про эту песню узнал от писательницы Алины Чадаевой. В книге «К югу от северного сияния» она воссоздала такую картину: «Мужской голос пел на эскимосском языке о том, как отец пошёл в тундру и вдруг услышал грустную песню. Огляделся: никого нет вокруг, а жалобная песня не утихает. «Вот я один остался. Передо мной – ручей. За ним – мои друзья и родные. Но я не умею плавать и, наверное, никогда больше не увижу их». Нагнулся охотник – видит: червь лежит на берегу ручья и поёт-плачет. Взял его человек в руки, бережно перенёс через воду, выпустил, и пополз червь к своим сородичам». Сын Ёмрыкаина этот закон своего рода – всегда поддерживать слабого – осознать уже не успел. Он погиб на охоте. А ещё раньше Ёмрыкаин потерял жену и маленькую дочку. Вот так угасают последние остатки древнейшего науканского племени.

Уже в конце 1970-х – начале 1980-х годов Теин попробовал реанимировать в Уэлене и Сирениках старинный праздник Полъя – праздник благодарения Кита. Он написал интересный литературно-этнографический очерк, подробно осветив весь ритуал. Алина Чадаева включила рукопись эскимосского учёного в антологию современной литературы народов Севера «Сердце в ритме с природой». Представляя оригинальную работу своего товарища, она писала: «Эскимосский этнограф Тасян Теин родился в древнейшем эскимосском селении Наукан, на горном берегу Берингова пролива. Теперь это безлюдная точка планеты, где, говорят, обитают лишь злые духи. Людей, всех до единого, выселили власти Чукотки, чтобы не канителиться с доставкой «генгруза» морским транспортом в короткую навигацию. В мёртвом Наукане ещё живут усилия

людей, помноживших камень на кости кита, чтобы сделать прочными свои жилища – мантэг'ак. Ещё наполняются дождевой водой забытые жертвенные корытца, которые ставили по обычаю возле убитого моржа. Корытца красили красной глиной. Засохшие, комканые когда-то чьей-то горстью, они и сейчас ещё валяются на побережье. След руки человека был здесь слепком его души, неотторжимой от природы. Может быть, поэтому в селении Наукан родилось так много художников. Их материалом был клык моржа, клик журавлей и чаек, повадки зверя и порывы ветра. Они творили костяные амулеты, гортанные клекочущие песни, охотничьи пляски, стихи... Когда насильственно выселили, разбросались по Чукотке кто куда. Тасян Теин стал учителем, уехал преподавать на остров Врангеля. Однако со временем молодого учителя заметил выдающийся археолог Севера Н.Н. Диков, взял к себе в институт. Тасяну не надо было становиться этнографом, он жил внутри культуры своего народа и знал, что утрачено и что ещё можно восстановить. Научные работы Тасяна склонны к личностному, художественному стилю, может быть, потому, что все они – дань памяти родному Наукану. Одна из наиболее постоянных – тема: Эскимосский праздник кита – Полъя.

– Мы забыли этот великий Праздник Благодарения, – писал Тасян Теин. – Его ликвидировали в середине тридца-

тых годов, когда началось наступление против так называемых религиозных пережитков».

Подчеркну: Теин, когда взялся за очерк о празднике кита, конечно, понимал, что теперь двадцать шесть дней подряд никто торжество проводить не будет. Он надеялся на другое: на то, что на побережье Берингова пролива оживят хотя бы обычай встречи гренландского кита. Однако народного праздника так нигде и не получилось. Современники отнеслись к прошлому своего народа как к экзотике. Люди успели всё старое напрочь отринуть, а толковое новое взамен придумать не смогли. Победила сумятица.

Будучи в конце 1995 года в очередной раз в Магадане, я зашёл в лабораторию к Теину узнать, как дела. Настроение у учёного, как всегда, было очень грустное. Ещё в 1990 году он отдал местным издателям рукопись поэтического сборника на русском языке. Ему обещали, что поставят книгу в план. Прошло пять лет. Теин решил напомнить о себе. И выяснилось: издательство вместо книг стало выпускать обои, рукопись его в архиве не нашли, видимо, потеряли, но и дубликат приносить смысла не оказалось. Стихи уже почти никто не читал.

Последний раз мои пути с эскимосским подвижником пересеклись в Магадане в 2001 году (я передал ему в СВКНИИ свой двухтомный справочник о писателях Севера). А потом какая-либо информация о нём поступать перестала. Ходило много слухов, но конкретно никто ничего не знал. Ситуацию осенью 2008 года прояснила его землячка Валентина Леонова. В одном из писем она сообщила: «Тасян Сергеевич жив, но находится в доме-интернате психдиспансера в посёлке Сокол под Магаданом». Читать эти строки было больно. Неужели мир так очерствел?

С очень давних пор на территории Югры, где живут ханты и манси, не было врачей, и эту роль издавна выполняли шаманы: по-мансийски *няй-тынг хумыт* – шаманы, *няй-тынг хум* – магией обладаю-

Затем зажигает окуривающее средство – это обычно был гриб трутовик. Если это происходило в его доме, то он открывал священные ящики с амулетами – «духами-покровителями», которые обычно хранятся в

ним зрением», при этом поёт то полушёпотом, то усиливая звучание, о чём поёт – не разобрать. И когда он поёт, он сидит лицом к переднему углу дома, где стоят сундуки с духами, из-за монотонности его голоса многие во время

**Никита
ПАРТАНОВ**

щий человек. Шаманы манси при ворожбе сидят на полу на шкурах на корточках и используют для акта ворожбы топор. Для того чтобы топор держался равномерно, его подвязывали на верёвке за шею шаману обухом вниз, а остриём вверх. Обычно больного приводят или привозят к шаману в дом. Если это невозможно сделать, то за шаманом приезжают его родственники и шамана привозят к больному. Перед тем как приступить к камланию, шаман осматривает больного, щупает его живот, если он болит; иногда спрашивает его или его родителей, что болит, где болит.

переднем углу дома на полке за закрытой занавеской. Он раскрывает наполовину занавески, открывает сундуки и ставит «куклы *кол пути* – домашних духов-покровителей» в вертикальное положение. Обычно в домах, где жили манси, межкомнатных перекрытий не было, и всё пространство была одна большая комната.

И после того как приготовление заканчивалось, делался *турман кол* – тёмный дом. Это делалось для того, чтобы не отпугнуть духов, которых призывает шаман во время камлания. Во время камлания его глаза закрыты, он видит «внутрен-

акта камлания засыпают и спят: так продолжается несколько часов – участники то просыпаются, то дремлют, то снова впадают в спячку. При этом присутствующие сидят за спиной шамана, в это время нужно соблюдать тишину и тихо находиться и нежелательно хождение. В деревне никто не приближается к его дому, все знают, что там идёт камлание. За работу обычно платы не было: кто чем мог, тот тем и расплачивался с шаманом, это могли быть продукты и одежда. Здесь же до камлания могли принести «кровавую жертву»: обычно это домашняя птица и животное.

Как вспоминает Галина Семёновна Новыхова из посёлка Игрим Берёзовского района, 1969 года рождения. Жили они в деревне с мансийским названием *Пукшамт* – Неримова, Берёзовского района. Напрямую до Берёзова несколько километров. Раньше до Октябрьской революции 1917 года в граде Берёзов было немало церквей, и в воскресные дни в хорошую погоду жители Неримова слышали колокольный звон. Поселение при большой воде затопливалось, я помню, весной мы через мостки перебегали и даже на калданках ездили в гости от дома к дому. Потом власти решили переселить жителей Неримова в другое поселение.

И помню, когда приехал большой понтон, и все жители шли на этот понтон с большими узелками, обвязанными шалами. Они свои вещи складывали туда и всех сажали на понтон. У нас отец не подпустил к нашему дому ни одного начальника и сказал: «Мы отсюда не уедем». А мы, детишки, сидели и смотрели в окошко, как уезжали наши односельчане: Лихачёвы, Новыховы, Гришкины, ехали они в Шайтанку. В деревне остались две семьи – наша и рядом с нами жил Новыхов дядя Сеня.

Но тогда я была маленькая и ещё в школу не ходила, мне тогда было лет шесть. Я маленькая была такая любопытная, мне всё было очень интересно: куда уезжают мои братья и сёстры, я не могла понять. А весной они приезжали домой и осенью снова уезжали. И такое у меня было любопытство, я думала: если залезу на крышу дома, на конёк, и посмотрю вдаль за горизонт, значит, я там что-то увижу, куда все дети уезжают. Я увижу другую деревню и моих братьев. Залезла, но ничего не увидела. И единственное, я упала... Как я падала, боли не почувствовала, упала я на два больших бревна... И ничего больше не ощутила... Вероятно, я

была в шоке и только помню, как меня отец на руках заносит в дом... Занёс, положил на кровать, и я закрыла глаза. Сколько я спала, не знаю, долго или нет. Пришёл к нам дедушка Семён Новыхов, по-мансийски, мы его звали «*Семан ойка*». И когда я пришла в себя, открыла глаза и смотрю: сидит в углу дома дедушка и перед собой держит топор. И поёт, поёт... Я так смотрела, смотрела и снова уснула... И не знаю, сколько я так пролежала... Долго лежала, всё тело болит. Укрыли меня, и так я долго лежала. Открою глаза, а они всё поют, поют: дедушка мой, сосед, и мой отец тоже сидит, поёт. Священные ящики в углу дома открыты, а они всё поют и поют... Я пролежала очень долго, три месяца, а может, меньше, не знаю. И когда я проснулась, начала ходить, а на улицу мне нельзя было ходить. Опять мои братья приехали, я пролежала, наверно, три-четыре месяца. А меня в больницу не возили, во время осенней распутицы дороги не было. Это было время осень и меня нельзя было вывести. Я тогда была маленькая, и дедушка меня вылечил своим шаманским лечением. И я рада с тех пор, что он спас меня...

В этой деревне мы жили одни, такой простор мне очень нравился. Мы жили на одной гриве через речку другая грива. По этой гриве, я разбегусь, бегу, бегу, как это мне нравилось, и верёвку натяну и начинаю прыгать. Мне хотелось спортом заниматься, меня тянуло в спорт. Весной и летом мы всегда ездили на рыбалку с отцом, мне рыбалка всегда нравилась. У нас была большая семья, кроме меня у нас ещё были младшие братишки и сестрёнки. Два братишки и сестрёнка: Роза, Вася и Саша. Всё время надо было нянчиться с ними, а порой так не хотелось с ними возиться. Мне так нравилась рыбалка: смотрю, отец встал и собирается ехать проверять сети.

Сети надо вовремя проверить и рыбу сдать на плашкоут, чтобы рыба не испортилась. Однажды я залезла к отцу в лодку, заруюсь среди вещей, и он меня везёт вдоль берега на лодке. А вдоль берега моя мама обращается к отцу: «Галя опять куда-то ушла. У тебя в лодке её нет?» Он отвечает: «Нет, нет один еду на рыбалку». Он не знает, что я в лодке, и когда мы далеко уедем, за поворот, вылезу, отец говорит: ты чего. Я говорю: «Я дома не хочу нянчиться, и я хочу с тобой на рыбалку, хочу рыбу ловить». И все поймает рыбу, сдадим на плашкоут и едем домой. Отец мне говорил: «Ты так больше не делай, если хочешь со мной, ты говори». А я всегда всё делала по-другому. Никогда ему не говорила, а запряхусь в лодке и еду с ним на рыбалку...

После того как я поправилась, бабушка «*Семан эква*», она всегда весной печку на улице топила. Она там пекла такой вкусный хлеб, у неё всегда вкусный хлеб был. Ватрушки пекла: мы, дети, к ней придём, чай попьем с ватрушками с «*Семан эквой*». Я всегда любила её вкусные ватрушки.

А потом сам «*Семан ойка*» заболел, и она его на руках подняла с кровати и понесла в лодку. И повезла его в Берёзово в больницу и сама гребла. Моторов тогда ещё не было, а потом, сколько времени прошло, она его обратно привезла на этой лодке. И тогда «*Семан ойка*» умер. Потом я помню, много родственников приехало из Ванзетура, Новинска и других деревень. Прощаться с «*Семан ойкой*»... Он не одного меня вылечил, но себя не смог спасти, и люди до сих пор вспоминают о нём хорошими словами. И таких шаманов было немало в наших краях, о них осталась только добрая память соплеменников.

г. ХАНТЫ-МАНСКИЙСК

Альберт Мифтахутдинов

ВСПОМИНАЯ АЛИКА МИФТАХУТДИНОВА

О творчестве Альберта Мифтахутдинова часто говорили литературоведы. О нём писали известные критики Татьяна Комиссарова, Ирина Осмоловская, Александр Овчаренко, Кирилл Николаев, Вячеслав Огрызко... О нём с интересом говорили его коллеги – северные писатели: Владилен Леонтьев, Юрий Рытхэу, Анатолий Пчелкин, Александр Бирюков, Олег Куваев, Владимир Першин, Геннадий Ненашев, Станислав Дорохов, Александр Черевченко, Зоя Ненлюмкина, Антонина Кымытваль и другие. Многие из них дружили с ним. Например, писатель Владимир Христофоров, также долгое время проживший на Чукотке и, кстати, проработавший ответственным секретарём «Советской Чукотки». В одной из своих публикаций конца 90-х годов он пишет, что у него сохранились 107 писем от Алика или, как он называл Мифтахутдинова, от Мифты. Столько писем не только о творчестве, но и просто о жизни! Некоторые письма, как говорит Христофоров, Мифтахутинов подписывал в шутку – от Кобзона или от Аллы Пугачёвой. В начале своего творческого пути с Мифтахутиновым познакомилась и эскимосская поэтесса Зоя Ненлюмкина, кстати, лауреат литературной премии имени Юрия Рытхэу. И нужно сказать, дружба этих самобытных талантов была для обоих, безусловно, полезной. Мы знаем Зою Ненлюмкину как автора

Иван ОМРУВЬЕ

замечательных стихов, но немногим из нас известно, что она ещё и сочиняет короткие рассказы. Не влияние ли здесь Альберта Мифтахутдинова, которого мы знаем как мастера короткого рассказа?

ИЗ ЭТОГО ПАРНЯ ВЫЙДЕТ НАСТОЯЩИЙ ПИСАТЕЛЬ

Разные мнения сложились у коллег и читателей о произведениях Мифтахутдинова – восторженные и не очень. Но ни один из них не сказал, что он просто посредственный писатель, что он не вписывается в литературную когорту писателей Севера и всей России. Его знали не только соотечественники, в том числе Юрий Бондарев, но и зарубежные писатели. К примеру, известный канадский писатель Фарли Моуэт, автор переведённой на русский язык книги «Люди оленьего края», прочитав первые рассказы Мифтахутдинова, сказал: «Из этого парня выйдет настоящий писатель. Потому что он долго и тяжело болеет типичной болезнью – романтической влюблённостью в Север. Люди, перенёсшие эту болезнь, на всю жизнь сохраняют верность к холодным краям и (это – уже загадка эволюции) почему-то становятся писателями».

НАМЕРЕНИЯ НАШИ БЫЛИ СЕРЬЁЗНЫЕ

Скажу и я немножко о нём. С Альбертом Мифтахутдиновым я познакомил-

ся в 1983 году на Всероссийском семинаре молодых писателей в Магадане. В то время он работал то ли в газете «Магаданская правда», то ли в Магаданском книжном издательстве. Он попросил меня сделать построчный перевод с чукотского языка на русский какой-нибудь главы из моей рукописи, готовящейся к изданию. В 1984 году, когда уже была выпущена моя повесть «Потомки чаучу», Мифтахутдинов намеревался перевести её на русский язык. Но отправил я ему не подстрочник повести, а рассказ «Нож из прошлого» на русском языке, чтобы услышать его мнение – продолжать мне заниматься литературным творчеством или оставить его для более талантливых. Альберт Валеевич написал рецензию на тот рассказ, где говорилось: «Хотя и не прислал ты подстрочный перевод повести, но она запланирована на 86-й год, то есть сдать её надо в 1985-м, так что для перевода есть время. И я привезу её уже готовую тебе в Анадырь на автовизирование, то есть чтобы можно было написать, что перевод авторизован. Также принимайся за рассказы. Мне хочется, чтобы твоя книжка на русском языке была и полнее, и выглядела привлекательнее, и интереснее. Всего тебе самого доброго, до встречи, Альберт М. 13 апреля 1984 г. г. Магадан».

Я ПОСТОЯННО УЧУСЬ У НЕГО

И несмотря на то, что наши намерения так и остались на бумаге, т.е. не вышла та повесть моя на русском языке в переводе Альберта Мифтахутдинова, отношения наши никогда не испортились до конца дней его жизни. Наверняка он понимал, что, помимо литературного чутья, которым он, безусловно, сполна обладал, для хорошего перевода текста с

другого языка необходимо понимание мировоззрения оленного человека, главного героя моей повести, на чукотском языке, – иначе книга на русском языке, тем более авторизованная, будет совершенно другой. Кстати, одна моя молодая коллега одно интервью с носителем чукотского языка года два назад так и озаглавила «Не зная родного языка, не понять Чукотку». Я добавлю, не понять душу закоренелого чукчи.

И поэтому я сегодня, наверное, к удивлению кого-то, благодарен Альберту Мифтахутдинову за то, что он не перевёл на русский язык ту мою повесть. Ведь он не знал чукотского языка. Зато русскому литературному языку я постоянно учусь, читая его «Головы моих друзей» или другую книгу этого замечательного человека и писателя.

г. АНАДЫРЬ

Наша справка

Альберт Валеевич Мифтахутдинов родился 11 мая 1937 года в Уфе в семье военнослужащего. Закончил Киевский университет факультет журналистики, после чего приезжает на Чукотку в 1959 году, работает корреспондентом газеты «Советская Чукотка», позже – ответственным секретарём. Первый рассказ опубликован в 1963 году под названием «Я привезу тебе кактус». В 1967 году в Магадане выходит первая книга рассказов «Расскажи про Одиссея». Широкую известность в стране принесли книги «Очень маленький земной шар» (1972), «Аттаукай – похититель женщин» (1977), «Спроси заклинателей духов» (1982), «Закон полярных путешествий» (1986), «Время Игры в Эскимосский Мяч», «Самый маленький земной шар», «Воспоминание о Крабовой реке» и многие другие. Известен А. Мифтахутдинов и как автор сценариев телефильмов о Чукотке: «Встреча с Чукоткой», «Амгузума», «Перевал», «Сиреники» «Берег молчания» и других. Был членом Географического общества СССР. В 1970 году принят в члены Союза писателей. В 1984 году за заслуги в развитии литературы награжден орденом «Знак Почета». Был ответственным секретарём Магаданского отделения Союза писателей СССР, членом правления Союза писателей РСФСР. Умер в ноябре 1991 года, похоронен в Магадане.

Недавно в Сыктывкаре прошли гастроль Воркутинского драматического театра. Он предложил публике пять спектаклей для взрослых и два – для детей. Сразу же отмечу, что одна из «взрослых» постановок – а именно «Вечер» по пьесе А.Дударева – мной уже была просмотрена во время предыдущих гастролей коллектива в 2010 году – она оставила после себя впечатление великолепного актёрского ансамбля. Свои заметки о ней я тогда отправила в московское издание от Союза театральных деятелей РФ – «Страстной бульвар, 10».

Вера МОРОЗОВА

ТЕАТР

Нынешние размышления – от просмотра других спектаклей для взрослого зрителя.

«Театр за колючей проволокой» был создан в разгар войны, в 1943 году.

Среди тогдашних узников Воркуты находились актёры, певцы, музыканты. В их числе – бывший главный режиссёр

Большого театра Борис Мордвинов. В годы Великой Отечественной войны театр показывал 600 спектаклей и концертов в год, выпускал в среднем до 30 новых постановок и концертных программ. К 1948

году труппа насчитывала около 150 человек, среди них: актриса оперетты В.Токарская, впоследствии оказавшаяся в Московском театре

сатиры, певцы Б.Дейнека, Т.Рутковский. Особенной популярностью пользовались Б.Козин,

В.Головин, Т.Лещенко. Некоторое время в театре работал известный кино-

драматург и литератор А.Каплер. С 1951 – драматический. В ведение Минкультуры Коми АССР передан 29 апреля 1956 года. В настоящее время труппа насчитывает 15 человек.

Режиссёр Александр Павленко для постановки предложил вечную историю о том, как два человека нашли друг друга, но любовь не сложилась – эта история легла в основу пьесы А.Червинского «Счастье моё».

простой парень, который себя толком не знает, а начинает осознавать лишь по мере углубления знакомства с героиней, которая выбрала сначала его для того, чтобы родить ребёнка, потом полюбила, а потом отдала его другой.

Оформление художником-постановщиком Ольгой Бочка найдено из середины

ушедшего века.

Мебель, некоторые предметы быта на подмостках казались добротными, любопытными сами по себе, к некоторым из них хотелось приглядеться, потрогать. Возможно, если бы спектакль шёл на малой сцене, то есть в непосредственной близости от зрителей, он бы выиграл в произведённом впечатлении. И одежда героев той же эпохи опять-таки в ближайшем рассмотрении выиграла бы: для сценических костюмов одного фактора жизнеподобия недостаточно. Такие именно кители, юбки, платья

Главная героиня Виктория – парадоксальная личность: её поведение, её жизненная позиция при тех обстоятельствах, в которых она находится, со стороны объясняются сначала дурачеством, потом личными несчастьями, потом – не по возрасту мудрой прозорливостью и мужеством. Её партнёр – он в самом начале пьесы по ремарке имеет «глупый самодовольный вид» –

Сцена из спектакля «Счастье моё». Д.Максименко и О.Ковалёва. Фото С.Ахматгалесовой

могли носить люди, пережившие войну, – но сцена требует дополнительной выразительности, которая выявит их художественную ценность. Впечатляет лишь костюм, в котором пребывает Оскар Борисович (Антолий Аноприенко): жёлтые (!) брюки, хороший серый пиджак, трикотажный жилет – он выдаёт обладателя этих вещей как человека незаурядного, не похожего на других (его считают «из бывших», из дворян) – иначе стал ли бы он оформлять фиктивный брак с молодой пионервожатой для того, чтобы «покрыть её грех»?

Автор пьесы выводит на сцену всего четверых персонажей, но при этом использует приём «говорящего» портрета любимой наставницы героини, который висит у неё над кроватью, и Вика зачастую ведёт с портретом мысленные (слышные публике) диалоги. Постановщик Александр Павленко придумал для воркутинского театра приём портрета «оживающего»: исполнительница роли Лидии Ивановны (Валентина Аврамова) на протяжении почти всего спектакля сидит на своём рабочем месте директора школы сразу за стенкой кабинета анатомии, где проживает Виктория, – с одной стороны, такая организация сюжета любопытна. Двойной диалог с эффектом присутствия на сцене дополнительного персонажа создаёт неожиданные комические ситуации и многое проясняет во взаимоотношениях героев. С другой стороны – этот приём достаточно схематичен, поскольку не даёт возможности увеличить объём роли портретируемой во время её настоящего присутствия на сцене – наставница Виктории при личном разговоре с Олегом Борисовичем ничего нового в своём поведении и характере не обнаруживает. В образе Лидии Ивановны, одетой в строгий, защитного цвета

френч из жёсткого негнувшегося сукна, проступает главным образом субъект недремлющего тотального контроля. Именно отсюда некое раздвоение в отношении Вики к своей старшей подруге: она лихо вбивает анатомическим муляжом человеческого глаза гвоздь в табуретку (вот тебе, надсмотрщик! – сказал бы психоаналитик), а между тем по тексту роли неизменно демонстрирует трогательную привязанность к ней – строгой, но доброй и справедливой. А позже будет искренне горевать: Лидия Ивановна не переживёт служебных неприятностей, вызванных анонимным доносом. Этот «зазор» между текстом и действиями персонажей вызывает вопрос: на чём же основана привязанность к человеку, который вечно стоит над душой и дышит над ухом?

Актриса О.Ковалёва, играющая роль Виктории, пользуется в основном лирическими красками, не допуская никакой характерности, хотя она здесь необходима. У Червинского героиня – чудачка. Она юна, некрасива, иногда нелепа. Оксана Ковалёва в глазах публики женственна, мила и сексапильна. При таком раскладе возникает прочное ощущение, что этой героине очень легко соблазнить молодого матроса. В принципе – почему бы и нет? Но тогда и ребёнок для неё не проблема. И создание нормальной ячейки общества – тоже. Между тем, по мысли автора пьесы, желание Вики родить ребёнка в условиях послевоенного времени с её неказистостью (!) – это труднейшая задача. Она сирота, поэтому и замуж выходит за старичка, а ребёнок потому ею и запланирован, чтобы снова создалась потерянная в перипетиях времени семья. Здесь опять возникает в спектакле впечатление «зазора» – видимые «картинки» расходятся с услышанным текстом. Или

режиссёр поторопился с назначением О.Ковалёвой на роль, или ему не хватило репетиционного времени, или – спектакль уже «сошёл с рельсов»...

Актёр Д.Максименко, играющий курсанта, будущего дипломата, чьё будущее не захотела портить фактами своей биографии Вика, представляет нам открытого миру молодого человека, наивного, восторженного и взрослеющего как раз от общения с такой необычной девушкой. Она не перестаёт его удивлять, и, видя его озадаченность, Вика запросто им манипулирует. К финалу спектакля замечается: его личность на данном этапе жизни ещё формируется Викой, он ещё клянется ей в любви, но судьбы их непременно разойдутся.

Если оценивать спектакль в целом, то, возможно, он вызвал ностальгические настроения, дал нравственный урок, но не произвёл цельного художественного впечатления. С течением времени пьеса А.Червинского, написанная в 80-е годы XX века, начинает всё более обнаруживать свою идеологическую сконструированность, свойственную драматургии позднего советского периода. И воркутинская постановка 2010 года быстро выявила этот «моральный износ»: уже сейчас кажутся надуманными режиссёрские акценты, «пробрасываются» актёрские оценки, идут сплошными потоками жизнеподобные разговоры (причём, много текста просто пропадает – не слышно шёпота, например), которые, не обнаруживая скрытого смысла, отягощают впечатление от и без того набившего оскомину текста. Пьеса кажется пропитанной советской риторикой, которая характеризовала описываемую эпоху и тогда была естественной, легко рождавшей романтические порывы, – но театром не найдена (или

Сцена из спектакля «Звёздный час». Макс – Д.Максименко, Диана – Д.Шинигина. Фото В.Шендриковой

уже утеряна) адекватная нашему времени интерпретация таких плакатных порывов – в наши дни они воспринимаются гулким пустым эхом, не достигая сердечного отклика. Эту риторику не смогли преодолеть ни трогательность героини в исполнении О.Ковалёвой, ни великолепное мастерство В.Авраамовой, ни обаяние А.Аноприенко, ни непосредственность Д.Максименко.

Пьеса американского драматурга Кена Людвига «Одолжите тенора» (или «Звёздный час») – мировой коммерческий хит. Говорят, что в её основу положен реальный случай, произошедший в 30-е годы прошлого столетия в одном из американских оперных театров, куда приезжал на гастроли прославленный итальянский тенор. В силу стечения обстоятельств оперная знаменитость выйти на сцену не смогла. И тогда главную партию в гастрольном спектакле «Отелло» вместо знаменитости исполнил администратор местного театра – певец-любитель... Положение было спасено, но самое важное – никто, даже коллеги по сцене, не заметил подмены. Пьеса с успехом идёт по всему миру – причём, как в драматических, так и в музы-

кальных театрах (в жанре мюзикла). Воркутинский театр, а точнее, режиссёр-постановщик Алексей Зимин, не имея профессиональных вокалистов, нашёл остроумный выход из положения: во время исполнения (в великолепной записи) сольных или дуэтных партий на сцене гасится свет, и внимание зрителей переносится на экран – с изображением условного амфитеатра, на фоне которого появляются слегка намеченные тени поющих.

Главный герой пьесы Макс (Дмитрий Максименко) – простой «маленький человек», робко пытающийся заявить о себе, о своих мечтаниях, петь великие партии. И вдруг – такая удача! – встреча со звездой! Причём, знаменитый тенор вне сцены тоже оказывается самым обыкновенным человеком: он зависит от своей громкоговорительной жены, он любит плотно покушать, в конце концов, его мучают газы... При этом заезжая звезда без всяких просьб, сам (!) предлагает ему, начинающему артисту, дать урок вокала! И каким оказалось наслаждением петь с ним дуэтом, добиваясь совершенства, считавшегося абсолютно недостижимым!

Олег Лощихин представляет нам знаменитого итальян-

янского тенора Тито Мерелли, который свою известность принимает как данное, не кичится ею, но цену себе знает. Мастер-класс в его исполнении – от широты души талантливого человека, которому нет нужды держать в секрете свой опыт. Он учит тому, что петь нужно, отдаваясь целиком процессу исполнения, пропитываясь музыкой полностью, забывая обо всём суетном. В спектакле – в сравнении с текстом пьесы – урок Тито значительно сокращён – но суть, значимость урока не уменьшились. Возможно, потому, что сцена обоими артистами исполнялась очень серьёзно, я бы сказала – на исповедальной ноте. Два человека обрели друг в друге родственные души. Эта сцена очень важна для выявления того главного, ради чего задуман спектакль: настоящий талант не закрывает дорогу другим талантам, он щедр и великодушен. В финале он легко простит своему почти случайному ученику его самозванство, отлично понимая, какие перспективы теперь перед ним откроются. И хочется верить, что неожиданно-негаданно обрётённая Максимом известность – это аванс, который будет оправдан многократно.

Игорь Ковалёв играет директора театра Сондерса с великолепным комическим шармом – совершенно «пуленепробиваемым» человеком, который всегда умеет «сохранить лицо»: и когда вынужден давать на чай посыльному копейки, и когда слышит по телефону пренебрежительные известия, и в ту минуту, когда убеждается в том, что в номере гостиницы – «труп»... Изменит своей всегдашней уверенности он в тот миг, когда вдруг представит размеры своих убытков и уровень громкости оглушительного скандала в результате известий о кончине приглашённой звезды: сбросит с

себя имидж импозантности, в сердцах обругает «умершего», с озлоблением пнёт его ложе, забегает по номеру, не в силах унять охватившего отчаяния. Но в конце концов, и здесь найдёт выход из ситуации, снова окажется «на коне»!

Сцена принятия решения о замене одного тенора другим И.Ковалёвым и Д.Максименко играет исключительно тонко и выразительно: оба удручены, подавлены ситуацией, отвернувшись друг от друга, сидят на софе... Но вот – едва заметный поворот головы директора театра в сторону начинающего певца, затем откровенное его разглядывание, прикидка: сможет – не сможет?.. В какую-то секунду певец поймает его взгляд, сообразит, с какой целью шеф устал на него... Придёт в ужас от угаданного замысла, мысленно прокричит: «Нет!». Но Сондерс его опередит: «Да»!!!

Надо видеть, как пластически выразительно, с какой эмоциональной отдачей умеет играть комичное и Д.Максименко: как он ощущает себя полностью зависимым от шефа, с какой готовностью во всём его поддерживает, как впадает в шок, заметивши отсутствие «мёртвого» тела, как прячется от предстоящего выступления, трусливо оседлавши софу, обнявши её, вцепившись руками и ногами! О.Лощихин – Мерелли невысок и худощав, но в ярости должен быть по-итальянски непредсказуемым. Постановщики сочинили сцену его отчаяния после ухода жены с почти каскадёрскими трюками для Д.Максименко, на котором он вымещает свои эмоции. Надо отдать должное актёру – после нескольких впечатляющих падений и прокаток по полу он остался цел и невредим.

Дмитрий Максименко играл почти в каждом гастрольном спектакле – и всегда очень важные роли, всегда разные по характеру

исполнения. Но всё-таки его лучшая в данном сезоне, самая тонко и разнообразно отыгранная, самая сердечная роль – это роль Макса в «Звёздном часе», в которой у артиста с исполняемым образом сошлось всё – и возраст, и преданность актёрской профессии, и стремление глубже проникнуть в тайны мастерства, и наверное, какие-то общие личностные качества.

Женские образы в спектакле аккомпанируют мужским. На первом плане значится яркая, эффектно подающая себя жена Мерелли (О.Ковалёва), которая ведёт себя как настоящая мать-командирша: беспрерывно ругает мужа, откровенно его ревнует. Из-за того, что на некоторое время она сбежит от него, и случится вся кутерьма. Но её манера позорить мужа перед незнакомыми людьми осталась зрителями неразгаданной. Актриса оправдывает поведение своей героини специфическим итальянским характером – и поэтому говорит с лёгким акцентом. Но в данном случае вряд ли акцент оправдан: тогда и Мерелли должен иметь акцент? А он-то как раз и не

может себе этого позволить – его бы по акценту сразу распознали.

Ещё в спектакле есть свита, неизбежно сопровождающая актёров. Посыльный из гостиницы – жаждущий общения с артистами и прочими знаменитостями – всегда готовый им услужить, но всегда имеющий наготове фотоаппарат! Николай Шишигин играет суетливого, многословного, заполняющего собой, кажется, всё пространство сцены персонажа. Играл актёр человека, которого прогнать нельзя и терпеть трудно. В.Аврамова играет общественную покровительницу артистов, без участия которой не обходится ни одна премьера – она по-матерински опекает их, сглаживает возникающие стычки, и при этом всегда найдёт возможность продемонстрировать свою благороднейшую миссию, а также новый наряд. Исполнительница играет с лёгким юмором очень узнаваемый образ: эгоистические интересы её персонажа изящно и легко вуалируются интересами высокими, общественными. Г.Хаматнурова играет Мегги, подружку Макса, которая считает его самым зауряд-

Сцена из спектакля «Звёздный час». Директор театра – И.Ковалёв. Макс в костюме Отелло – Д.Максименко.

Фото В.Шендриковой

ным человеком и испытывает своими капризами. И даже попытается изменить ему, отдавшись обожаемому кумиру – Мерелли, а он окажется не узнанным ею в костюме и гриме Отелло всё тем же Максом. Макс простит её: любит!.. Актриса юна, миловидна, и она оправдывает проступок героини – ослеплённостью нафантазированным образом. Дарья Шишигина играет Диану, молодую певицу с выдающимися формами, которая не упускает возможности организовать самой себе «звёздный час» – она за полночь уверенно заходит в номер к знаменитости, веря в свою женскую неотразимость. И получает желаемое.

Хочется особо отметить: к сцене двойного обольщения похожих друг на друга артистов в костюмах Отелло – в разных комнатах, на двух половинках сцены параллельно друг другу – режиссёр подошёл очень деликатно, не польстившись возможностью привлечь зрителя интимными подробностями, хотя автор пьесы прописал эпизод «послевкусия» достаточно сочно. Зрителю достаточно было понять: в одном случае это известный способ заполучения продюсера, в другом – личное пожертвование кумиру. Сцена была решена в условном плане: герои скрыты гостиничной мебелью, экран фонтанирует фейерверком – и щекоотливую ситуацию спасает всесильный юмор!

Пьеса – классическая комедия положений, смешная, с туго закрученной интригой и неизбежным хеппи-эндом. Но её автору удалось «зацепить» очень значимую тему – тему творческого братства, которая интересна во все времена и очень многим людям – независимо от местоположения стран их пребывания на глобусе. Добавлю: она была великолепно реализована воркутинскими артистами.

Сцена из спектакля «За двумя зайцами». Проня – невеста (О.Ковалёва) и Мать – В.Аврамова.

Фото В.Шендриковой

Пьеса «За двумя зайцами» Михаила Старицкого в своё время была переведена с украинского языка самим А.Н. Островским. Возможно, оттолкнувшись от этого обстоятельства, памятуя о том, что пьесы знаменитого русского драматурга обычно начинаются не с завязки, а с широкой экспозиции, – постановщик воркутинского спектакля Артур Кочканян счёл возможным придумать вступление – оно прошло перед глазами зрителей ещё до начала текста пьесы. Под звуки незатейливого оркестра (композитор Д.Хаматнуров), в игре которого слышались кроме главной темы и уличные шумы, и колотушка сторожа, и скрипичные взвизгивания – передразнивания, и ещё какие-то глухие удары (возможно, это были приближающиеся шаги самой Судьбы) – из-за кулис выезжал фургончик с облезшей от погодных катаклизмов краской на боках. А его появление, как и процесс открытия занавеса, предварил проход перед занавесом человека, нацепившего на себя когда-то эффектную, а сейчас потёртую и пыльную накидку, нахлобучившего на голову знававшую лучшие времена треуголку, несущего в руке фонарь и какой-то

свёрток (А.Аноприенко). Он привычно бормотал про себя цитаты из знаменитых шекспировских ролей, потом развернул свёрток (это оказалась нарисованная афиша спектакля «За двумя зайцами»), царственным жестом разрешил открыться занавесу и напоследок – шутовски подпрыгнув, поклонившись публике, пообещал её развеселить: «Ха!»

Когда занавес открылся полностью, стали видны на чёрном фоне стоящие полукругом городские фонари, а из-за фургона начали появляться артисты кочующей труппы – уже в образах играемых персонажей. В том числе одна из героинь – богатая, но страшенькая Проня (О.Ковалёва) с жеманными манерами, странными для простого люда нарядами и причёсками. В том числе и хорошенькая Галя (Г.Хаматнурова), которая дарила своё внимание работнику Степану (Н.Шишигин). Обе они поочередно встретились с главным героем – прогоревшим предпринимателем Свиридом Голохвастым (Д.Максименко). Проня с первого взгляда была поражена стрелой Амура в самое сердце – так отличался Свирид от всех прочих парубков: заметный, ловкий,

Сцена из спектакля «За двумя зайцами». В ожидании жениха.
Фото В.Шендриковой

искрящийся энергией! А сам Голохвастый заинтересовался тоненькой как тростиночка, свеженькой как те яблоки, которыми торговала, – Галей. Между тем он объявил зрителям, что начинает грандиозную интригу, которая принесёт ему в случае успеха много денег, а значит, и желанную свободу выбора! В успехе он не сомневался, надеясь на свои природные мужские чары и приобретённую обходительность. Надо отметить, что действительно в исполнении Д.Максименко Голохвастый – прохвост, но прохвост очень обаятельный! И далее – сюжет начал разворачиваться, обрастать жизненными деталями, намеренно гиперболизированными подробностями быта и взаимоотношений героев – что естественно для жанра комедии.

Поскольку режиссёр заявил публике «спектакль в спектакле», то всякий эпизод получил дополнительное право выглядеть специально выстроенным – с почти эстрадной выразительностью – номером. Таких номеров, которые органично вошли в ткань комедии М.Старицкого, – много: и любовное объяснение между Проней и Голохвастым закончившееся за ковром, и

дуэт Прокопия Свиридовича (И.Ковалёв) с Явдокией Пилиповной (В.Авраамова) с поиском заветного ключика от бара в укромном местечке под юбками жены, и все сцены соревнующихся говорунов – Голохвастого с Лымарихой (М.Юлдашева), и подготовка к венчанию, и само разоблачение неудавшегося жениха... Интересно задумана роль служанки Химки (Д.Шишигина) – всегда встрёпанная, всегда расхристанная, – она неустанно что-то прибирает, споро выбивает ковры, развешивает бельё, что-то уносит и приносит, уморительно серьёзно (при этом смешно!) помогает снимать и надевать хозяину сапоги, и т.д. Её образу доверяешь: когда ей собою заниматься, если она всем нянька? Перед свадьбой молодой хозяйки Химка платья даже себе поменять не успела, только косичку цветочком украсила...

Но как же исполнена роль некрасивой Прони красавицей Оксаной Ковалёвой? В данном спектакле она придумала своей героине пластику такой кривляки, что Проня *кажется* зрителю непривлекательной. До поры. Потому что в сцене подготовки к венчанию, когда она приме-

ряет и демонстрирует наряд невесты, её нескладная героиня будто на глазах хорошеет от предощущения вечного счастья. И вправду – кого же не украсит ослепительно белое платье? Проня победительницей важно шествует вдоль зрительских рядов, губы не могут удерживать улыбки, глаза сверкают!.. Этот приём совершенно естественно укладывается в режиссёрский план. Контрастно дефиле следует сцена не случившегося несправедливого венчания – и все симпатии зрителей оказываются на стороне обманутой невесты.

Очень ценными в художественном отношении стали сцены действительно лирические, наполненные первым – чистым светлым чувством – между Галей и Степаном. Эти сцены идут контрапунктом другим – тем, в которых развивается сюжет «про любовь» исключительно по расчёту или проснувшейся страсти. Не ведающий искренности Голохвацкий девушек нисколько не ценит: цапает их, играет ими, разыгрывает, не страшась греха. Степан же – боится лишний раз дотрогнуться до своей Гали, бережёт её, не торопит ход событий. Одетый в простую рубашу, в фартуке мастерового, немногословный и основательный, он выигрывает в сравнении с модно разряженным цирюльником – речистым и развязным.

Спектакль получился озорным, сочным, круто замешанным на игровой стихии. Единственным диссонансом всему строю спектакля стали сцены с загулявшей Меронией (А.Алёшина), про которую в программке к спектаклю отмечено, что она «живёт при монастыре». Наряд с белой накидкой призван охранять её целомудрие, но искушение оказывается сильнее. Её, как бабочку на огонь, влечёт сокрушающий всякие преграды грех, она с удовольствием преда-

ётся разврату. По М.Старицкому, в доме у Лымарихи должно быть больше персонажей, но в спектакле их роли сокращены, поэтому Мерония отвлекает на себя неоправданно много внимания. Между тем функциональное предназначение кумы Лымарихи всего лишь в том, чтобы раскрыть коварство жениха. Тогда явная сатира – и только по

художника Ольги Бочка, который раскрывался и снова складывался подобно конструктору, обнаруживая самые разные места действия для героев, стал, по сути, производственным станком для игры артистов. Задумка показать старую классическую комедию в трактовке кочующей труппы дала возможность по-новому, свежо и эмоционально

рая, всех понимающая нянька, а с нею немолодая восторженная мама заглавного героя, во-вторых, ещё юношески непримиримая, но уже не по возрасту мудрая Соня, и в-третьих, все другие персонажи среднего возраста, долженствующие активно преобразовывать мир. В любом театре традиционно назначается на роль доктора Астрова самый импозантный актёр – так повелось ещё с первой постановки в Московском художественном театре, где Астровым был сам Станиславский. И в известном фильме режиссёр А.Кончаловский роль доктора отдал Сергею Бондарчуку. В воркутинском спектакле Астрова играет актёр Н.Аникин, которого сразу представляют нам настоящим работягой, тружеником, – он в запylённой одежде, в сапогах и – не писанный красавец. Но оказалось, что текстом Чехова такое назначение на роль вполне оправдано! Из разговора с нянькой выясняется, что за годы знакомства с их домом он постарел, изменился и никого не любит. По ходу действия нам ещё предстоит узнать, что он всё-таки полюбил, но не добился ответного расположения. Впрочем, это обстоятельство его не собьёт с пути. Он лишён всяких иллюзий, он скрытый циник – от глубокого знания жизни и особенностей человеческой анатомии, – потому будет жить и работать дальше – столько, сколько отмерено.

Другое дело – мне показалось, что роль Астрова для Николая Аникина пока ещё «навырост»: ему будто не хватало эмоциональной широты дыхания, простой уверенности в праве играть роль подобного масштаба. В любом случае, Астров – это планка, которая может спровоцировать на новые высоты.

Астров с Войницким в этом театре представляют несколько комичную пару,

Сцена из спектакля «Дядя Ваня». Астров – Н.Аникин, Марина – Д.Шиишгина. Фото В.Шендриковой

отношению к одному этому образу, – скорее всего, излишня.

Заканчивается спектакль так, как и должно: очень быстро оправившийся от неудачи цирюльник встанет к своему рабочему креслу, а горожане начнут заниматься своими делами. Они преподали охотнику за чужими деньгами хороший урок. А потом все снова предстанут артистами, отыгравшими спектакль по пьесе М.Старицкого. Круг, намеченный постановщиками, сомкнулся. Из гастрольной афиши данная работа мне показалась самой гармоничной: в ней Артуру Кочканяну удалось удивительно естественно сплавить в единое целое пластическое решение пространства с музыкальным сопровождением и актёрским исполнением. Фургон

оценить её героев, их жизненные предпочтения.

Закрывались гастрольные премьерные спектакли «Дядя Ваня» в постановке Амана Кулиева. Художник Владимир Дубровский выстроил на сцене провинциальную многокомнатную усадьбу, и зритель видел мощные, потемневшие от времени подпоры, остов дома, но и замечал, что у дома нет ни стен, ни крыши. Время, эпоха свободно проникали в открытые пространства помещения. И в подтверждение этому режиссёр ввёл в спектакль кадры документальной кинохроники, которая затем настойчиво сопровождала всё действие: с ретроспективой от царского правления страной до руководства ею деятелями перестройки.

В спектакле три поколения героев: во-первых, ста-

хоть и хорошо понимают друг друга. Астров – великан, дядя Ваня (О.Лощихин) – юношеской комплекции. Мало того, что он субтильного телосложения – он и натуру имеет тонкую, ранимую. Уязвлённый равнодушием к нему Елены, снисходительным отношением со стороны Серебрякова, – он ёрничает, поддразнивает обидчиков, а у самого сердце кровоточит... Дядя Ваня получит в одно время несколько «подножек» сразу – от Елены, которая решительно отвергнет его любовь, – и от профессора, который попытается отобрать у него то, чем он жил больше десяти лет, – их родовое имение. После отъезда Серебряковых вряд ли он оправится от удара: зритель прощается с ним, когда Соня (Пульнара Хаматнурова) утешает его точно ребёнка.

После знакомства с репертуаром воркутинского театра естественно было предположить, что Елену Сергеевну будет играть Оксана Ковалёва. Так и случилось. И это вполне оправданно – в любом театре её героиня должна быть центром притяжения. Другое дело, что по воле режиссёра жена профессора вынуждена бродить по дому, картинно обмахиваясь платочком, картинно любуясь видами, демонстрируя наряды. Будто она должна казаться отрицательной героиней. Нет, она ею не стала. Актриса очень убедительна в сцене ночной ссоры с Серебряковым, в сцене объяснения с Соней, в сцене признания Астрова. В спектакле показано, что она ещё до его признания сама им была заинтересована и могла мечтать о более близком общении. Но Елена так воспитана, что не позволяет себе идти дальше мечтаний. Последний поцелуй с Астровым возможным стал только по причине их с мужем из этого дома отъезда – бегства.

Профессора Серебрякова

играет Анатолий Аноприенко – играет человеком, привыкшим быть везде «на первых ролях», имеющим в глазах окружающих блистательный «фасад», умеющим выгодно себя подать. Самое первое его появление на сцене обставилось с тождественностью выезда кого-то из царской семьи. Он – первый, а свита – в некотором отдалении. Она почтительно ждёт, пока её кумир произнесёт несколько приличествующих случаю вежливых фраз. И только самые близкие знают, каким он бывает невыносимым, капризным, жестоким. В полной мере это выясняется в ночной сцене, когда он снимает с себя скорлупу парадности и оказывается немощным, больным, откровенно старым человеком. Когда в бессилии своём готов жене голову свернуть. А вот дядю Ваню в гнев он и сам боится – тот и с кресла его столкнул, и волчком по полу провернул – а Серебряков лишь жалобно попросил увести его в другую комнату. Но по настоящему он слушается только няньку (Д.Шишигина): она никого не делит на плохих и хороших и всегда знает, как человеку помочь. Серебряков – из тех, кто считает, что все ему должны, что он благодетельствует людей

одним лишь присутствием в их жизни. Углублённому в книги, и жизнь ему видится по-книжному. Кажется, он так и не понял, за что обиделся на него брат его первой жены: он же придумал великолепный план по повышению доходности! Так красиво подвёл проценты! А жизнь оказалась объёмнее и многослойнее умозаключений профессора. И он бежит от этих странных людей, которые безо всякой выгоды пытаются разводить леса, суетятся по поводу какой-то пустоши, думают о тратах постного масла – как далёк Серебряков от этого мелочного мира! Как высоко он занёс себя в самооценке! Потому так важно и значительно (и комично!) он поучает остающихся в имении: «Дело надо делать, господа!»

Остаются в усадьбе те, кто сросся с ней, кто другой жизни не представляет. И в первую голову Соня – у которой не только дядя Ваня теперь на руках, но ещё и постепенно скатывающаяся в бездну одиночества бабушка (В.Аврамова), и нянька, у которой уже «ноги гудут», и трогательно-услужливый Вафля (Н.Шишигин), которого тоже нельзя назвать вполне самостоятельным. Ей ещё нет и 18, и сердце разры-

Сцена из спектакля «Дядя Ваня». Серебряков – А.Аноприенко, Елена – О.Ковалёва. Фото В.Шендриковой

вается от безответной любви, а она вынуждена других утешать, ободрять, призывать к терпению и смирению... А где-то рядом (далеко, почти в параллельном мире!) будет лечить людей доктор Астров, которому по ночам будет сниться Елена

слова не произнёсшей женщины в белых одеждах (А.Алёшина) с укрытым вуалью лицом. Не успевши заглянуть в программку к спектаклю перед его началом, я посчитала, что, может быть, это Тень первой жены Серебрякова? Она как будто

Сцена из спектакля «Дядя Ваня». Войницкий – О.Лощихин

Сергеевна – по мужу Серебрякова.

В памяти зрителей останутся красивые костюмы, сшитые к спектаклю, – они выразительны сценически, помогают раскрытию образов. Платья в пол, с лёгким шлейфом – они подчёркивают и зрелую красоту, и намечают девичью прелесть. Платья эти белого цвета, потому что предназначены для совершенных, чистых представительниц женского пола. Прекрасно сидит на Марии Васильевне её нарядное голубое платье: ей важно соответствовать статусу зятя-профессора. Хорошо сшитые смокинги, простые летние костюмы для мужчин, бархатный пиджак для Телегина, отдельно – белый костюм для Астрова, даже богатая складками широкая юбка няньки – всё радует глаз, современно смотрится.

Чего я не сумела распознать – это бродившей в пространстве сцены и ни

кого-то от чего-то предостерегала, оберегала, быть может, Соню... А моя соседка подумала, что это Смерть, поджидающая кого-то. Программка разъяснила: Мечта... Функцию этого персонажа зрители сначала пытались разгадать, потом смирились с его существованием безропотно. Тем более, что Мечта никому, в сущности, не мешала, незаметно и тихо ушла. И этот режиссёрский приём с условно невидимым персонажем, и другой – с включением в ткань спектакля экрана с кинохроникой – скорее дань моде, так как кроме ложной многозначительности эти приёмы ничего не добавили к пониманию сути. Даже наоборот – то и дело пытались увести от неё. И без подобных «спасательных кругов» зрительского внимания из арсенала клубных мероприятий постановка ничуть не потеряла бы в плане художественном.

Воркутинский театр славился актёрами всегда. Труппа ищет, находит и воспитывает преемников. За последние несколько лет заметно окреп талант Оксаны Ковалёвой, Марины Юлдашевой, появилась претенденткой на главные роли Гульнар Хаматнурова. Из мужской части труппы уверенно заявляют о себе Дмитрий Максименко, Олег Лощихин, Николай Аникин. Я уж не говорю об опытных Валентине Авраамовой, Анатолии Аноприенко, Игоре Ковалёве, Викторе Ножкине – они ведут за собой. Непостижимым образом тени уже не играющих на воркутинской сцене – острохарактерной И.Шварцберг, признанных красавиц Е.Самохиной и А.Ложкиной (список можно продолжить!), азартной С.Фетисовой, интеллигентнейшего Г.Щербакова, всегда естественного и глубокого А.Королевского – остаются на воркутинской сцене и какими-то отдельными пронзительными нотами отзываются в нынешних артистах. Гастроли подтвердили репутацию воркутян. Аншлаги на каждом спектакле, ежевечерне цветы и подарки от зрителей. Были замечены и самые настоящие фанаты, которые посмотрели все пять взрослых спектаклей. Дважды за гастрольную неделю замечен был в зрительном зале Глава Республики Коми В.М. Гайзер, а с ним и члены правительства, и депутаты Госсовета, отдавшие театру своей молодости (юности, детства) дань восхищения и уважения. Скорее всего, это бывшие воркутяне или жители тех районов, к которым театр часто ездил на гастроли и воспитал, взрастил таким образом *своего* зрителя. Секрет прост: театр всегда учитывает интересы публики, дорожит этим интересом, заботится о *своём* репертуаре, и актёры играют самозабвенно, эмоционально-щедно.

...Несколько лет назад мне доводилось писать об этом коллективе. Тогда материал назывался «Новые перспективы воркутинской драмы», и в нём говорилось, что перспективы эти проявились отчётливо с назначением на должность главного режиссёра уроженца Баку Тимура Насирова. Фантастически талантливый «Айболит», родившийся из актёрских импровизаций, чистый эксперимент «Зима», — когда зрители сидели на сцене и смотрели спектакль, происходивший в зрительном зале, а ещё классически выстроенная «Поминальная молитва» — эти спектакли позволяли считать, что случился некий прорыв в будущее театра. Сегодня — после ухода Т.Насирова из театра — явственно заявляет о себе устоявшаяся постановочная программа с прицелом на привычный воркутинскому зрителю набор: кроме положенной классики — захваты-

накладно, да и притирки могут быть непростыми с труппой, да ещё и требовать будет чего-нибудь постоянно!), поэтому без творческого лидера театральная стратегия выстраивается лишь с расчётом на кассу. На кассу — читай: без прицела на перспективу.

Исключая спектакль «Дядя Ваня», которому посчастливилось выиграть грант Главы РК, все другие — малобюджетные (особенно это сказалось на «Звёздном часе», который предполагал *номер-люкс* для мировой знаменитости и явно более мощную поддержку мультимедиа проекцией). По одежке протягивается Ножкин (позволю себе обыграть фамилию директора театра). И это обидно — потому что привычный театру контингент публики стареет, поколение потенциальных зрителей меняется, — а для них зрелищность не может сейчас сбрасываться со счетов,

заинтересованных в театре потенциальных инвесторов. Но самое главное — *приглашённая режиссура* за короткие сроки создаёт постановочное решение лишь на уровне обозначения сценического образа *места и времени* действия. Такая система театральной декорации сохраняет привычную бытовую связь явлений, что часто приводит к натурализму, иллюстративности. Сейчас все современные перспективы связаны со *сценографическим решением* игрового пространства, которое предполагает не только представление предметной среды, света, костюмов и грима, но смысловое и физическое *взаимодействие* этого пространства с актёром-персонажем. И тогда не один «голый» артист должен будет публике «с потрохами забирать» — а само играющее, живое пространство сцены будет его поддерживать. Подобное пластическое решение наблюдалось лишь в спектакле по пьесе М.Старицкого и проявило себя в «Дяде Ване». Такое возможно лишь при плотной и долгосрочной поддержке участвующих в постановке, подпитывающих друг друга творческими идеями режиссёра и художника. Конечно же, большое значение имеют в этом процессе возможности самой сценической площадки, которая у воркутинцев пока находится в стадии ремонта. Но Тимур Насиров ставил на той же сцене! Режиссура к тому и призвана, чтобы использовать весь потенциал имеющегося оборудования, предлагать и добиваться необходимых для творческого процесса усовершенствований, а главное — видеть дорогу и ставить цели, желательно уводящие от провинциальности. Предлагать же *темпоритм* движения — это уже прерогатива административного руководства театром.

г. СЫКТЫВКАР

Сцена из спектакля «Дядя Ваня». Елена — О.Ковалёв, Соня — Г.Хаматмурова

вающий интригой сюжет, популярные комедии и мелодрамы, а также нечто ностальгическое по советским временам. Это и понятно: главного режиссёра нет (найти непросто, да и

её отсутствие уже не закроет собой талант и темперамент актёра. Все понимают, что «качество картинки» во многом зависит от средств, выделяемых на постановку. В некотором смысле — от

Александр ЛАТКИН

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Вспять устремиться
(вдруг) найти ответ терза-
ниям, решившись, покой
обретя, сладко заснуть.

Осень выткала рыжий
ковёр и на следующий день
белым-белым покрыла крас-
ное. И горит-догорает
костёр прожитого напрасно.

Как НАДО – БОГ! Как НЕ
НАДО – Дьявол! Как НЕ
НАДО – знаем, как НАДО –
нет!

От усталости умрёт
Любовь, если не уйти в горы
вовремя. И, если она дождёт-
ся или не дожждётся, ты спу-
стишься в Долину достой-
ным.

Мечта слишком смела –
на грани иллюзий. Мудрость
– пассивна – на грани пусто-
словия. Ленивость трудна –
на грани «проспать до
конца». Водка поможет
забыться, но лишь до утра...
Впрочем, иллюзий не строй.
И всё, что сказал я тебе здесь,
– улыбнись и забудь!

За день очень потруди-
лись птицы – во сне покачи-
ваются.

Что есть любовь?
Влечение плотское в основе,
с высокой главной целью
высших сил – свой – род
продлить и вновь родиться в
хорошей дали промчавших-
ся веков.

Яркая луна «застряла» на
юге меж гор. На сотни вёрст
нет людей. Тучи на севере
серо-белым плащом укры-
вают Перевал. Изморось
пала на травы – серебристая
зябкость.

У Бога Амикуна прошу
простить мне безбожную
жизнь, что пронизана
ложью, что несчастна она,
что мигом прошла, не
сорвавшись с Креста... У Бога
прошу прощения!

Уж коли мудр – молчи!
Мудрость вызывает непри-
язнь и опасения. А жизнь тво-
рится в темноте и в духоте
счастливого удушья, и этой
правды мудростью не побе-

дить богоугодную греховность! «Скрывайся и таись!» – твоё орудие и опора: «Уж коли мудр – молчи!»

Хотя... Останется в веках лишь то твоё, что для чужих своё.

Никогда, Наталья! Никогда вы не умрёте. И, как всегда, аллеей той пройдёте. И канете опять в таинственное никуда. По той аллее Пушкин хаживал, по вам вздыхая, замыслив дерзкий свой вояж в каминную трубу... Сто лет прошло! ...Ещё сто лет проходит. И лунной ночью призрачно-туманно чудесный силуэт скользит, мелькнёт среди деревьев вековых и канет, перчатку обронив на листья жухлые столетий.

С детства рисую Воздух – мне всегда его не хватало, когда от скал Ангарры и в водах глубочайших горных озёр Солнце играло. И когда спор, и побоище, или простой разговор, или моторов рёв, рисую Воздух, Воздух рисую.

Мы одинаково приходим. Проживаем одинаково. Одинаково уходим. И себя как все хороним... Но по-разному взрослеем.

Они умеют с Разумом Всеобщим вести беседы и вопрошать Судьбы движения мельчайшие, людей проглядывать и их поступки, и связь людского с сущностью зверей... И многое другое. Но есть ли смысл? Какая польза от того, что убивает сокровенные надежды?

Наш бригадир боится не Её! Что может женщина?! Он боится Пустоты, где некого бояться, и нет Её. И ещё он боится научиться не бояться, то есть медленно умирать.

Обречён я был на успех. На грани так внезапно спохватился. И рад безмерно! Рад, что не было меня того, к чему упорно я стремился. Хоть в чём-то повезло.

Книги. Телевизор. Газеты... Себя же поймал на слове и

вскинешься: да что Вы пугаете Смертью меня?! Бывало похуже и туже. Да и есть дела поважнее: скоро пахать огород.

Закрыт Перевал. Тучи влажно легли на отроги, спутав планы и сроки. Дышать трудно. Лица едва различимы. Подходим к отогутабору. Есть дрова! Каждый путник, по силе, тащил сюда топливо для других неизвестных на случай пурги.

Мы не спешим – все без семей и без рода... А старику? Угрюмо молчит. По нём внизу, он верит, внуки скучают. А тут разговор... и светлось всё к удаче. И все согласились, прихлёбывая чай с облачной влагой. И только старик вдруг сказал:

– Таёжника счастье, отнюдь, не в удаче. – Он мудрый, бывший райкомовец и зэк 20-54-8, взглянув на огонь, и тихо закончил: – Было б куда возвращаться!

Земля после дождя пахнет чистотой жизни. Я пьян слегка, опасно пьян бесмертием. Я замер перед сосновым лесом, пребывая в вечности движения. Вот почему тишь предательски мудра: вот ты есть и вот тебя нет. Вот твоё рождение и вот твоя смерть. И они слиты между собой прочно до того мгновения, когда твоё сердце, только-только начавшее биться, уже останавливается, перегнав тонны алой крови. И ты, человек, отбив какое-то мгновение вечности, уйдёшь дальше, самодовольный до самого края жизненного мгновения. И ни за что не заметишь, что трухлявый пенёк, срастаясь с почвой, кряхтя и чуть дыша, печально усмехается.

село Старый Уоян,
Республика Бурятия

6 ноября 2012 года в Герценке была проведена презентация представленного опуса Василия Андреевича Старостина «Книга Вятских родов».

Это название само по себе ошибочно, потому что на нашей планете существует только один человеческий род HOMO SAPIENS. Но даже не это самое главное.

В журнале «Новый мир» (1971, № 10) ещё в период, когда его главным редактором был А.Т. Твардовский, появилась интереснейшая статья Владимира Павловича Эфроимсона «Родословная алыгтруизма» (Этика с позиций эволюционной генетики человека).

Квинтэссенция статьи В.П. Эфроимсона состояла в том, что для столь сложной сферы человеческого духа, какой является этика, он убедительно показал, что и она формируется под влиянием не одной только среды (в данном случае социальной), но имеет и свою важнейшую наследственную компоненту.

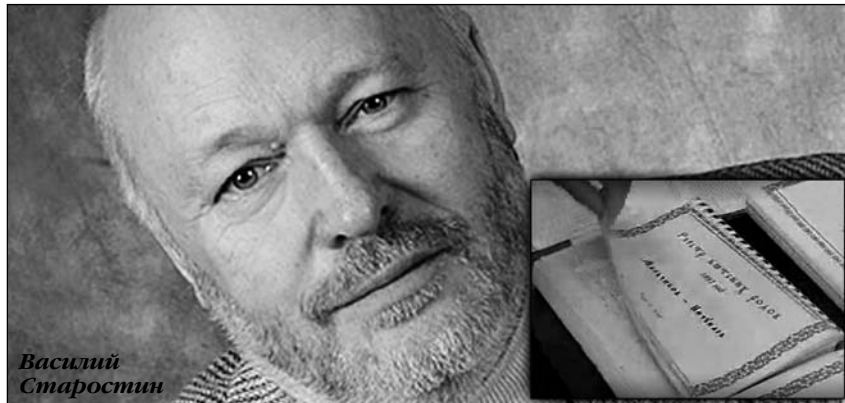
Вот что он писал:

«Бесчисленные мыслители приходили к выводу о существовании в человеке какого-то начала, заставившего из века в век (нередко вопреки всему, что пытались заложить в него воспитатели) подниматься на борьбу со злом даже при ничтожных шансах на победу, и тем самым признавали в человеке врождённое существование доброго начала.

Но имеются ли хоть какие-либо основания для таких признаний?

Уничтожение десятков миллионов людей на фронтах и в лагерях во время двух мировых войн, массовые расстрелы гражданского населения, бомбёжки мирных городов, истребление пленных голодом, холодом, болезнями, безнаказанность военных и гражданских преступников, возникновение новых очагов войны внушили многим мысль, что агрессивность, эгоизм и хищность – природ-

НАГЛОЕ ВОРОВСТВО

ные, неискоренимые свойства человечества в целом.

Обыватели и обслуживающие их писатели, художники, артисты, деятели кино прониклись этим же мировоззрением без особой помощи учёных. Идеологи (отнюдь не бескорыстно) способствуют распространению подобных взглядов, ибо видят в них надёжный способ противодействия объединению людей для борьбы за общие интересы.

Но самая худшая ложь – это неполная правда, и недаром английская присяга суду формулируется: *клянусь говорить правду, всю правду и ничего кроме правды.*

Теория, выводящая всё поведение человека из его созданного отбором абсолютного эгоизма, подкупает своей простотой и логичностью.

Действительно, по О.Уайльду, «любовь к самому себе – это единственный роман, длящийся пожизненно».

Но эта теория естественного эгоизма сталкивается с фактами массового героизма и самоотвержения, с существованием героической верности своему долгу, стойкого чувства товарищества в самых тяжёлых условиях и с быстрым массовым возрождением общечеловеческих этических принци-

пов почти сразу после снятия тех исключительных форм подавления, которые сделали совершенно невозможными их претворение в жизнь.

Идея справедливости обладает необычайной способностью к регенерации, она подобна фениксу, возрождающемуся из пепла.

Одной из особенностей человека и человечества является любопытство и жажда знания, обрекавшая немалое число особенно одержимых этой жадой людей на жертвы и лишения. Эту жажду можно счесть противоестественной, тем более что овладение знаниями часто не помогало, а скорее мешало их владельцам выжить и тем более оставить побольше потомства.

Те, кто имел мужество идти дальше уже общепризнанного или смело думал о недозволенном, гибли во все века.

Поражает воображение быстрота, с которой завоевали доверие миллионов, десятков и сотен миллионов людей религии и учения, выступавшие под флагом человечности и справедливости. Поражает воображение длительность власти этих религий и учений.

Очевидно, они находили резонанс в уме и чувствах

подавляющего большинства людей всех времён и народов.

Если религии сохраняют поныне свою власть над сотнями миллионов, то это в немалой мере объясняется тем, что церковь эксплуатирует свойственное человеку, но часто поруганное чувство справедливости.

Ведь и социальные процессы и тенденции, направленные на поиски справедливости, при всей своей специфичности не только не противоречат основным биологическим свойствам человека, но и, наоборот, соответствуют некоторым сторонам его сложной биологической организации.

Когда ослабевает петля материальной нужды, воспитателем преступности, подчеркнём это снова, может стать зрелище безнаказанного хищничества, паразитизма и торжествующего зла.

Воспитываемые примером зла и несправедливости гангстеры, подводимые и не подводимые под уголовные кодексы, не скоро переведутся.

Но свидетели зла могут становиться и его приверженцами и противниками.

И нелегко будет ещё найти то внешнее событие, воспитательное воздействие которого окажется по своей направленности решающим и пока ещё «нейтрального» ребёнка или юнца повернёт к правдоискательству, злу или безразличию.

Но подлинный поступательный ход истории, её истинный прогресс создаётся отнюдь не тираническими фигурами, не злодеями, шагающими по трунам, а тружениками, которые работают, кормят и чаще черепахиными шагами, а иногда и скачками творят необратимое – добавляют в сокровищницу человечества всё новые и новые крупицы знаний, умений, мыслей, идей.

Именно эти миллионы тружеников, продолжателей человеческого рода, храните-

лей и передатчиков наследственных задатков гуманности определяют прогресс человечества.

Это поможет осознать, что туманные, неясные душевные побуждения, что та совесть, от которой ради житейского успеха в эксплуататорском обществе нужно, отречься как можно скорее, на самом деле является непреложным фактом нашего существования, саморегенерирующим свойством, несущим в себе и награду, и расплату за поступки человека.

Человеку ценой миллиардов жертв, жестоким естественным отбором досталась способность мыслить, различать добро и зло.

Он должен всегда и во всём быть судьей своим собственным делам, сознавать, что за свои поступки всегда отвечает он сам.

В 2007 году вышла книга – Е.В. Балановская, О.П. Балановский «Русский генофонд на Русской равнине». Ещё ранее, в 2000 году, в Екатеринбурге вышла «Уральская родословная книга. Крестьянские фамилии». Они есть в Герценке.

Особенность этих книг – собирание воедино не только сведений о разных землях, но и данных разных наук: генетики, антропологии и лингвистики. Каждый из разделов этих наук даёт независимые свидетельские показания об изменчивости русского генофонда. Причём каждая наука, каждый очевидец представляет целый ворох свидетельств – изменчивость множества признаков.

Едва ли не важнейший свидетель – физическая антропология. Именно работа антропологов [Происхождение..., 1965] была первым исследованием русского генофонда, проведённым под руководством Татьяны Ивановны Алексеевой и Виктора Валерьяновича Бунака.

Кстати, мало кому известно, что В.В. Бунак во время Великой Отечествен-

ной войны был эвакуирован в наш город и работал в Кировском зооветеринарном институте (теперь – Вятская сельскохозяйственная академия). Сведения об этом не так давно удалось обнаружить в архиве академии.

Лишь полвека спустя генетики смогли добавить к этому свои данные.

История сложения народов часто сложнее интриги хорошего приключенческого романа. Чтобы её распутать, нужно множество исторических источников, множество очевидцев, каждый из которых свидетельствует о той или иной стороне событий.

Чисто теоретически генетика – хороший свидетель. Гены как зонды, пронизывая весь пласт истории, доносят до нас сведения именно о наших предках, именно о тех группах населения, которые смогли передать свои гены из прошлого вплоть до современности, о тех, кто не затерялся на перепутьях истории, а сумел передать эстафету генов вплоть до наших дней.

Генетика всё чаще выступает свидетелем исторических событий, создавая особого рода исторический источник. Однако надёжность её свидетельств зависит от достоверности исходной информации.

Основатель геногеографии Александр Сергеевич Серебровский настаивал на том, что она является наукой исторической, а не биологической!

Не случайно, что вопросы истории народов всё больше занимают умы генетиков, особенно в стремительно развивающейся молекулярной генетике.

Для чего я это пишу?

Надо понимать, что сегодня для развития страны требуются работы с серьёзным анализом.

Что же представляет собой работа, выполненная В.А. Старостиным?

В 1891 году в Вятской губернии проводилась пере-

пись лошадей и землевладений. Точнее, эта перепись, которую иногда называют военно-конская, проводилась в разных губерниях России с 1891 по 1895 год.

Так вот, Василий Андреевич трудолюбиво переписал оттуда все крестьянские фамилии. Отмечу, что никаких вятских фамилий тоже нет, как нет пермских, иркутских или ещё каких-либо. Это доказано опубликованными историко-генетическими исследованиями.

Было бы действительно, наверно, полезно составить географический указатель фамилий Вятской губернии, непременно вставив туда фамилии мещан, дворян, священнослужителей и вообще всех категорий населения. Это был бы хороший справочник, полезный для ряда исследователей и краеведов.

Однако выдавать то, что сделал Василий Андреевич, за какое-то новое слово в науке, в краеведении – это явный перебор, особенно в свете быстрого развития историко-генетических исследований, о которых уже сказано.

Вообще вопиющее дилетантство процветает почти везде у нас пыльным цветом.

Недавно принимал участие в научно-практической конференции по Отечественной войне 1812 года. Так вот, добрая половина опубликованных докладов содержит ссылки только на источники ИНТЕРНЕТ. Никакой библиографической проработки материалов исследований не проводилось. В Герценке есть замечательная библиография изданий о войне 1812 года, изданная в 1912 году, так ею никто, кроме автора этих строк, даже не воспользовался. На этой конференции работала секция «История костюма и художественные образцы эпохи 1812 года». Не знаю, что там было представлено, но уникальные издания в фонде редкой книги Герценки по этой теме

так и остались невостребованными.

Почему?

Да потому, что отсутствует привычка к библиографической проработке тем у профессорско-преподавательского состава. Что же тогда говорить о студентах? Их просто никто этому не учит. Я же прекрасно вижу это при работе в архивах.

И кому их учить?

Совсем недавно вышла книга нашего известного, очень плодотворного на книги, доктора наук и профессора В.А. Бердинских под названием «Россия и русские». Странно, но в ней не указано, что это уже не первая книга автора под этим названием. Ну, это ладно, в этом можно винить редакцию. Однако в ней отсутствует библиографическая проработка заявленной темы. Вообще не упоминается книга «Русский генофонд на Русской равнине», в которой много места уделено обстоятельному анализу этого вопроса. Только в последнее время вышло ещё немало и других серьёзных исследований по этой теме. Они тоже не упоминаются.

Всё нашим доктором и профессором пишется по наитию, но для чего? И для чего? Что даёт такого рода литература для просвещения и науки?

И, задумайтесь, разве будут студенты посещать библиотеки и напряжённо заниматься изучением предметов, если их преподаватели этого не делают, удовлетворяясь их рефератами, скачиваемыми с ИНТЕРНЕТ?

Конечно, это не единственная проблема современного образования, но одна из серьёзнейших проблем.

Так что пустые читальные залы библиотек в дни экзаменационных сессий – это следствие безобразий в системе образования. И не нужно пытаться обвинять в этом сотрудников библиотек, большинство которых беззаветно трудится, не

смотря на нищенскую зарплату. Что они могут сделать при такой безобразной системе образования в стране?

И возможна ли модернизация экономики страны при таком качестве образования?

В этом году проводился конкурс «Вятская книга – 2011». Когда я смотрел выставку книг, представленных на этот конкурс, то кроме горести ничего не испытывал. Каждый год качество подготовки изданий падает. И это, увы, не только моё мнение. Помню, как мучился Е.Д. Петряев при издании своих книг. Тогда полиграфические возможности наших типографий были очень ограничены. Сегодня они широчайшие, но качество подготовки изданий не выдерживает никакой критики. Хорошие издания просто единичны. При этом блестящее издание книги Т.А. Дворецкой «По следам музея» жюри отмечено не было. Я внимательно прочитал положение о конкурсе «Вятская книга – 2011», не знаю только, читали ли его члены жюри, список которого так и не был опубликован. Там, например, написано, что издание, представляемое на конкурс, должно соответствовать издательским стандартам. *Даже по одному этому требованию не должны были даже рассматриваться почти все издания, отмеченные жюри призами. Этому требованию соответствовала книга Т.А. Дворецкой, но она отмечена не была.*

В то же время этому требованию, например, совершенно не соответствовала «книга», представленная С.А. Касановым. Мало того, что она не соответствует издательским стандартам, но она вообще не была отредактирована. А самое главное, что это не издание, а три подготовленных макета. Никто рукопись не тиражировал, и жюри должно было об этом знать. И, несмотря на это, её премировали.

Была премирована, например, книга «Земля Сунская», в которой приведено немало давно устаревших и неверных исторических данных, а результаты последних исследований местных краеведов даже не упомянуты.

Кому нужно такое издание? Школьникам? Да оно написано так скучно, что те её читать не будут. Просто были выделены деньги на издание и тем, кто ближе к руководству района, захотелось зарабатывать, а толку подготовить полезное издание не хватило.

За что же эти номинанты были премированы?

И что это за таинственное жюри, которое не могло в этом разобраться?

Недавно было издано богато иллюстрированное издание «Город ковал Победу». Опять его поручили нашим писателям и журналистам во главе с Ситниковым и Смолиным, ну те; и наполнили её ложным пафосом из газеты «Кировская правда» военных лет.

Как не понимают составители, что этим они преуменьшают подвиг тружеников тыла?

Сейчас уже опубликованы, например, данные о том, как кормили рабочих в столовых заводов города Кирова, в каких тяжёлых условиях работали эвакогоспиталя, которые, несмотря на все невероятные трудности, излечивали раненых бойцов и возвращали их в строй. Много удалось найти и примеров высокопрофессиональной деятельности врачей и преподавателей Ленинградской военно-морской медицинской академии, мастерство которых и позволяло достаточно быстро излечивать и возвращать раненых бойцов на фронт. В архивном фонде газет «Кировская правда» и «Комсомольское племя», в ГАСПИКО, сохранилось много неопубликованных писем-благодарностей в адрес врачей и

обслуживающего персонала эвакогоспиталей. Много там писем бойцов и о беспорядках в госпиталях.

Это была очень трудная пора, и если её показать правдиво и выпукло, то подвиг нашего народа будет ярко представлен подрастающему поколению, которое, поверьте, видит немало таких публикаций в ИНТЕРНЕТ. Именно на таких примерах беззаветной деятельности наших тружеников тыла в невероятно сложных условиях бытовой и производственной жизни и можно воспитывать молодёжь.

Но эти неопубликованные материалы мало кто изучает. И уж не составители этого сборника.

Исключение в этом издании составляют только публикации работников архива и статья кандидата исторических наук, доцента Василия Васильевича Фокина по архивному фонду материалов Комитета обороны, которые он впервые ввёл в научный оборот.

Почему так происходит? Да потому, что надо быстро «сбавать» издание, на которое выделены бюджетные деньги. И поделить эти деньги по разумению руководителей проекта.

Александр Земцов совершенно справедливо написал 9 ноября 2012 года в сети «МАКСПАРК» ИНТЕРНЕТ.

«То, что чиновники в самых различных областях не могут удержаться от личного обогащения, используя государственную должность, — совсем не новость. Уровень их материального положения, превышающий все разумные представления о достатке, уже никого не поражает. И странно было бы предполагать, что от порока сребролюбия избавлены люди, имеющие самое непосредственное отношение к государственной собственности.

А мы всегда будем довольствоваться тем, что прокуратура, следственный комитет,

полиция, будут ловить за хвост, как разбегающихся в разные стороны лисиц, этих бесконечных альхенов в генеральских погонах и с министерскими или другими портфелями. Ведь преступление УЖЕ свершилось. Уже украдены огромные, миллиардные средства из бюджета страны, наши с вами деньги.

Уже нанесён огромный материальный ущерб государству, огромный моральный вред населению, которое в очередной раз убедилось, что ничего не остановит бесконечное, всеобщее воровство, порождённое самой системой управления.

Когда в государстве планируются большие стройки, программы поддержки чего-либо, саммиты, олимпиады, для чиновников всех уровней наступает период «большого хапка».

Потирая руки, ждут они, когда можно будет присосаться к различным финансовым потокам и направлять их, куда им нужно.

Так сколько же денег будет разворовано, если у нас на САМОМ ДЕЛЕ, а не декларативно, захотят восстанавливать промышленность, сельское хозяйство?

Захотят оздоровить и восстановить от разрухи регионы, провести нормальную пенсионную реформу и повысить эффективность здравоохранения?

И возможен ли этот подъём во всех социальных и производственных сферах при условии, что огромные бюджетные средства, выделенные на эти цели, просто будут разворованы?

Возможно ли возрождение страны при существующей системе управления?

Наблюдать ли безучастно и дальше за этим наглым воровством, или... каждый решает сам».

Мне нечего к этому добавить...

**Александр
РАШКОВСКИЙ,
краевед**

г. КИРОВ

Варвара ДАНИЛОВА

И В КРУГОВОРОТЕ ЛУН И СОЛНЦА

В МОСКВУ

Вы в Москву за успехом?
Я в Москву за Россией, –
Дань собольего меха
Серебрит баргузином...

Что там золото страсти,
жемчуга, изумруды,
Мономаховой власти
Свежий соболь – вот чудо!

Искры молний летали
Над моею тайгой:
Обновлялась природа.
Я ждала своей доли.

И созрел серебристый
Клан...ужо дорогуший...
Что венчает на царство
Русских честь берегущих!

Вы в Москву за успехом?
Я в Москву за Россией, –
Серебристого меха
Честь везу и всесилье!

СВЯТАЯ АРКТИКА

Памяти Василия Роббека

Я останусь в веке двадцать первом
Вечно, словно вечер к девяти...
В круге пульс циркумполярно-мерный
Не собьет с примерного пути.

Лист бумаги вечно будет белым,
Почерк – перекрёстком наших дум,
Белый стих – таинственным и смелым,
Ясным, любопытным – светлый ум!

И в круговороте лун и солнца
Лик сиять мне будет бирюзой.
И в глубоком омуте колодца
Всем гореть Рождественской звездой.

г. ЯКУТСК

Работы сахалинского эвенка
Семёна Надеина

